

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ЧЕЛОВЕК ОБЩЕСТВО ИНКЛЮЗИЯ

№ 3 (51) 2022

ISSN 2412-8139

VESTNIK.MGGEU.RU

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**

Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал

Издается с 2009 года

**Человек. Общество.
Инклюзия**

**№ 3(51)
2022**

Человек. Общество. Инклюзия

№ 3(51) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	кандидат социологических наук, доцент, ректор МГГЭУ	И.В. Михалёв
Заместитель главного редактора	доктор педагогических наук, доцент, проректор по учебно-методической работе МГГЭУ	Е.С. Сахарчук
5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (Социологические)	кандидат социологических наук, доцент, ректор МГГЭУ доктор педагогических наук, доцент, проректор по учебно-методической работе МГГЭУ доктор социологических наук, профессор, профессор МГГЭУ доктор социологических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой гериатрии и медико-социальной экспертизы Российской медицинской академии последипломного образования Министерства здравоохранения РФ, Заслуженный врач РФ, Заслуженный деятель науки РФ	И.В. Михалёв Е.С. Сахарчук О.В. Бессчетнова Э.К. Наберушкина
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (Экономические)	доктор экономических наук, профессор РУДН доктор экономических наук, доцент, профессор МГГЭУ кандидат экономических наук, Председатель Президиума Центрального Правления Союза пенсионеров России, научный руководитель МГГЭУ	С.Н. Пузин А.З. Гусов В.А. Муталимов В.В. Рязанский
5.2.4. Финансы (Экономические)	доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, бухгалтерского учета и налогообложения МГГЭУ доктор экономических наук, Первый заместитель Председателя Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам доктор экономических наук, Первый заместитель Председателя Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам	Ю.Н. Нестеренко С.Н. Рябухин С.Н. Рябухин

	доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, бухгалтерского учета и налогообложения МГГЭУ	Ю.Н. Нестеренко
	доктор экономических наук, профессор РУДН	А.З. Гусов
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки	кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса МГГЭУ	Г.В. Мартыанова
	доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, член Центральной избирательной комиссии РФ	Б.С. Эбзеев
	доктор юридических наук, профессор, проректор по административно-хозяйственной работе и безопасности МГГЭУ	С.М. Шапиев
	доктор юридических наук, профессор, профессор МГГЭУ	С.А. Деханов
5.1.5. Международно-правовые науки	кандидат юридических наук, доцент, проректор по общим вопросам МГГЭУ	А.П. Червинская
	доктор юридических наук, профессор, проректор по административно-хозяйственной работе и безопасности МГГЭУ	С.М. Шапиев
	доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ, член Центральной избирательной комиссии РФ	Б.С. Эбзеев
	доктор юридических наук, профессор, профессор МГГЭУ	С.А. Деханов

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49

Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»

Телефоны: (499) 160-92-00, доб. 1091

Факс: (499) 160-22-05

E-mail: bobko@mggeu.ru

Номер свидетельства о регистрации средства массовой информации

ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Интернет: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>

Human. Society. Inclusion

Issue 3(51) 2022

EDITORIAL BOARD

CHIEF EDITOR	Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Rector of MSUHE	Mikhalev I.V.
DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF	Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Educational and Methodological Work of MSUHE	Sakharchuk E.S.
5.4.4 Social structure, social institutions and processes	Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, rector of MSUHE	Mikhalev I.V.
	Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Educational and Methodological Work of MSUHE	Sakharchuk E.S.
	Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of MSUHE	Besschetnova O.V.
	Doctor of Sociology, Professor Financial University at Government of the Russian Federation	Naberushkina E.K.
	Academician of the Russian Academy of Medical Sciences, Professor, Doctor of Medical Sciences, Head of the Department of Geriatrics and Medical and Social Expertise of the Russian Medical Academy of Postgraduate Education of the Ministry of Health of the Russian Federation, Honored Doctor of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation	Puzin S.N.
5.2.3. Regional and sectoral economics	Doctor of Economics, Professor RUDN	Gusov A.Z.
	Doctor of Economics, Associate Professor MSUHE	Mutalimov V.A.
	Candidate of Economic Sciences, Chairman of the Presidium of the Central Board of the Union of Pensioners of Russia, Scientific Director of MSUHE	Ryazansky V.V.
	Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance, Accounting and Taxation of MSUHE	Nesterenko Y.N.
	Doctor of Economics, First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets	Ryabukhin S.N.
5.2.4. Finance	Doctor of Economics, First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets	Ryabukhin S.N.

	Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance, Accounting and Taxation of MSUHE	Nesterenko Y.N.
	Doctor of Economics, Professor RUDN	Gusov A.Z.
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences	Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure of MSUHE	Martianova G.V.
	Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, member of the Central Election Commission of the Russian Federation	Ebzeev B.S.
	Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Administrative and Economic Work and Security of MSUHE	Shapiev S.M.
	Doctor of Law, Professor, Professor of MSUHE	Dekhanov S.A.
5.1.5. International Legal Sciences	Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for General Affairs of MSUHE	Chervinskaya A.P.
	Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Administrative and Economic Work and Security of MSUHE	Shapiev S.M.
	Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, member of the Central Election Commission of the Russian Federation	Ebzeev B.S.
	Doctor of Law, Professor, Professor of MSUHE	Dekhanov S.A.

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00 * 1091

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media

Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>; e-mail: bobko@mggeu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово ректора МГГЭУ, И.В. Михалёва	8
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Э.К. Наберушкина</i> Обзор проблем социального сиротства, инвалидности и паллиативной помощи	9
<i>Л.А. Гутерман, Л.С. Деточенко</i> Инклюзивные процессы в оценках родителей детей с инвалидностью	18
<i>И.Ю. Суркова, О.В. Андрющенко, Т.Н. Ильина</i> Потенциал доверия в организациях социальной сферы	28
<i>С.Н. Оводова</i> Инклюзивное пространство: выявление вариативных практик освоения городской среды качественными социологическими методами	38
<i>Ю.А. Афонькина</i> Социальное отношение к «нетипичному» ребенку в региональных социумах Евро-Арктических территорий России	46
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>И.В. Михалёв, Ю.Н. Нестеренко, Е.В. Трубачев</i> Оценка экономической результативности механизма социального сопровождения допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки лиц с инвалидностью	56
<i>А.З. Гусов, М.М. Эбердыева</i> Сущность и основные концепции социального предпринимательства	69
<i>В.А. Муталимов, Я. Зенати</i> Развитие малого предпринимательства в регионах России: методология оценки	80
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>С.А. Деханов</i> О международно-правовых основаниях вхождения Калининграда в состав СССР (России)	94
<i>О.А. Киселев, Г.В. Мартынова</i> Гражданско-правовая ответственность и способы защиты гражданских прав: соотношение и взаимосвязь	101
ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ	
<i>А.Н. Довнар</i> Актуальные теоретико-практические проблемы трудоустройства лиц с инвалидностью: вопросы права	109
НАУЧНАЯ ПОЛЕМИКА	
<i>К.И. Косачёв</i> Правовые и политические аспекты функционирования биологических лабораторий США на территории Украины	115
К сведению авторов	128

Contents

Welcome speech by the Rector of MSUHE, I.V. Mikhalev	8
SOCIAL SCIENCE	
<i>Naberushkina E.K.</i> Overview of social orphanhood, disability and palliative care	9
<i>Guterman L.A., Detochenko L.S.</i> Inclusive processes in the assessments of parents of children with disabilities ..	18
<i>Surkova I.Y., Andryuschenko O.V., Ilina T.N.</i> The potential for trust in social service organizations	28
<i>Ovodova S.N.</i> Inclusive space: identification of variable practices for the development of the urban environment by qualitative sociological methods	38
<i>Afonkina Y.A.</i> Social attitude towards an «atypical» child In the regional societies of the Euro-Arctic territories of Russia	46
ECONOMY SCIENCE	
<i>Mikhalev I.V., Nesterenko Y.N., Trubacheev E.V.</i> Assessment of the economic effectiveness of the social support mechanism before the pre-professional development and pre-professional training of persons with disabilities	56
<i>Gusov A.Z., Eyeberdiyeva M.M.</i> The essence and basic concepts of social entrepreneurship	69
<i>Mutalimov V.A., Zenati Y.</i> Development of small business in the regions of Russia: evaluation methodology	80
ECONOMY SCIENCE	
<i>Dekhanov S.A.</i> On the international legal grounds for joining Kaliningrad to the USSR (Russia)	94
<i>Kiselev O.A., Martyanova G.V.</i> Civil liability and ways of protecting civil rights: correlation and interrelation ..	101
STUDIES OF YOUNG SCIENTISTS	
<i>Dovnar A.N., Dekhanov S.A.</i> Actual theoretical and practical problems of employment of persons with disabilities: legal issues	109
SCIENTIFIC CONTROVERSY	
<i>Kosachev K.I.</i> Legal and political aspects of the functioning of US biological laboratories on the territory of Ukraine	115
For the Attention of Authors	128

Уважаемые Коллеги!

С большим энтузиазмом представляю вам очередную номер научного журнала «Человек. Общество. Инклюзия».

На протяжении почти полутора десятилетий основное академическое издание Московского государственного гуманитарно-экономического университета знакомит научно-профессиональную общественность со значимыми результатами исследований в области инклюзивной среды в ее широком понимании: как среды, обеспечивающей возможности личностной и социально-профессиональной реализации каждого человека вне зависимости от особенностей его здоровья; как системы правовых и экономических отношений; как сферы технологических инноваций в области реабилитации и абилитации; как пространства инклюзивной образовательной деятельности и др.

Актуальная социальная проблематика — всегда в центре внимания наших авторов, представляющих известные научные коллективы в Российской Федерации и за рубежом.

Уверены, что предпринятые редакционной коллегией журнала усилия по вхождению журнала в перечень ВАК по экономическим и правовым наукам ознаменуются расширением спектра серьезных научных публикаций и их географии. Импульс к дальнейшему развитию получит также и входящее в перечень ВАК социологическое направление. Основной вектор развития журнала на ближайшую перспективу — существенное усиление библиометрических показателей и укрепление экспертного статуса по тематике инклюзии.

Приглашаем новых авторов и исследовательские коллективы, аспирантов и докторантов, мы открыты для острой научной дискуссии и будем вместе на острие актуальной научной тематики!

Главный редактор

И.В. Михалёв

Э.К. Наберушкина

ОБЗОР ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА, ИНВАЛИДНОСТИ И ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ

OVERVIEW OF SOCIAL ORPHANHOOD, DISABILITY AND PALLIATIVE CARE

НАБЕРУШКИНА Эльмира Кямаловна — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор (e-mail: EKNaberushkina@fa.ru)

NABERUSHKINA Elmira Kyamalovna — Doctor of Sociology, Professor of Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: EK-Naberushkina@fa.ru)

Аннотация. Задача рассмотрения социальных проблем ставится нами в связи с тем, что при анализе некоторых актуальных проблем детальный обзор проблемной ситуации требует применения гендерного фокуса, поиска корреляций между характеристиками специфики оказания социальной помощи и показателями социального статуса индивидов. Например, религиозная принадлежность клиентов социальной системы социальной защиты. Данный тезис будет проиллюстрирован на примере анализа проблемы социального сиротства, инвалидности, паллиативной помощи. Реализация исследований по обозначенным темам проводилась нами в разные годы и позволяет проиллюстрировать глубинный срез анализа, а также увидеть исследовательские пробелы или стереотипность восприятия ряда социальных проблем.

Ключевые слова: гендер, социальное сиротство, инвалидность, паллиативная помощь.

Abstract. The task of considering social problems is set by us due to the fact that, when analyzing some topical problems, a detailed review of the problem situation requires the use of gender focus, the search for correlations between the characteristics of the specifics of providing social assistance and indicators of the social status of individuals, for example, the religious affiliation of clients of the social system of social protection. This thesis will be illustrated by the example of the analysis of the problem of social orphanhood, disability, palliative care. The implementation of research on the identified topics was carried out by us in different years and allows us to illustrate the deep cut of the analysis, as well as to see research gaps or stereotyping in the perception of a number of social problems.

Keywords: gender, social orphanhood, disability, palliative care.

В данной статье исследуются проблемы инвалидности, социального сиротства, паллиативной помощи в контексте приближения к индивидуальному опы-

ту людей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Поскольку повседневный опыт терминальных больных, людей с инвалидностью и женщин, лишенных родительских прав слабо проблематизирован и стигматизирован на уровне научного анализа, обыденного сознания и СМИ, то данный дискурс обозначенных социальных проблем требует выведения из поля «несущественного».

Три проекта РФФИ, реализованные в 2018, 2019 и 2020 гг. и результаты полученных качественных и количественных исследований легли в основу представленного в работе анализа [19]. Так, проект «Жизненные траектории детей и их биологических родителей, восстановленных в родительских правах» выполнялся с 2016 по 2018 год на базе Белгородской и Саратовской областях, а также Забайкальского края. Информантами выступали женщины, лишенные родительских прав (N 25). Применялись методы глубинного интервью и опрос экспертов из числа сотрудников органов опеки.

В рамках проекта «Урбанистическое благополучие инвалидности» методы исследования представляли собой пакет измерительных инструментов, сочетающих качественную и количественную методологию для изучения социального запроса людей с инвалидностью (в зависимости от характера и нозологии инвалидности) на характеристики окружающей среды для повышения уровня социального благополучия. Получено 300 анкет и 50 транскрибированных глубинных интервью. Целевая выборка позволила опросить молодых людей с инвалидностью, имеющих существенные ограничения мобильности по причине нарушения опорно-двигательного аппарата.

Методологической особенностью проекта «Интеграция паллиативной помощи в национальную политику РФ» стало комплексирование системы статистических, сравнительных, исторических, клинических, экспертных и социально-антропологических методов. Исследовательские ориентиры проекта были определены разработанной теоретической рамкой на основе синтеза идей о паллиативной помощи как общественно-политической системе достижения лучшего качества жизни для пациентов и их семей. Для решения поставленных задач было проведено исследование методом глубинного интервью с экспертами, вовлеченными в систему паллиативной помощи. На основании научных методов эмпирической социологии был разработан и применен инструментарий для изучения социального запроса на общественно-политический институт паллиативной помощи. Здесь применялась лишь качественная методология, что обусловлено чувствительностью изучаемой проблематики. Осуществлялись нарративные интервью с членами семьи паллиативных больных и с самими пациентами паллиативного ухода (N 20). Проводился экспертный опрос персонала из числа медиков, социальных работников и волонтеров хосписов (N 56). Ценность результатов проекта обусловлена эмпирическими данными, полученными от труднодоступной для социологического исследования социальной страты.

Результаты исследования. Опыт работы в рамках обозначенных проектов позволил маркировать проблематику социального сиротства, терминальной стадии жизни человека, инвалидности и инвалидизации как окрашенную особенностями опыта индивидуальных переживаний людей, что позволило реализовать подход «приближение к опыту» [17].

Начнем с рассмотрения проблематики социального сиротства. Эмпирическая картина показала, что здесь объектом профилактического, коррекционного и санкционного воздействия в большинстве случаев являются биологические матери детей, либо родственники женского пола (бабушки, тетки). Мужчины

как биологические отцы или сожители в повторных союзах лишь в единичных случаях попадают в фокус внимания и социальной работы специалистов органов опеки. Следует отметить, что наибольший процент детей-сирот был зафиксирован в 2005 г. Тогда этот показатель достиг почти 3% от всех детей страны. Мнение специалистов таково: «Всплеск сиротства в 2003–2005 гг. следует считать следствием постперестроечной аномии, социально-экономических и политических турбулентностей, дефолта 1998 г. и обнищания населения» [3].

К началу 2021 г. количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составило по официальным данным 406 128 человек. Большая их часть, около 365 тысяч человек, воспитывается в замещающих семьях. За 2020 г. общее количество сирот в России сократилось на 6,6%, при этом «в 40 регионах динамика превысила среднюю» [7].

Количество детей, возвращенных биологическим родителям, как правило, не превышает в целом по стране 12,0% [6]. Мужчины чаще лишаются родительских прав, это происходит по многим причинам: сознательное невыполнение родительских обязанностей; жестокое обращение с детьми; злоупотребление алкоголем или наркотиками; эксплуатация ребенка (заставляют попрошайничать или тяжело работать); осуждение за совершение преступления по отношению к ребенку; непредоставление ребенку медицинского ухода или, наоборот, нанесение ему вреда лечением; отказ или нежелание общаться с ребенком и принимать участие в его жизни. Помимо перечисленного, женщины инициируют лишение отцовства в связи с необходимостью получить разрешение на вывоз ребенка за границу и в связи с потребностью воспользоваться льготным пакетом матери одиночки [1].

История женщин, лишенных родительских прав, всегда сопряжена с трудной жизненной ситуацией; бедностью; безработицей; отсутствием собственного жилья или его неудовлетворительным состоянием вследствие долгов по жилищно-коммунальным платежам; проблемами в детско-родительских и супружеских отношениях; негативным отношением ближайшего социального окружения (членов расширенной семьи, соседей); жестким дисциплинарным характером деятельности социальных служб, органов опеки и попечительства, органов внутренних дел.

В отражении общественного мнения и официальной статистики причины социального сиротства и лишения родительских прав преимущественно привязаны к асоциальному поведению или маргинальному статусу женщины [20]. Подавляющее число лишений родительских прав (около 80%) являются следствием алкоголизма родителей, их асоциального образа жизни; 6% — жестокого обращения с детьми; невыполнения обязанностей по содержанию и воспитанию детей — 12%. Более 64,8% матерей склонны винить окружающих (супругов, родственников, органы опеки и попечительства, социальные службы, органы охраны правопорядка) в лишении их родительских прав, реже себя и свой образ жизни (15,1%).

В ходе анализа и интерпретации результатов исследования, где информантками выступали женщины 30–45 лет, проживающие в сельской местности, имеющие в анамнезе алкогольную или наркотическую зависимость, анализ ответов женщин, лишенных или ограниченных в родительских правах, позволил говорить о четырех основных группах, в зависимости от жизненных планов на восстановление родительства. В первую группу вошли женщины (таких большинство), не имеющие четких целей на дальнейшую жизненную перспективу («какие

планы, живу одним днем»; «сегодня жива, завтра умерла»; «поживем, увидим»; «дожить бы до завтра»), либо их цели представлялись нереалистичными («обещали наш дом отремонтировать в следующем году»; «пенсия побольше будет, тогда полегче жить будет»; «тут работы нет, в Москву, что ли податься, говорят там много платят»). Женщины второй группы выказывали намерение изменить ситуацию в последующем браке, с появлением других детей («первый раз не получилась, вот может во второй раз получится»; «первый уж взрослый совсем, мне бы вот этих поднять»). Третья группа информанток выражала потенциальное желание вернуть детей при положительном изменении жизненной ситуации («да я же пыталась, и в органы опеки ходила, заявление писала, да толку то что»; «хожу, навещаю сына, вот только на прошлой неделе у него была»; «в опеке говорят надо еще какие-то справки собрать»). К четвертой группе мы отнесли женщин, которые не проявили намерения восстановить родительские права, считая ситуацию решенной («уж и не знаю, где ему будет лучше, здесь или у матери моей»; «да они там хорошо живут, ни в чем не нуждаются, бабка деньги на них получает от государства»; «я звоню ей, мы по телефону разговариваем часто»). Таких больше всего в семьях с родственной опекой над ребенком.

Личностные позитивные трансформации женщин, которые сумели вернуть своих детей, как следует из их жененных историй, связаны с изменением круга общения, выходом из деструктивных партнерских отношений, с более стойкими и длительными периодами ремиссии.

Как показали результаты исследования, в социальной практике детское сиротство маркируются преимущественно в связи с проблемами их матерей. Крайне недостаточно мер социальной работы по активизации поддерживающих ресурсов расширенной семьи, вешних социальных институтов, профессиональных и гражданских сообществ [10]. Тезис, характеризующий социальную работу как дружественные визиты к беднякам (клиентам), сформулированный Джейн Адамс на заре институционализации социальной политики и социальной работы, более не описывает технологии социальной работы (в частности, с женщинами ограниченными и лишенными прав родительства). Меры воздействия, коммуникация и транзакции между органами опеки, институтами социальной работы и клиентами приобретают порой карательный, дискриминирующий характер [5].

Гендерный дисбаланс дискурса родительства наблюдается и в постановке проблем матерей-одиночек и отцов-одиночек. В нашей стране насчитывается почти 300 тысяч отцов-одиночек. Такие данные получены российской правозащитной ассоциацией «Отцы и дети». «Под лицами, воспитывающими детей без матери, следует понимать отцов, воспитывающих детей без матери; мужчин, воспитывающих без матери усыновленных ими детей; опекунов и попечителей, воспитывающих детей без матери; отчимов, воспитывающих детей без матери; приемных отцов, воспитывающих детей без матери» [14].

Злободневные проблемы одинокого отцовства связаны с вопросом алиментов и лишения родительских прав матери. Мужчины реже инициируют процедуру лишения родительских прав биологической матери и реже подают на алименты. Не лишают жен родительских прав также в связи с низкой правовой информированностью, нежеланием заниматься бумажной волокитой, из-за гендерных установок маскулинности.

Согласно российскому законодательству, получить статус отца-одиночки можно при следующих условиях: «быть в разводе не менее 300 дней или вовсе не быть в браке; у ребёнка не должно быть связи с матерью. Подтверждением

выступает документ, в свидетельстве о рождении в строке «мать» должен стоять прочерк, либо супруга отказалась от ребенка будучи в браке с мужем» [13]. В этом контексте в более уязвимой и нерегулируемой ситуации оказываются мужчины, воспитывающие ребенка самостоятельно. Институт социальной работы лишь пиксельно реагирует на данную социальную проблему, а ресурсы общественных организаций скудны.

Анализ ситуации показал, что проблематика детского сиротства крепко увязана с женским вопросом (асоциальный статус матери). В фокусе внимания органов опеки находится преимущественно женская половина семьи, а проблема социального сиротства в целом окрашена как вопрос женской маргинальности. Общество с меньшим вниманием относится к институту отцовства (отцам, уклоняющимся от выполнения родительских обязанностей, отцам, воспитывающим детей без матери). Проблема отцов-одиночек звучит слабо, нет объективных цифр и алгоритма учета таких семей, одинокие отцовские семьи зачастую выпадают из поля социальной защиты и системы воспомоществования семье [11].

Переходя к анализу проблематики инвалидности обозначим, что мы исходим из следующего: переживание опыта инвалидности коррелирует с гендерным статусом, местом проживания инвалида, нозологическими особенностями [18]. Повседневный опыт и индивидуальные особенности людей с ограниченными возможностями позволяют иначе интерпретировать как проблематику инвалидности, так и вопросы управления социальным и городским развитием [9].

В поиске ответа на вопрос о том, что значит быть женщиной с инвалидностью в большом городе выяснилось, что это опыт невидимых групп, которые в среде инвалидов не видны как женщины, а в гендерном поле зачастую не воспринимаются как женщины. Интерпретация нарративов женщин с инвалидностью позволила понять: «их проблемы и психологические фрустрации не являются сугубо личными, поскольку укоренены в сфере стереотипов и стигм в моделях гендерного порядка общества. Культурные коды патриархата стремились переформатировать сторонницы радикального крыла феминистского движения, однако сохранившиеся установки о женской не столько субъектности, сколько объектности, делают молодых женщин с инвалидностью более уязвимыми. Хотя мы и не обнаружили существенных различий в восприятии инфраструктурных и социокультурных барьеров общества и зафиксировали гендерные позиции мужчин и женщин в этом вопросе близкими друг к другу, все же различия видны в части ответа на вопрос о том, кому легче попросить посторонних о помощи» [4; 13]. Помощь горожан встроена в работающие матрицы представлений о феминности и маскулинности, мужчины с инвалидностью испытывают больший стресс при невозможности справиться с чем-то самостоятельно [2]. Если женщина-инвалид просит о помощи, то это воспринимается естественно, так как полностью вписывается в социокультурный гендерный контекст и представления о слабом поле. При этом женщины с инвалидностью чаще сталкиваются со случаями, когда под предлогом помощи их личное пространство грубо нарушается, а в случае отказа от помощи — с агрессивным поведением. Сам факт оказания помощи вызывает разное отношение среди представителей высших и низших социальных слоев. Женщины, принимавшие участие в нашем исследовании, рассказывали о случаях так называемой «бестактной доброты», исходящей в основном от пожилых женщин, а также о случаях демонстративно брезгливого дистанцирования от инвалидов со стороны высокообеспеченных граждан.

Итак, инвалиды воспринимаются обществом и институтами как особая группа с ее специфическими физиологическими, психологическими и социальными потребностями, часто испытывают на себе эффекты особой, экзотической стигмы, а повседневность женщин-инвалидов сопряжена с опасностями и специфическими рисками. Женский вопрос в поле инвалидности звучит слабо [18].

Третьей проанализированной проблемой стала паллиативная забота. «Было опрошено 76 человек, из них 35 специалистов медицинского профиля и представителей других профессий, вовлеченных в систему долговременного или паллиативного ухода. Остальная часть информантов была представлена работниками и волонтерами благотворительных фондов, членами семьи терминального больного и людьми, которые столкнулись с неизлечимым заболеванием» [14].

Острота проблемы паллиативной заботы настолько очевидна, что требует отдельного всестороннего описания. Наше исследование подтвердило существующий и спектр нерешенных проблем в этой области, а именно:

- (1) ограничения, связанные с тем, что определенные законодательные и нормативные акты существенно усложняют или запрещают назначение и обращение наркотических анальгетиков, получение паллиативного лечения, комплексную фасилитацию пациентов в терминальной стадии;
- (2) трудности, обусловленные стоимостью препаратов и ограничением доступа к импортным препаратам в ситуациях, когда предлагаемы отечественные аналоги вызывают серьезные побочные эффекты;
- (3) бюрократические ловушки институционализации паллиативной помощи, которые связаны, в том числе с ведомственной рассогласованностью, формальными препонами и разногласиями относительно содержания паллиативной помощи;
- (4) социокультурные барьеры и стереотипы, отраженные в повседневных представлениях россиян («паллиативная помощь означает скорую смерть или даже ускоряет уход из жизни»; «паллиативная помощь нужна только онкологическим больным»; «паллиативная помощь может оказываться только в больнице или хосписе»; «нельзя позволить человеку умереть дома, он должен находиться в лечебном учреждении и бороться с болезнью до последнего»);
- (5) замалчивание тематики смерти и умирания, семья должна огораживать детей от умирающих членов семьи;
- (6) ложные установки биоэтического и когнитивного порядка;
- (7) отсутствие в нашем обществе дискурса «качества смерти» и готовности принять, изучать, исследовать и осуществлять соответствующее вмешательство в проблематику качества жизни, достойного человека на его завершающем этапе.

Со стороны людей, принявших участие в исследовании, нами были выявлены запросы на формирование комплексной системы паллиативной помощи и потребность в междисциплинарном подходе; на квалифицированных специалистов разного профиля для помощи терминальным пациентам и членам их семей; на повышение качества жизни неизлечимо больного человека; на индивидуальный, внимательный и учитывающий человеческие различия подход при оказании паллиативной помощи; на демедиализированное развитие системы паллиативной заботы (домашний и смешанный уход); соблюдение этических норм и прав человека (большинство студентов медиков считают, что удов-

летворение психосоциальных потребностей умирающих пациентов не является их компетенцией).

Терминальные пациенты еще в большей степени, чем люди с инвалидностью воспринимаются как «по gender». Вариативности долговременного ухода в зависимости от пола практически нет, либо она видна и реализуется только близкими членами семьи. Отечественный институт социальной работы чрезвычайно недееспособен именно в направлении реализации паллиативной помощи. Лишь немногие вузы имеют направление подготовки по направлениям «организация системы паллиативной помощи» или что-то подобное. Наиболее эффективным в этом смысле сегодня является Свято-Филаретовский институт в Москве, где на отделении социальной работы ведется переподготовка по направлению «социальная работа в системе долговременного ухода». Эффективность подготовки специалистов во многом обусловлена осознанной мотивацией слушателей, которые решили посвятить себя этой профессиональной деятельности. Многие работают в хосписах, тематических общественных организациях, занимаются волонтерством.

В ходе интервью мы выяснили, что забота о членах семьи в терминальной стадии становится обязанностью в основном женской части расширенной семьи, паллиативные пациенты мужского пола имеют поведенческие и особенности восприятия своего статуса больного, что абсолютно не учитывается в медико-социальном профессиональном поле.

«Есть еще большая разница между мужскими и женскими отделениями, к женщинам больше приходят. Покормят и переоденут, а в мужском отделении сложнее, потому что они почти не общаются между собой, если человек начинает делиться, то над ним даже начинают подсмеиваться, они даже не подумают о том, чтобы поделиться друг с другом. В мужском отделении пациенты будто не видят друг друга. Там большая работа должна быть психологическая, волонтерская» (медицинская сестра отделения паллиативной помощи).

Остается на периферии вопрос о культурных, религиозных и этнических предпочтениях и убеждениях, связанных со смертью и умиранием. Внимание к религиозным, этническим и социокультурным различиям крайне необходимо, но современные практики социальной работы не обременены этим вопросом. Этно-религиозный статус может влиять на восприятие и наделение особым значением боли и страданий; отношение к информированию о болезни и осведомленности; убеждения о причинах и значении болезни; способы выражения горя от потери; выбор целителя, доктора и режима лечения; отношение к умиранию и смерти (например, в некоторых культурах считается, что смерть должна наступить в доме, где проживает умирающий или его семья); убеждения о загробной жизни; ритуалы, включая приготовления для погребения (обычаи, траурные обряды и пр.).

Выводы. Приближение к индивидуальному, повседневному опыту человека, позволяет отметить, что особенности индивида зачастую остаются невидимыми для специалистов и исследователей. Учет социокультурных и гендерных различий способен привести к индивидуализации социальной помощи семьям, людям с инвалидностью, инкурабельным пациентам и членам их семей, к развитию социальной политики и практик решения острых социальных проблем [12]. Анализируя наиболее чувствительные социальные проблемы (паллиативный уход, инвалидность, лишение родительских прав), мы, изначально не ставя такой задачи, вышли на проблему полного игнорирования важней-

ших индикаторов человеческой реальности (гендер, вера, этническая принадлежность). В этой связи возникает запрос и критика в адрес отечественного института социальной работы, который по логике своего экзистенциального духа должен видеть человеческую, а не формально-бумажную суть каждой социально значимой проблемы.

Список литературы

1. *Абросимова Е., Бухтиярова И., Филипова А.* Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы: анализ региональных образовательных мероприятий и материалов СМИ // Ойкумена. — 2019. — № 3 (50). — С. 50–64.
2. *Аванесов С.С.* Визуальная семиотика города: перспектива исследования городских текстов // ПРАЭНМА. — 2016. — Вып. 4 (10). — С. 9–22.
3. *Авдеева А.* «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. — 2012. — № 11. — С. 95–104.
4. *Амин Э., Трифт Н.* Города: переосмысляя городское. — Н. Новгород, Красная ласточка, 2017. — 224 с.
5. *Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д.* Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2019. — № 3. — С. 345–366.
6. *Бессчетнова О., Наберушкина Э., Волкова О.* Жизненные траектории детей и их биологических родителей, восстановленных в родительских правах. — Саратов: Саратовский источник, 2018. — 180 с.
7. Голикова сообщила, что число детей-сирот в России в 2020 году сократилось на 6,6%. — Текст: электронный. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/10773269> (дата обращения 04.02.2022).
8. *Горшков М.К.* Российское общество в контексте новой реальности. — М.: Весь мир, 2017. — 104 с.
9. *Касаткина С.С.* Урбосфера: практики осмысления городского пространства. — Череповец, Череп. гос. ун-т., 2018. — 160 с.
10. *Латин Н.И.* Формирование социального государства — способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. — 2018. — № 8. — С. 3–11.
11. *Лебедева Л.Г., Орлова Л.В.* Социальное государство в социологическом зеркале преемственной связи российских поколений // Вестник Самарского муниципального института управления. — 2018. — № 4. — С. 133–139.
12. *Майоров В.И.* Модернизация системы контроля и надзора: новая регуляторная политика // Административное право и процесс. — 2019. — № 11. — С. 34–36.
13. *Наберушкина Э.К.* Инвалидность в фокусе урбанфеминизма // Женщина в российском обществе. — 2020. — № 3. — С. 142–155.
14. *Наберушкина Э.К., Судоргин О.А.* Проблемные блоки системы паллиативной помощи в России (по результатам эмпирического исследования) // Интернаука. — 2019. — № 41-6 (128). — С. 90–92.
15. Отец одиночка – правовой статус, пособия и льготы. — Текст: электронный // Российская юридическая сеть: [сайт]. — URL: <https://mosad.online/otets-odinochka-pravovoy-status-posobiya-i-lgoty>.

16. Отцы одиночки в России. Справка. — Текст: электронный // РИА Новости: [сайт]. — URL: <https://ria.ru/20100806/262415478.html>.
17. *Тощенко Ж.Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). — М.: Весь мир, 2020. — 352 с.
18. *Ярская-Смирнова Е.* Одежда для Адама и Евы. Очерки гендерных исследований. — М.: ИНИОН РАН, 2001. — 250 с.
19. *Ярская-Смирнова Е., Романов П.* Взгляды и образы: методология, анализ, практика // *Визуальная антропология: настройка оптики.* — М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. — С. 7–16.
20. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Ценностно-символическое пространство семейной политики // *Демоскоп Weekly.* — 2010. — № 409–410.

**ИНКЛЮЗИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОЦЕНКАХ РОДИТЕЛЕЙ
ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ**

**INCLUSIVE PROCESSES IN THE ASSESSMENTS OF PARENTS
OF CHILDREN WITH DISABILITIES**

ГУТЕРМАН Лариса Александровна — кандидат биологических наук, доцент, руководитель Ресурсного учебно-методического центра по работе с инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья Федерального государственного автономного образовательного учреждения «Южный федеральный университет» (e-mail: laguterman@sfedu.ru)

ДЕТОЧЕНКО Людмила Станиславовна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальных технологий Института философии и социально-политических наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения «Южный федеральный университет» (e-mail: detochenko@sfedu.ru)

GUTERMAN Larisa Aleksandrovna — Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Head of the Resource Training and Methodological Center for Work with the Disabled and Persons with Disabilities, Federal State Autonomous Educational Institution «Southern Federal University» (e-mail: laguterman@sfedu.ru)

DETOCHENKO Lyudmila Stanislavovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social Technologies of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution «Southern Federal University» (e-mail: detochenko@sfedu.ru)

Аннотация. В статье проанализировано отношение родителей детей с инвалидностью к инклюзии и его роль в дальнейшем развитии инклюзивных процессов в школе. Результаты исследования позволяют говорить о наличии двух категорий родителей детей с инвалидностью. К первой категории относятся родители с низким уровнем информированности об инвалидности как социальной проблеме, ориентированные на медицинскую модель восприятия ситуации как личной трагедии. Эта группа родителей является носителем травмирующего опыта стигматизации, и сама транслирует стигматизированные практики и предрассудки. Исследование показало, что низкий уровень материального достатка, отсутствие высшего образования у родителей являются факторами риска, обуславливающими формирование низкой адаптивности семьи к ситуации инвалидности и развитие самостигматизации. Ко второй категории родителей относятся те респонденты, которые являются носителями социальной модели инвалидности. Для таких респондентов характерно стремление к борьбе с социальными барьерами инклюзии и вера в потенциал собственного ребенка. Результаты исследования вносят вклад в развитие представлений о роли родителей в формировании инклюзивной культуры образовательного учреждения. Данные помогают понять траектории по развитию инклюзивной культуры в обществе.

Ключевые слова: инклюзивное образование, родители детей с инвалидностью, инвалидность.

Abstract. *The article analyzes the attitude of parents of children with disabilities to inclusion as the most important factor in the further development of inclusive processes in school. The results of the study suggest that there are two categories of parents of children with disabilities. The first category includes parents with a low level of awareness of disability as a social problem, focused on the medical model of perceiving the situation as a personal tragedy. Such a group of parents is the bearer of a traumatic experience of stigmatization, and itself translates stigmatized practices and prejudices. The study showed that the low level of material prosperity, the lack of higher education among parents are risk factors for the formation of low adaptability of the family to the situation of disability and the development of self-stigmatization. The second category of parents includes those respondents who are carriers of the social model of disability. Such respondents are characterized by a desire to fight against social barriers of inclusion and a belief in the potential of their own child. The results of the study contribute to the development of ideas about the role of parents in the formation of an inclusive culture of an educational institution. The data helps to understand the trajectories for the development of inclusive culture in society.*

Keywords: *inclusive education, parents of children with disabilities, disability.*

Постановка проблемы. Российская Федерация ратифицировала или признает целый ряд международных нормативно-правовых актов, которые поощряют, защищают и обеспечивают права инвалидов [1; 2; 3; 4; 7], включая право на доступ к качественному образованию, в том числе в инклюзивной форме. Международные обязательства подкрепляются рядом национальных законов и стратегий, направленных на обеспечение доступа всех детей, вне зависимости от состояния их здоровья к качественному образованию и включению в общество [5; 6; 8]. Однако происходящие позитивные изменения часто вступают в противоречие с историческими практиками отношения к лицам, имеющими инвалидность в нашей стране. Стигматизация и предрассудки в отношении инвалидности и общий низкий уровень инклюзивной культуры остаются серьезными барьерами в дальнейшем развитии инклюзивного образования. Исследование разнообразных барьеров инклюзивного образования становится основным ракурсом изучения. Отношенческие барьеры, по мнению ряда исследователей [16; 17; 18], имеют первостепенное значение. Авторы большинства как зарубежных, так и отечественных работ сосредотачивают свое внимание на преподавателях и одноклассниках детей с ограниченными возможностями здоровья, уделяя особое внимание их убеждениям и отношениям [19; 20]. Данные об отношении родителей к инклюзивным процессам в целом и в сфере образования в частности встречаются значительно реже [9; 10].

Между тем известно, что именно семья является важнейшим агентом, влияющим на инклюзивную культуру и на отношение сообщества к ребенку с инвалидностью [15]. Именно поэтому цель исследования состояла в том, чтобы определить отношение родителей детей с инвалидностью к инклюзии.

Методы исследования. Исследование проводилось с марта по май 2021 года. В нем приняли участие общеобразовательные организации (инклюзивные и специализированные) всех муниципалитетов Ростовской области. Информирование родителей о проводившемся исследовании осуществляли учителя.

Метод опроса — анкетирование. В анкетировании приняли участие родители детей с инвалидностью (N = 5796 человек) и родители детей без инвалидности (N = 7820 человек). Общее количество респондентов составило 13 616 человек. Родители заполняли анкеты в домашних условиях по предоставленной ссылке на гуглформу. Тип выборки — случайная. Статистический анализ данных включал описательную статистику (частота и проценты). Данная статья освещает один из аспектов программы исследования — отношение родителей к инклюзивным процессам¹.

Результаты. Важнейшим отличием социальной парадигмы инвалидности и современного этапа социальной политики в отличие от медицинской парадигмы является представление о ситуации инвалидности как общественной, а не личной проблеме. Важное значение в этом контексте имеет критическое осознание масштабов инвалидности и социальной природы трудной жизненной ситуации инвалидности. С целью выявления уровня осведомленности родителей детей с инвалидностью о масштабах инвалидизации им был задан вопрос: «Как вы считаете, много ли людей с ограниченными возможностями здоровья в нашем обществе?». Ответы респондентов распределились следующим образом: очень мало — 3%, скорее немного — 20%, скорее много — 41%, очень много — 17%, затрудняюсь с ответом — 18%. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что уровень осведомленности родителей о ситуации инвалидизации населения остается низким. Столкнувшись с задачей воспитания особого ребенка некоторые родители продолжают относиться к ситуации как к личной трагедии, мало осмысливая происходящее в контексте общих закономерностей.

Серьезную проблему в инклюзии представляют отношенческие барьеры. Поведенческие особенности некоторых категорий детей вызывают непонимание и страх общества, что в конечном счете порождает стигматизацию детей с инвалидностью. Ребенок с инвалидностью и его семья часто испытывают стигматизацию со стороны общества. На вопрос: «Как вы считаете, что обычно испытывает большинство граждан нашего общества, встречая людей с ограниченными возможностями здоровья?», респонденты полагают, что такими чувствами являются: «смущение, поскольку не знают как себя вести» (31,5% — часто, 37,7% — иногда, 15,11% — редко), «жалость и сострадание» (32,5% — часто, 35,1% — иногда, 14,6% — редко), «восхищение и уважение, потому что люди с ограниченными возможностями здоровья очень много преодолевают» (24,7% — часто, 29,53% — иногда, 23% — редко), «страх за себя, ведь от серьезных проблем со здоровьем никто не застрахован» (21,7% — часто, 30,6% — иногда, 18,5% — редко); «раздражение, так как думают, что у людей с ограниченными возможностями здоровья привилегии» (13,2% — часто, 23,9% — иногда, 30,2 — редко), «безразличие, так как со своими проблемами все должны справляться сами» (28% — часто, 24,5% — иногда, 20,8% — редко), «гнев, возмущение, потому что испытывают неудобства рядом с людьми с ограниченными возможностями здоровья» (9,6% — часто, 21,1% — иногда, 30,43% — редко). Как показывают результаты анализа ответов на данный вопрос, практически каждый десятый родителей является носителем ассоциированной стигмы, которая по мнению ряда исследователей более, чем иные социальные детерминанты (пол, возраст, образование) влияют на отношение ро-

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания «Организация проведения общественно-значимых мероприятий в сфере образования, науки и молодежной политики» Обзн0706-11/17-03.

дителей детей с инвалидностью к инклюзивному образованию и на готовность включить его в систему общего школьного образования [13].

Субъектом стигматизации может выступать и ближнее окружение ребенка, включая родителей. 14,5% родителей детей с инвалидностью согласились с утверждением: «Люди с ограниченными возможностями здоровья ведут себя иначе, чем другие граждане, поэтому не вписываются в общество» (45,96% частично согласились с этим высказыванием, 39,52% не согласились). Из респондентов, полностью согласившихся с данным утверждением 70,1% — родители, не имеющие высшего образования. Среди тех респондентов, которые полностью не согласились с данным утверждением (39,52%) 60,5% имеют высшее образование. Схожие результаты были получены при анализе ответов на вопрос: «Согласны ли вы, что между обычными людьми и людьми с ОВЗ гораздо больше сходства, чем различий»: 11,6% — не согласились, 37% — в чем-то согласились, в чем-то нет, 51,4% — согласились с данным утверждением. Следует отметить, что среди тех родителей, которые склонны видеть скорее отличия, нежели сходство в детях, имеющих и не имеющих ограничения по здоровью, абсолютно все в той или иной степени согласились с утверждением: «Обеспечение жизни людей с ограниченными возможностями здоровья требует значительных расходов, которые не всегда оправданы». Всего среди респондентов 13,85% полностью согласились с этим высказыванием и 35% согласились с ним частично. Обесценивание экономического потенциала людей с инвалидностью — важнейший компонент социального конструирования инвалидности, от которого зависит дальнейшая результативность движения общества к инклюзии. Необходимо развивать практики и механизмы интеграции инвалидов в экономическую сферу жизни общества, в том числе, с учетом их остаточной трудоспособности. Роль больного в русле медицинской парадигмы предполагает освобождение инвалида от трудовых обязанностей в обмен на комплекс экономических, социальных и политических прав. При этом 17% родителей детей с инвалидностью, то есть практически каждый пятый респондент не согласен с тем, что «люди с ограниченными возможностями здоровья могут работать так же продуктивно, как и люди без ограничений по здоровью». Дальнейший анализ позволил нам выделить отдельную группу родителей, которые при достаточно низком уровне осведомленности о инвалидности как социальной проблеме, сами являются носителями определенных стереотипов о социальных последствиях инвалидности. Такая группа родителей показала в целом негативную установку на инклюзию при наличии установки на расширение материальной помощи и снижение уровня притязаний в отношении своего ребенка. В целом следует отметить, что примерно пятая часть всех респондентов может быть отнесена к данной группе, исходя из анализов ответов.

Каждый второй родитель особых детей считает: «В нашем обществе несправедливость по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья, в том, что касается образования, трудоустройства, доступности общественных мест» велика (33,8%) или очень велика (24%). При этом 55,9% отмечают, что в целом отношение к людям с ОВЗ в нашем обществе за последние 5–10 лет улучшилось. Среди респондентов, ответы которых на вопрос, касающийся сходства и различия, выявили высокий уровень стигматизации детей на основе состояния здоровья, абсолютно все полагают, что отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья за последние 5–10 лет осталось прежним или ухудшилось. Защитная установка в поведении, проти-

вопоставление своих детей и своих семей остальному обществу порождает негативную оценку действительности, становится предпосылкой ухудшения социально-психологического микроклимата в семье и фактором эксклюзии, конфликтности и ранимости. Несмотря на то, что более половины респондентов ощущают позитивные изменения, почти каждый второй считает, что людям с ограниченными возможностями здоровья в нашей стране уделяется недостаточно внимания («уделяется слишком мало внимания» — 13,81%, «уделяется недостаточно внимания» — 39,3%). Среди тех, кто отмечает недостаточность внимания общества к проблемам инвалидов 73,1% отметили, что имеют достаточно серьезные материальные сложности с покупкой продуктов питания, одежды, товаров длительного пользования. 99,7% семей, обозначивших такие проблемы — семьи респондентов, не имеющих высшего образования. Потребность в финансовой помощи прослеживается в ответах на целый ряд вопросов. Так, родителям особых детей задавали вопрос: «Как вы считаете, чего прежде всего не хватает людям с ограниченными возможностями здоровья в нашей стране?». На первом месте среди ответов — «материальной помощи» (47,6%); на втором месте «возможностей ощущать себя полноправными членами общества» (42,7%); на третьем — «то же, что необходимо всем остальным людям» (30,3%); на четвертом — «внимание и забота со стороны окружающих» (28%). Ответы на вопрос предполагали возможность самостоятельно обозначить потребности среди вариантов ответов: потребность в бесплатных реабилитационных центрах, в поддержке в лечении за рубежом, в получении медикаментов, в расширении возможностей для самореализации, в трудоустройстве, в упрощении процедуры освидетельствования и получения инвалидности, в повышении качества и доступности образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья, в повышении доступности среды. На вопрос: «В какой помощи вы и ваш ребенок испытываете необходимость в первую очередь?» 50,3% респондентов выбрали «материальную помощь», 43,5% — «помощь в решении медицинских проблем», 35,6% — «санаторное лечение», 34,8% — «помощь в получении качественного образования», 22,7% — «решение бытовых проблем», 21,3% — «психологическую консультацию», 14,23% — «правовую консультацию». Кроме того, родители отмечали потребность в адаптации детей к социуму, в адекватном отношении к инвалидам, жилищной поддержке, в организации досуговых мероприятий и отдыха, в том числе в летний период, в специалистах (логопедах, дефектологах, психологах), в получении качественного, в том числе профессионального образования, в доступности адаптивных спортивных секций и инклюзивных клубов.

Большая часть родителей в той или иной мере знают об инклюзивном образовании (67,9%), однако 32,1% родителей детей с инвалидностью отметили, что их осведомленность об инклюзивном образовании является низкой. Низкий уровень информированности даже родителей детей с инвалидностью об инклюзивном образовании неоднократно отмечался в исследованиях [9; 11]. По результатам эмпирических исследований именно низкий уровень осведомленности является источником неготовности родителей детей с инвалидностью к инклюзии, вызывает страх перед обучением ребенка в общем классе и стремление заменить такое обучение на обучение в коррекционных классах или на дому, несмотря на огромный социально-реабилитационный потенциал инклюзивного обучения [12; 14]. Институционализация инклюзивного образования в нашей стране

проходит быстрыми темпами, однако некоторые практики остаются слабо отработанными, продолжают существовать барьеры инклюзии, препятствующие включению ребенка в школьное сообщество, а качество получаемого образования и успешность инклюзии во многом зависят от субъективного фактора, от личности конкретного педагога и директора образовательного учреждения. Все это порождает неоднозначное отношение к совместному обучению у родителей детей с инвалидностью. Чуть меньше половины (40,97%) опрошенных отметили, что инклюзивное образование необходимо развивать, 24,67% полагают, что совместное обучение пока преждевременно, так как общество к нему не готово, 26,7% не смогли определиться с ответом, а 7,71% отметили, что в совместном обучении нет необходимости. Мнение родителей относительно оптимальной формы обучения для детей, относящихся к различным нозологическим группам, отличается. Если в отношении детей с отсутствием внешних признаков инвалидности, с соматическими заболеваниями подавляющее большинство высказалось за инклюзивные формы обучения (79,7%), в отношении инклюзивного обучения детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата высказались 45,7% респондентов, то в отношении детей с нарушениями речи, слуха, зрения — 32,6%, а детей с нарушением умственного развития — 10,02% (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Как вы относитесь к инклюзивному образованию детей, имеющих различные типы ограничений по здоровью?»

Форма обучения	Отсутствуют внешние признаки инвалидности, заболевания внутренних органов	Нарушения зрения, слуха, речи	Нарушения опорно-двигательного аппарата	Нарушения умственного развития
Специализированные образовательные учреждения	10%	35,2%	29,4%	60,8%
Общеобразовательные учреждения со специализированным классом	10,3%	32,2%	24,9%	26,1%
Инклюзивная форма обучения	79,7%	32,6%	45,7%	10,02%

По мнению родителей детей с инвалидностью, существуют препятствия для интеграции таких детей в массовую школу (91,3% видят определенные барьеры). Главным из них является недостаточное количество и подготовка специалистов, которые способны реализовать инклюзивное образование на практике. Так считают 50,18% респондентов. Материально-технические препятствия (отсутствие специализированного оборудования, технических средств, финансовых ресурсов) отметили 47,5% респондентов, а непригодную для людей с ограниченными возможностями здоровья среду — 31,6%. Среди отношенческих барьеров родители отметили неготовность социальной среды (родителей, общественности) к инклюзии (23,89%) и сложности в отношениях детей-инвалидов и детей без ограничений по здоровью (35,9%). Среди названных барьеров присутствовали также: отсутствие адаптированных программ

обучения (21,06%), несовершенство законодательства (9,48%), отсутствие желания родителей детей с ОВЗ идти по пути инклюзии (7,2%).

Респонденты считают, что для дальнейшего развития проекта инклюзивного образования требуется развивать специальное техническое сопровождение образовательного процесса (58,6%), проводить дополнительную психолого-педагогическую подготовку для учителей (41,13%), внести коррективы в методическое обеспечение преподавания в инклюзивных классах (37,6%), проводить психолого-педагогическую работу с родителями (29,6%), расширять работу со специализированными компьютерными программами (23%), провести перестройку микроклимата в классах (22,8%). Среди необходимых задач для развития инклюзивного образования родители также назвали развитие тьюторского сопровождения, психологической помощи, расширение спектра специалистов, сопровождающих обучения детей с инвалидностью и уменьшение количества учеников в классе при обучении в классе детей с инвалидностью.

Среди социальных задач, решению которых способствует развитие инклюзивного образования, респонденты отметили: «гуманизацию общества» (66,59%); «обеспечение гражданских прав и свобод личности ребенка» (37%); «создание возможностей для людей с ОВЗ достичь материального самообеспечения и автономии» (30,5%), «увеличение материальной поддержки школ, принимающих детей с ОВЗ» (27,38%); «реализацию принципа социальной справедливости» (25,94%); «снижение инвестиций на социальную поддержку людей с ОВЗ» (6,83%). Самым распространенным вариантом ответа, самостоятельно названным респондентами был такой: «создает возможность нормальной социализации для детей».

Положительными последствиями совместного обучения родители детей с инвалидностью считают: освоение коммуникативных навыков (65,8%), преодоление социальных стереотипов, психологических барьеров в общении с другими школьниками (47,1%), расширение представлений об окружающем мире и обществе (44,3%), освоение навыков саморегуляции, самооценки, самоанализа (34,7%), повышение уровня образовательной подготовки детей с ограниченными возможностями здоровья (25,6%), получение представлений о реализации на практике прав и свобод человека (15,2%), участие в нестандартных подходах и методах обучения (12,6%). Однако совместное обучение с детьми, не имеющими ограничений по здоровью, несет по мнению родителей ряд угроз и отрицательных последствий как то: «пренебрежительное и насмешливое отношение со стороны других школьников» (52,7%); «напряженные и конфликтные отношения в классе» (36,6%); «недовольство родителей практикой совместного обучения» (24,2%); «трудности восприятия нестандартных подходов, методов обучения» (20,65%); «снижение уровня образовательной подготовки детей с ОВЗ» (15,3%). Четверть всех опрошенных родителей (24,2%) не видят возможных отрицательных последствий инклюзивного образования.

Отметим ряд выводов, сделанных в результате проведенного исследования.

1. Критическое осознание сущности инвалидности и информированность родителей о ситуации инвалидизации в обществе определяет взгляд некоторых родителей на проблему инвалидности как на личную трагедию, что не соответствует социальной модели инвалидности, являющейся важным макрофактором развития инклюзивного образования.
2. Семьи с ребенком-инвалидом продолжают сталкиваться с отношенческими барьерами: смущением, жалостью и состраданием. Стигматиза-

ция семей формирует образ жизни и взгляды ребенка и родителей, препятствующие включению, создают предпосылки самоизоляции, которая в условиях школьного обучения проявляется часто в неоправданном стремлении к переводу ребенка на домашнее обучение, порой без мейнстриминговых форм интеграции.

3. Особого внимания специалистов требуют родители, воспитывающие ребенка с инвалидностью и при этом делающие акцент на отличительных негативных чертах ребенка, транслирующих критическое отношение к возможности успеха в социализации ребенка. Комплексный подход также требуется семьям с низким ресурсным потенциалом (малообеспеченные семьи, семьи с родителями, имеющими низкий уровень образования).
4. Готовность сообществ различного типа, в том числе школьных сообществ к включению инвалидов находится в прямой зависимости от общей инклюзивной культуры общества, от развития инклюзивных процессов и принятия инклюзивных ценностей. Однако несмотря на наличие существенных позитивных изменений в обществе, родители детей с инвалидностью продолжают считать изменения недостаточными и ощущать несправедливое отношение к инвалидам в различных социальных сферах.
5. Отношение к инклюзивному образованию у родителей отличается, что влияет на форму обучения, выбираемую ими для собственных детей, и зависит, в частности, от характера заболевания. Высокие отношенческие риски сохраняются для детей с ментальными особенностями, ограничениями по зрению, слуху и речи.
6. Серьезнейшими барьерами, по мнению родителей являются кадровые, материально-технические, отношенческие и учебно-методические.

Список литературы

1. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования: [утверждена 14.12.1960 г. Генеральной Конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры] // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1962. — № 44.
2. Декларация о правах умственно отсталых людей: [принята 20.12.1971 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 2856] — Текст: электронный // Система ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/2565437/>.
3. Конвенция о правах ребенка: [принята 20.11.1989 г. Резолюцией Генеральной ассамблеи ООН № 44/25] // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 45.
4. Стандартные правила для обеспечения равных возможностей для инвалидов: [приняты 20.12.1993 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 48/96]. — Текст: электронный // Система ГАРАНТ. — URL: <https://base.garant.ru/2565435/>.
5. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон № 181-ФЗ [принят 24.11.1995 г.] // Российская газета. — 1995. — № 234.
6. Национальная доктрина образования Российской Федерации до 2025 г.: [одобрена Постановлением Правительства РФ от 4.10.2000 г. № 751] // Бюллетень Министерства образования Российской Федерации. — 2000. — № 44.
7. Конвенция о правах инвалидов: [принята 13.12.2006 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 61/106] // Бюллетень международных договоров. — 2013. — № 7.

8. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ [принят 29.12.2012 г.] // Российская газета. — 2012. — № 303.

9. *Адеева Т.Н.* Проблема психологической готовности родителей различных категорий детей к инклюзивному образованию // Сибирский педагогический журнал. — 2016. — № 4. — С. 112–119.

10. *Богомолова Е.А., Подольская И.А., Спигженкова М.А.* Исследование отношения родителей к инклюзивному образованию // Образование в условиях модернизационных процессов современного общества: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 20-летию факультета психологии КГУ им. К.Э. Циолковского. — Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2013. — С. 243–247.

11. *Доронькина М.А.* Отношение современных родителей к инклюзивному образованию: проблема недостаточной информированности при внедрении инклюзии в школы // Инклюзивное образование: преемственность инклюзивной культуры и практики: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. — М., 2017. — С. 457–459.

12. *Караневская О.В.* Начальный этап подготовки к школьному обучению детей, имеющих расстройства аутистического спектра, в общеобразовательной школе // Особый ребенок. Исследования и опыт помощи. — 2014. — Вып. 8. — С. 225–234.

13. *Нестерова А.А., Айсина Р.М., Сулова Т.Ф., Хитрюк В.В.* Отношение родителей к образовательной инклюзии детей с расстройствами аутистического спектра // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. — 2020. — № 1. — С. 122–130.

14. *Сулова Т.Ф.* Инклюзивное образование детей с расстройствами аутистического спектра в сознании родителей // Международный научно-исследовательский журнал. — 2018. — № 10-2 (76). — С. 85–89.

15. *Ainscow M.* Towards inclusive schooling // British Journal of Special Education. — 1997. — № 24. — P. 3–6.

16. *Avramidis E., Norwich B.* Teachers' attitudes towards integration/inclusion: A review of the literature // European Journal of Special Needs Education. — 2002. — № 17. — P. 129–147. — Текст: электронный. — URL: <http://dx.doi.org/10.1080/08856250210129056>.

17. *Bramston P., Bruggerman K., Pretty G.* Community perspectives and subjective quality of life // International Journal of Disability, Development and Education. — 2002. — № 49. — P. 385–397. — Текст: электронный. — URL: <http://dx.doi.org/10.1080/1034912022000028358>.

18. *de Boer A.A., Munde V.S.* Parental attitudes toward the inclusion of children with profound intellectual and multiple disabilities in general primary education in the Netherlands // The Journal of Special Education. — 2014. — № 49. — P. 179–187. — Текст: электронный. — URL: <http://dx.doi.org/10.1177/0022466914554297>.

19. *MacFarlane K., Woolfson L.M.* Teacher attitudes and behavior toward the inclusion of children with social, emotional and behavioral difficulties in mainstream schools: An application of the theory of planned behavior // Teaching and Teacher Education. — 2013. — № 29. — P. 46–52. — Текст: электронный. — URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.tate.2012.08.006>.

20. *Siperstein G.N., Parker R.C., Bardon J.N., Widaman K.F.* A national study of youth attitudes toward the inclusion of students with intellectual disabilities // Exceptional Children. — 2007. — № 73. — P. 435–455 — Текст: электронный. — URL: <http://dx.doi.org/10.1177/001440290707300403>.

ПОТЕНЦИАЛ ДОВЕРИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

THE POTENTIAL FOR TRUST IN SOCIAL SERVICE ORGANIZATIONS

СУРКОВА Ирина Юрьевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: irina_surkova@mail.ru)

АНДРЮЩЕНКО Оксана Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: deskew@yandex.ru)

ИЛЬИНА Татьяна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии (e-mail: tatiana-ilyina12@yandex.ru)

SURKOVA Irina Yurievna — doctor of sociological sciences, docent, professor of HR-Department, Povolzhsky Institute of Management – the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: irina_surkova@mail.ru)

ANDRYUSCHENKO Oksana Vladimirovna — candidate of Sociology, of HR-Department, Povolzhsky Institute of Management — the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: deskew@yandex.ru)

ILINA Tatiana Nikolaevna — candidate of Sociology, docent of the department of the legal psychology, forensic examination and pedagogy, Saratov State Law Academy (e-mail: tatiana-ilyina12@yandex.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены результаты диагностики организационного доверия в Управлении социальной поддержки населения и Центре занятости населения, выполненной в рамках комплексного исследования учреждений социального профиля Саратовской области. Актуальность темы обосновывается, исходя из современного этапа развития социально-экономических систем. Для данного этапа характерен переход к культуре знаний, что влечет за собой формирование новых и обновление прежних формаций внутриорганизационного взаимодействия. В рамках теоретического обзора представлены основные структурные модели доверия и преобладающие в научной литературе подходы к интерпретации доверия в рамках социологической и менеджералистской традиций. Также освещены основные исследования, посвященные поискам устойчивых детерминант организационного доверия. Представлены результаты авторской диагностики доверия с помощью опросника Р. Шо. В качестве выводов отмечается достаточно высокий потенциал доверия в обеих

исследуемых организациях, что во многом является итогом генерализации доверия к непосредственному и высшему руководству и наличием устойчивой линии руководства на соблюдение этических норм и разделяемых сотрудниками ценностей организации.

Ключевые слова: организационное доверие, социальная сфера, детерминанты доверия, диагностика доверия, социальная защита.

Abstract. The article deals with the results of diagnostics of organizational trust in the Department of social support of the population and the Employment Center, carried out within the framework of a comprehensive study of institutions of social profile of the Saratov region. Relevance of the topic is substantiated on the basis of the modern stage of development of socio-economic systems. This stage is characterized by the transition to the culture of knowledge, which entails the formation of new and renewal of the former formations of intra-organizational interaction. The theoretical review presents the main structural models of trust and, prevailing in the scientific literature, approaches to the interpretation of trust within the sociological tradition and managerialist tradition. The main studies devoted to the search for sustainable determinants of organizational trust are also highlighted. The results of the author's diagnostics of trust with the help of R. Shaw's questionnaire are presented. The conclusions are that the potential for trust in both organizations under study is quite high, which is largely the result of generalization of trust in the immediate and senior management and the presence of a stable management line to comply with ethical norms and values shared by employees of the organization.

Keywords: organizational trust, social sphere, determinants of trust, diagnosis of trust, social support.

Введение. Феномен организационного доверия имеет длительную традицию исследования, однако именно последние десятилетия внимание к нему возрастает в геометрической прогрессии. Тому можно найти множество причин, одна из которых связана с глобальными изменениями в структуре социально-экономических систем. Современное общество характеризуется переходом к культуре знаний с присущим ей рядом особенностей, которые до этого не были актуальными для большинства организаций, но теперь становятся их наиважнейшим активом. Среди этих особенностей можно назвать «скорость протекания и смены всех социальных процессов, снижающую возможность использования опыта; уменьшение времени для принятия решений; необходимость взаимодействия с непривычными культурами». В подобных условиях многие авторы (Фукуяма, 2004 [7], Геберт, Бернер, 2005 [1]) говорят о «капитале доверия» как основном активе социальных и экономических систем [4, с. 94].

Корпус научных текстов по тематике доверия отличается многообразием, при этом значительное количество исследований посвящено определению позитивного влияния доверия на эффективность организаций за счет таких эффектов, как повышение производительности труда, экстраролевой активности, то есть готовности работников выполнять действия, выходящие за рамки привычных должностных обязанностей (Dirks, Ferrin, 2001 [10]). Наличие устойчивого доверия внутри компании снижает проявление антисоциального поведения, такого как нарушение корпоративных норм и дисциплины (Thau, Crossley, Bennett, Sczesny) [3, с. 373]. Исследователи отмечают, что доверие повышает разделяемость ценностей и, как следствие, приверженность организации, развивает чувство причастности к трудовому процессу, снижает со-

противление организационным изменениям [2, с. 10]. На макроуровне доверие является необходимым условием взаимодействия в социальных системах (Arrow; Luhman; Blau) и кооперации индивидов (Аксельрод; Барни, Морган и Хант) [7, р. 4].

В зависимости от той или иной теоретической школы мы находим в литературе разные определения, модели и конструкты доверия как сложного социального и организационного феномена. Т. Луман и Э. Гидденс солидарны в интерпретации доверия в терминах риска. Они полагают, что доверие невозможно установить без готовности взять на себя риск уязвимости в ситуации неопределенности [9, р. 5]. В рамках традиции структурного функционализма Л. Цукер (Zucker) выделяет три уровня доверия: институциональный (зависит от состояния формальных социальных структур), личностный (характеристики индивидов, вступающих во взаимодействие) и процессный (формируется на основе ожиданий и предыдущего опыта) [9, р. 4]. Уровневая структура доверия также представлена в работах авторов феноменологической школы, в частности П. Штомпки (Sztompka), который различает доверие на базовом уровне (психологическая реакция на индивида), доверие на уровне социальных отношений (может реализовываться через калькуляцию рисков, либо через групповые установки на доверие) и доверие третьего уровня – культуру доверия (нормы и правила создают типичные ситуации доверия) [5, с. 113].

Социологическую «ветку» теории доверия представляют Э. Гидденс, Н. Луман, Л. Цукер и П. Штомпка, в то время как значительная часть прикладных исследований принадлежат менеджералистскому направлению. Однако и в них авторы неизменно возвращаются к типологизации уровней доверия. Так, у Р. Левицки и Б. Банкер (Lewicki, Bunker) мы опять-таки находим уровневую структуру — расчетное доверие (calculus-based trust — на основе рациональной калькуляции рисков), доверие на основе знаний (knowledge-based trust — на основе предыдущего опыта взаимодействия) и идентификационное доверие (identification-based trust — доверие как результат идентификации с группой) [9, р. 5]. В свою очередь, Д. Руссо (Rousseau et al.) также говорит о доверии на основе расчета и доверии на основе взаимодействия [12, р. 30]. Следует отметить, что наследие теории рационального выбора в виде расчетного доверия встречается у многих авторов вне зависимости от теоретической школы. Однако его очевидные ограничения смещают исследовательский фокус внимания в сторону более «мягких» форм доверия. Так, Р. Мейер, Дж. Дэвис и Ф. Шурман (Schoorman, Mayer, Davis, 2007) аргументированно настаивают на том, что понятие доверия не должно быть концептуализировано только через рациональный расчет рисков, но должно учитывать нормы, ценности и социальный контекст отношений [13, р. 57].

Говоря об организационном доверии, можно выделить несколько направлений исследований в зависимости от того, на чем акцентируют внимание исследователи. В первом случае — это анализ доверия как инструмента снижения экономических издержек за счет альтернативы формализованному контролю (Schoorman, Mayer, Davis, 2007 [14]; Schmidt et al.), во втором — как механизма повышения результативности организации и персонала (Kalleberg, Berg, Arpelbaum; Stahl, Sitkin; Smyth) [5, с. 108]. В рамках обоих подходов сформировался массивный корпус исследований, посвященных детерминантам доверия. Так, согласно теории социального обмена (Blau, Whitener et al.), организационная поддержка и признание способствуют формированию доверия внутри ор-

ганизаций и социальных общностей [7, р. 3]. Ф. Шурман и коллеги отмечают высокую корреляцию между доверием к менеджерам и доверием к организации в целом, что в перспективе способствует снижению текучести. В рамках проекта GLOBE Р. Хауз и П. Хэнджес (House, Hanges, Javidan, Dorfman, & Gupta) проводили измерение национальной специфики организационного доверия, опираясь на кросскультурные характеристики в модели Г. Хофштеде. Было установлено, что маскулинные целеориентированные культуры имеют более высокий уровень доверия к незнакомцам, в то время как фемининный тип культурных ориентаций требует больше времени, чтобы начать доверять коллегам и партнерам [14, р. 351]. В рамках анализа социально-демографических предикторов доверия Д. Карневале и Б. Уэшлер (Carnevale, Wechsler) выявили, что женщины и работники на управленческих должностях демонстрируют более высокий уровень доверия. В свою очередь, Дж. Гилберт и Т. Танг (Gilbert, Tang) обнаружили положительную корреляцию доверия со стажем в организации, размером оплаты труда, а также со степенью развитости сети рабочих контактов — чем сильнее внутриорганизационная коммуникация, тем выше уровень доверия. Согласно исследованиям Дж. Мишры и М. Морриссей (Mishra, Morrissey), на доверие положительно влияют открытость коммуникации, внимание к нуждам работников, партисипативность управления [3, с. 373]. В свою очередь, высокий уровень контроля в организации и непрозрачность коммуникаций, наоборот, снижают уровень доверия сотрудников к компании [13, р. 58]. Ряд авторов (Shore and Liden, Whitener et al., Stinglhamber and Vandenberghe) отмечают, что доверие к организации зачастую является результатом генерализации доверия к менеджерам [11, р. 20]. Уровень доверия может быть следствием не только вертикального взаимодействия, но и горизонтального, когда сотрудники получают поддержку от своих коллег (Canipe, Polat, Narang and Singh, Duffy and Lilly) [8, р. 419].

Уровень и факторы организационного доверия были диагностированы в рамках исследовательского проекта «Разработка методики комплексного исследования государственных казенных учреждений социальной поддержки населения и центров занятости населения Саратовской области для расчета штатной численности», реализованного по заказу Министерства труда и социальной защиты Саратовской области на базе двух организаций одного из населенных пунктов Саратовской области — Управления социальной поддержки населения и Центра занятости населения. Цель проекта — выявление факторов, влияющих на результативность деятельности, и разработка рекомендаций по повышению эффективности функционирования и реализации стратегии развития.

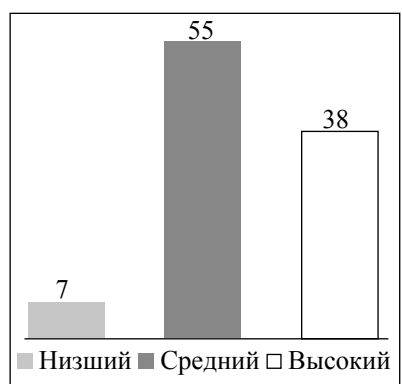

Диаграмма 1. Распределение респондентов по уровням доверия к организации, %

Для определения уровня и факторов доверия были использованы опросник Р. Шо и авторская анкета. Суммарный объем выборки по двум организациям составил 89 респондентов (85% штатного состава на тот момент). На основе исходных данных был проведен кросс-анализ для установления текущего состояния доверия.

Результаты исследования. Опросник Р. Шо позволяет не только выявить проблемные зоны в текущем уровне доверия, но и определить потенциал единства/сопро-

Результаты исследования. Опросник Р. Шо позволяет не только выявить проблемные зоны в текущем уровне доверия, но и определить потенциал единства/сопро-

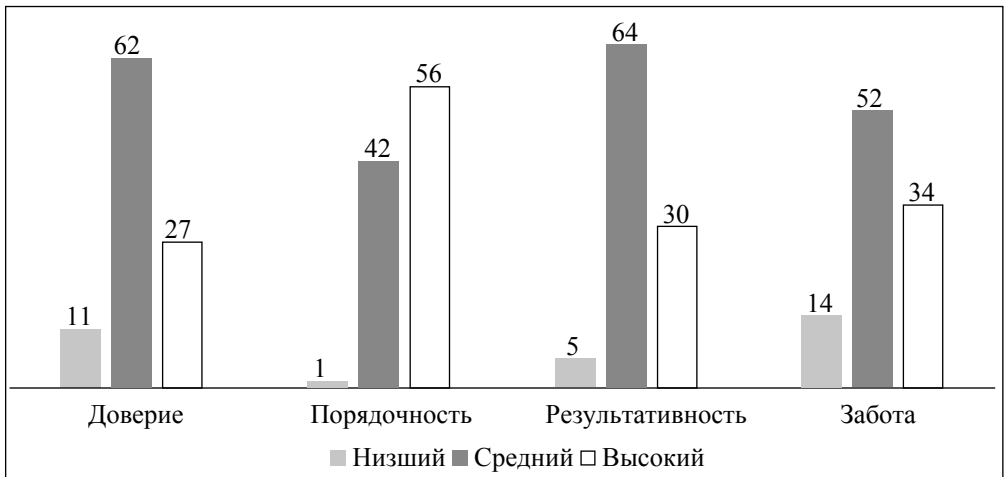

Диаграмма 2. Распределение респондентов по субшкалам анкеты доверия к организации, %

тивления в ходе организационных изменений (реализуемых или предстоящих). Поскольку никакие организационные преобразования не будут иметь успех на фоне низкого доверия сотрудников к организации, мы можем промаркировать те зоны, в которых сейчас имеются наибольшие риски, а также определить точки стабильности и потенциального роста.

Описывая обобщенные результаты по опроснику Р. Шо в Управлении социальной защиты, мы видим, что в организации преобладает средний уровень доверия и второй по частотности диапазон — высокий, что уже само по себе является позитивным и обнадеживающим результатом (см. диаграмму 1).

Детализируя данные по субшкалам (диаграмма 2), получаем следующую картину: наиболее высокие значения демонстрирует шкала «Порядочность». Сотрудники считают, что у руководителей слово не расходится с делом, словам руководства можно доверять; в организации по-деловому относятся к информации, даже если она негативна; в трудных ситуациях с людьми поступают справедливо. И в целом респонденты оценивают уровень порядочности на 5 баллов. Самые низкие значения (3 балла) имеет характеристика «Последовательная стратегия развития и четкий набор приоритетов». Однако здесь нужно учитывать специфику организации, являющейся подведомственным учреждением и реализующим стратегию, спускаемую «сверху». Кроме того, сказывается переходный характер состояния организации в преддверии объединения с Центром занятости населения.

Второе место, по оценке сотрудников, занимает шкала «Результативность». Здесь в диапазоне высоких значений респондентов почти в два раза меньше, чем в субшкале порядочности, однако и минимальные баллы встречаются реже, чем в других субшкалах. Подавляющее число респондентов попадают в диапазон средних значений. По модальным значениям преобладают 4 балла. К проблемным зонам (модальное значение — 3 балла) были отнесены: нежелание устанавливать более высокие цели, так как есть страх потерпеть неудачу, в организации есть проблемы с тем, чтобы добиться обещанных результатов, между работой и вознаграждением/признанием связь недостаточно сильная, в целом уровень достижения целей отслеживается не очень хорошо.

Более проблемной является шкала «Доверие». Здесь наблюдается довольно сильный разброс модальных значений от 1 до 5. Позитивнее всего (5 баллов)

респонденты оценили такие характеристики, как: сотрудничество друг с другом различных групп (главное руководство, подразделения), восприимчивость сотрудников организации к изменениям, новым методам работы, своим ошибкам, готовность учиться на них. При этом респонденты отмечают, что в организации преимущественно осторожничают и стараются убедиться в том, что не потерпят неудачу, сотрудники не склонны выражать свои истинные мысли или чувства, есть много контроля и ограничений в отношении того, что можно делать, и в целом в организации уровень доверия средний. Эти характеристики набрали по 3 балла. Критическая зона (модальное значение — 1 балл) связана с убежденностью, что власть и контроль в организации находятся в руках лишь нескольких людей или групп. Интерпретируя эти результаты, следует, с одной стороны, учитывать специфику организаций подобного типа. «Встроенность» в вертикаль власти делает неизбежным концентрацию контроля на тех или иных управленческих уровнях. В организациях классического бюрократического типа не стоит ожидать делегирования полномочий и партисипативного управления. С другой стороны, подобный взгляд может быть вызван реальным противостоянием отдельных групп сотрудников как в организации в целом, так и внутри отдельных подразделений. В пользу этого варианта говорит и то, что по шкале «Забота» респонденты отмечали, что чувствуют себя вовлеченными в конфликт группировок. Помимо этого, в профиле культуры по Камерону-Куинну мы неожиданно для подобного типа организаций зафиксировали преобладание рыночного типа культуры, который как раз содержит в себе свойства конкуренции. Однако нельзя сказать, что это противостояние очень явное и деструктивное, иначе мы бы получили провальные значения по анкете доверия. Предположительно, в большей степени сказывается специфика сферы деятельности организации и, возможно, есть некоторые противоречия внутри отдельных подразделений.

Наиболее неоднородная шкала — «Забота». Здесь самый многочисленный диапазон с низкими значениями (14% против 11%, 5% и 1%), однако процент респондентов в диапазоне с высокими значениями второй (34%) после шкалы порядочности. В данном случае необходимо определить, чем вызван такой разброс — вариативностью оценок по отдельным характеристикам шкалы или неоднородностью ответов, которые дают респонденты из разных подразделений. Вариативность оценок действительно очень широкая — от 1 до 5 баллов. Наиболее позитивно (4–5 баллов) респонденты оценили организацию по следующим характеристикам: вера в способность сотрудников на всех уровнях достигнуть очень многого, доступность и открытость руководства к контактам со всеми сотрудниками. Общий уровень заботы также получил довольно высокую оценку (4 балла). Менее оптимистичную картину (3 балла) мы наблюдаем в отношении характеристик, предполагающих, что сотрудники чувствуют себя вовлеченными в конфликт между группами, что устанавливаемые формы контроля накладывают определенные ограничения, что если организация добивается своих целей, то выигрывает от этого в финансовом отношении только высшее руководство, а также что работники имеют «скрытые» планы и не всегда ведут себя честно в отношениях с другими. Самая проблемная зона (1 балл), по мнению респондентов, связана с тем, что сотрудники редко получают признание за свой личный вклад в дело организации.

Анализируя полученные результаты в разбивке по отделам, мы видим следующее частотное распределение: в умеренную зону попали преимущественно Отдел организации социальных выплат (84,2%), Отдел оказания адресной по-

мощи (80,0%). Диапазоны высоких значений мы наблюдаем преимущественно в Отделе назначения пособий (69,2%), Отделе социальной поддержки (64,3%), Организации предоставления мер соц. поддержки (60,0%). Полученные данные достаточно интересны, так как мы видим, что они не имеют прямой связи с уровнем лояльности, а фактически инвертируют ее. Указанные отделы по всем четырем субшкалам имеют довольно высокие значения доверия, но при этом более низкие показатели лояльности (по опроснику Портера — Стирса — от 4,0 до 4,1 против 4,65 и 4,8 в других отделах).

Подобное расхождение с уровнем лояльности можно объяснить рассинхронизацией потенциала доверия подразделения и фактической поддержки, получаемой от организации. Сотрудники позитивно оценивают организацию, но не получают равноценное признание своих заслуг. Это приводит к деструкции ожиданий и, как следствие, к падению лояльности. В привязке к должностям мы получили очень схожую картину – и рядовые сотрудники, и руководи-

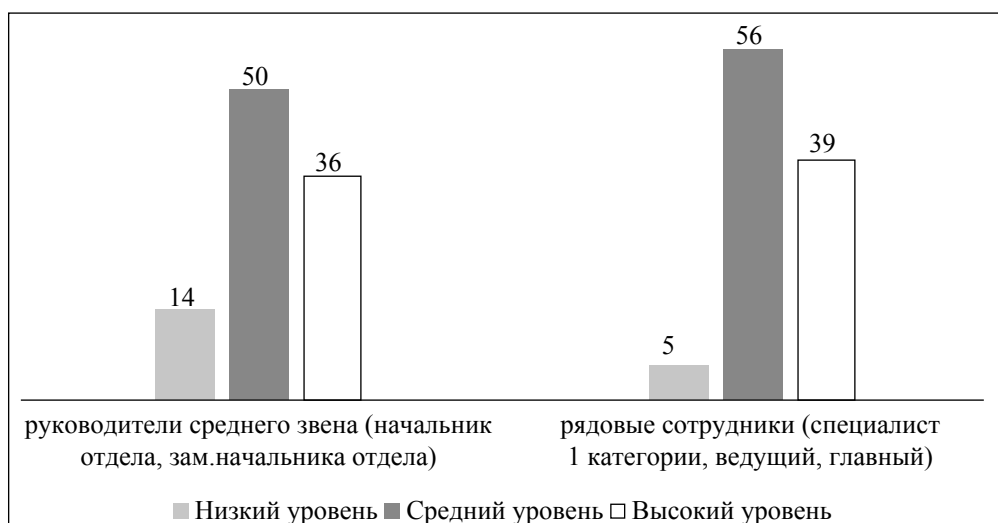

Диаграмма 3. Распределение категорий персонала по уровням доверия, %

тели находятся преимущественно в зоне умеренного доверия (56,1% и 50,0%), далее по частотности идет диапазон высокого доверия (38,6% и 35,7%).

Обобщая полученные результаты, можно говорить о довольно высоком потенциале доверия к организации, что является дополнительным ресурсом для реализации программ изменений. Сотрудники отмечают положительные стороны организации, однако зачастую им не достает признания их собственного вклада в деятельность учреждения.

Что касается второй из исследуемых организаций — Центра занятости населения, то общий уровень доверия организации можно считать средним, этот диапазон аккумулирует 55,6% опрошенных. Высокий уровень доверия к организации характерен для 44,4% респондентов. Диапазон низких, как и в случае с лояльностью, нулевой.

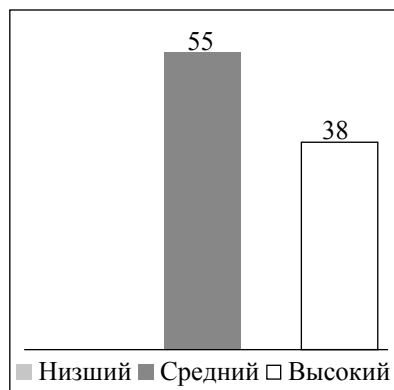

Диаграмма 4. Распределение респондентов по уровням доверия к организации (Центр занятости), %

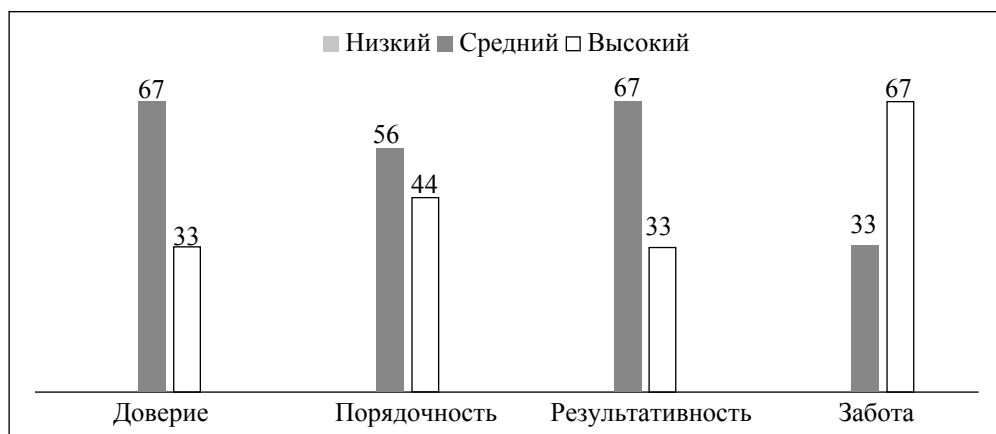

Диаграмма 5. Распределение респондентов по субшкалам анкеты доверия к организации (Центр занятости), %

Анализируя субшкалы, получаем следующее распределение: в шкале «Забота» наибольший процент сотрудников в высоком диапазоне — 67%, в шкале «Порядочность» — 44%. Шкалы «Доверие» и «Результативность» демонстрируют идентичные показатели: диапазон средних значений преобладает — 67%.

Анализируя ответы на вопросы анкеты доверия, мы видим, что распределение модальных (наиболее часто встречающихся) значений в шкалах указывает на следующие положительные (4–5 баллов) аспекты восприятия организации.

Шкала «Забота» — сотрудники чувствуют, что они являются частью организации и разделяют общее видение; отмечается вера в способность сотрудников на всех уровнях достигнуть очень многого; работники обладают самостоятельностью и властью, необходимой для достижения целей организации; сотрудники регулярно получают признание за свой личный вклад в дело организации; руководство доступно и открыто к контактам со всеми сотрудниками; руководители заботятся о сотрудниках и поддерживают их на всех уровнях.

Шкала «Результативность» — все работники сосредоточены на том, чтобы быть лучшими среди организаций подобного типа; вознаграждение и признание прямо пропорциональны эффективности работы; работники почти всегда добиваются обещанных результатов; идет постоянная работа над улучшением общих возможностей в работе.

Шкала «Порядочность» — в отношении принципов и ценностей у руководителей слово не расходится с делом; потому, что работники слышат от руководства, можно доверять; в организации по-деловому относятся к информации, даже если она негативна; решая проблемы или попадая в трудную ситуацию, с людьми поступают справедливо; люди следуют своим обещаниям и обязательствам; работники делают то, что нужно для организации, даже если это во вред лично им; в целом в организации довольно высокий уровень порядочности.

Шкала «Доверие» — люди на всех уровнях чувствуют себя по-хозяйски; различные группы (главное руководство, подразделения) сотрудничают друг с другом; сотрудники восприимчивы к изменениям и новым методам работы, умеют учиться на своих ошибках; людям дана необходимая свобода для выполнения работы; в целом в организации довольно высокий уровень доверия.

К проблемным зонам (2–3 балла) можно отнести следующие аспекты: некоторые сотрудники имеют «скрытые» планы и не выражают свои истинные мысли

и чувства; если организация добивается своих целей, в финансовом отношении выигрывает преимущественно высшее руководство; люди осторожничают и не стремятся устанавливать высокие цели, так как боятся потерпеть неудачу; есть разногласия по основным целям и критериям деятельности организации; стратегия организации постоянно меняется и в целом реализуется не очень хорошо.

В целом картина идентична Управлению социальной защиты — высокий потенциал доверия к организации, сотрудники отмечают положительные стороны организации, однако имеют место скрытность и осторожность, а турбулентность внешней среды приводит к тому, что стратегические приоритеты недостаточно четкие.

Заключение. Таким образом, мы наблюдаем уровень доверия выше среднего в обеих организациях. Как показывает анализ отдельных субшкал, наиболее высокие показатели набраны по шкале «Порядочность», чуть меньше по шкалам «Результативность» и «Забота», наименьшие – по субшкале «Доверие». В целом детерминанты доверия идентичны генеральной линии, которую мы находим в исследованиях других авторов — позитивное восприятие руководства, соблюдение принципов организационной поддержки и справедливости положительно сказываются на уровне доверия к организации в целом. Напротив, жесткие системы организационного контроля снижают его, однако являются неизбежным следствием типового бюрократического нарратива, характерного для организаций подобного типа.

Список литературы

1. Геберт Д., Бернер С. Проблема становления предприятий как открытых систем в сложных экономических условиях // Фраймут Й. Страх в работе менеджеров. — Харьков: Гуманитарный центр, 2005. — 416 с.
2. Германов И.А., Маркова Ю.С., Гордеева С.С. Организационная справедливость как фактор формирования вертикального доверия в организации (опыт исследования на предприятии нефтегазовой отрасли) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2021. — Том 7. — № 4 (28). — С. 8–28.
3. Германов И.А. Доверие в организации: предпосылки и последствия // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Пермь, 07–08 декабря 2021 года. — Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. — С. 371–379.
4. Заварцева М.М. Структура и функции организационного доверия в представлениях сотрудников // Национальный психологический журнал. — 2016. — № 2(22). — С. 94–104.
5. Минина В.Н. Организационное доверие как неосязаемый актив компании: проблема измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Менеджмент. — 2012. — Вып. 2. — С. 107–130.
6. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. — М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 730 с.
7. Blomqvist K., Stahle P. Building Organizational Trust // 16th Annual IMP Conference, Bath, U.K., 2000. — P. 1–16.
8. Bonaiuto F., Fantinelli St., Milani Al., Cortini M., Vitiello M.C., Bonaiuto M. Perceived organizational support and work engagement: the role of psycho-

social variables // *Journal of Workplace Learning*. — 2021. — Volume 34. — № 5. — P. 418–436.

9. *Child J., Möllering G.* The development of organizational trust in the Chinese business context // *Research Papers in Management Studies*. — Cambridge: The Judge Institute of Management University of Cambridge, 2000. — 36 p.

10. *Dirks K.T., Ferrin D.L.* Trust in leadership: meta-analytic findings and implications for research and practice // *Journal of Applied Psychology*. — 2002. — Vol. 87. — P. 611–628.

11. *Paliszkiewicz J.* Inter-Organizational Trust: Conceptualization and Measurement // *International Journal of Performance Measurement*. — 2011. — Vol. 1. — P. 15–28.

12. *Puusa A., Tolvanen U.* Organizational Identity and Trust // *Electronic Journal of Business Ethics and Organization Studies*. — 2006. — Vol. 11. — № 2. — P. 29–33.

13. *Rusu R., Babos A.* Organizational trust between institutional and interpersonal trust // *Scientific Bulletin*. — 2015. — Vol. XX. № 2(40). — P. 55–60.

14. *Schoorman F.D., Mayer R.C., Davis J.H.* An integrative model of organizational trust: past, present, and future // *Academy of Management Review*. — 2007. — Vol. 32. — № 2. — 344–354.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ВЫЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНЫХ ПРАКТИК ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ КАЧЕСТВЕННЫМИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

INCLUSIVE SPACE: IDENTIFICATION OF VARIABLE PRACTICES FOR THE DEVELOPMENT OF THE URBAN ENVIRONMENT BY QUALITATIVE SOCIOLOGICAL METHODS

ОВОДОВА Светлана Николаевна — кандидат философских наук, доцент, замдекана факультета социологии и журналистики МГГЭУ (e-mail: snovodova@mail.ru)

OVODOVA Svetlana Nikolaevna — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Sociology and Journalism, MSUHE (e-mail: snovodova@mail.ru)

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена поиском методического инструментария для проведения социологического исследования, способствующего выявлению потребностей различных социальных групп при создании инклюзивного городского пространства. В статье осуществлен анализ качественных социологических методов и методик исследования, позволяющих выявлять сценарии освоения людьми города. Также на материалах эмпирического социологического исследования представлений о благоустройстве города Омска будут выявлены запросы жителей по отношению к городской среде.

Ключевые слова: инклюзивное пространство, доступная среда, социология города, урбанистика, качественные методы.

Abstract. The relevance of the article is due to the search for methodological tools for conducting sociological research that helps to identify the needs of various social groups when creating an inclusive urban space. The article analyzes the qualitative sociological methods and research methods that allow to identify scenarios for the development of the city by people. The requests of residents in relation to the urban environment are revealed based on the materials of an empirical sociological study of ideas about the improvement of the city of Omsk.

Keywords: inclusive space, accessible environment, urban sociology, urban studies, qualitative methods.

Социология города и урбанистика постоянно находятся в поиске концепций, обосновывающих градостроительные решения и позволяющих учесть потребности разных социальных групп при создании комфортной городской среды. Трансформации, которые мы можем проследить как в градостроительной практике, так и в социальных теориях, отражают динамику смены представлений о том, что такое город, как он должен быть устроен, интересы каких социальных групп преобладают при организации публичного пространства. Физическое пространство города репрезентирует социальное измерение города. Микрорайоны, транспортные сети разноцветят пространство, являясь не только средством коммуникации и сообщения, но и разобщения и размежевания сообществ, превращая город в лоскутное одеяло множества порой противобор-

ствующим паттернов поведения. Целью социологического анализа моделей поведения в городской среде является выявление механизмов преодоления неравенства при использовании пространственных ресурсов.

Инклюзивное пространство — это цель, но, к сожалению, еще не в полной мере воплощенная реальность, которую мы можем зафиксировать при анализе городской среды. Под инклюзивным пространством мы понимаем такой способ проектирования городской среды, где учитываются многовариативные сценарии поведения жителей, обладающих различными возрастными, физическими и ментальными особенностями. Инклюзивное пространство является комфортным для всех групп населения, оно учитывает множество моделей поведения людей.

В данной статье произведен анализ качественных социологических методов и методик исследования, позволяющих выявлять сценарии освоения людьми города. Также на материалах эмпирического социологического исследования будут выявлены запросы жителей по отношению к городской среде.

Изучение сообществ и практик освоения городского пространства в социально-гуманитарных науках подробно осуществлялось представителями чикагской социологической школы в первой половине XX века. В своих исследованиях Л. Вирт, Р. Парк, Э. Бёрджесс выявляли ареалы расселения и принципы сегрегации в городе, описывая локальные сообщества, объединенные этническими признаками (гетто), типами трудовой активности и уровнем жизни. Процессы мобильности и агрегации горожан проанализированы сквозь призму роста и зонирования территории города. Например, Э. Бёрджесс описывает схему города, где концентрические ареалы расселения горожан опоясывают центр, представляя собой районы, которые функционально зонированы: бизнес-центр, промышленная зона, спальные районы и т.д. [1]. Выявленная схема наглядно показывает рассредоточение различных сообществ: рабочих, бизнесменов, мигрантов, бедняков и т.п.

В исследованиях чикагской социологической школы применяется функционально-территориальное зонирование города, что предопределяло выявление городских сообществ и, следовательно, их интересов, по локальному признаку (по принципам расселения). Это прослеживается в работах Бёрджесса, который делил территорию города на функциональные зоны, описывая жизнедеятельность и интересы жителей. Это можно видеть также в теории Роберта Парка, который выделяет в качестве особого индикатора социальной дифференциации горожан возрастание их мобильности и ареалы расселения. Территориально-функциональное зонирование города служило отражением социальной дифференциации, так как каждая функциональная городская зона представляла собой социальную нишу, занимаемую более или менее однородными социальными элементами с определенным образом жизни. Выделяемые по такому основанию (территориальное расселение, ареал расселения, принадлежность функциональной зоне) городские сообщества могут быть описаны как локальные, т.к. в пределах города они формируют особые замкнутые социальные группы, закрепленные за определенным районом города.

Продолжение данной традиции локального анализа городского населения и их потребностей мы можем увидеть в исследовании С. Венкатеша, где он посредством включенного наблюдения описывает жизнь чикагских прожектов 1980–1990-х гг. [2].

Анализ экологии расселения, заложенный чикагской социологической школой, связывает интересы конкретного сообщества с определенным локусом, ме-

стом, районом, что соответствовало процессам сегрегации. Если же анализировать город не как дробное размежеванное пространство, а посмотреть на город с позиции различных поведенческих моделей, которые реализуют многовариативные способы освоения городской среды, то картина восприятия и исследовательская модель полностью меняются.

Взгляд на город как на публичное пространство предполагает, что сообщества не закреплены за определенным районом, несмотря на то, что облик районов может быть предопределен спецификой проживающего там населения, как это отмечал Р. Парк: «С течением времени каждая часть города и каждый квартал приобретают что-то от характера и качеств их обитателей. Каждая особая часть города неизбежно окрашивается особыми чувствами и умонастроениями своей популяции. Следствием этого является превращение того, что поначалу было всего лишь географическим проявлением, в соседство, т.е. место со своими особыми умонастроениями, традициями и собственной историей» [14, с. 21].

Дж. Джекобс, один из ключевых теоретиков нового урбанизма, акцентирует внимание на повседневном поведении горожан, что приводит к переориентации социологии города от фиксации направлений и объемов потоков мобильности, в сторону запечатления повседневных рутинных социальных действий. Знаменитая метафора «тратуарный балет» [5], позволяет Джекобс описать систему движений людей на улице посредством наблюдения. Перенос внимания с цифр, подсчетов, эффективности использования городского пространства на выявление ежедневных ритуалов горожан открывает иной ракурс изучения города. Переход от анализа локально предопределенных сообществ к описанию вариативных практик освоения городской среды влечет за собой смену оптики исследования. В приоритете оказываются качественные социологические методы исследования.

Помимо концептуального поворота в городских исследованиях в рамках темы инклюзивного пространства для нас является важным формирование *disability studies*. Данная междисциплинарная область осмысляет инвалидность как социальный конструкт, что позволяет посмотреть на данный феномен не только с позиции физиологии и медицины, а расширить исследовательское поле за счет привлечения инструментария и теории социальных наук. Однако, как отмечает Э.К. Наберушкина: «Иначе обстоит дело с урбанистикой, которая лишь начинает вовлекаться в междисциплинарный ансамбль *disability studies*» [9, с. 13]. Исследования возможностей создания доступной среды позволят одновременно конструировать вариативную, адаптируемую среду под нужды различных социальных групп.

В статье анализируются качественные социологические методы, позволяющие выявить потребности различных сообществ при эксплуатации городской среды. Осуществленная рефлексия по поводу инструментария позволяет спроектировать программу исследования принципов создания инклюзивного пространства.

В статье также представлены результаты вторичного анализа результатов эмпирического исследования «Социолингвистический анализ урбанистического дискурса городских сообществ (на примере города Омска) [11; 12; 13], реализованного в стратегии понимающей социологии качественными методами:

— анализ полужформализованных глубинных интервью с представителями активистов-урбанистов г. Омска, чья деятельность направлена на бла-

гоустройство города, интервью проведены в период с 01.01.2016 г. по 15.12.2019 г. (18 глубинных интервью);

- анализ материалов, полученных путем интервьюирования экспертов. Исследование было проведено совместно с Институтом территориального планирования «ГРАД» в декабре 2019 г. В экспертную выборку вошли представители региональных властей (Э1, Э4 и Э5), в компетенцию которых входит принятие решений в сфере благоустройства; а также члены архитектурно-градостроительного совета Омской области (Э2 и Э3).

На примере города Омска возможно рассмотреть проблемы градостроительства провинциального города-миллионика. Анализ экспертных интервью также демонстрирует восприятие проблем города глазами региональной власти, что показывает, какие стратегии благоустройства кажутся актуальными.

Одно и то же публичное пространство эксплуатируется разными социальными группами. Это, казалось бы, тривиальное утверждение, порой игнорируется в градостроительстве и практике управления городом, что приводит к конфликтам различных городских сообществ, каждое из которых имеет собственные притязания на городское пространство.

В качестве примера можно привести исследование города Омска (исследование проведено под руководством автора статьи), где был осуществлен анализ дискурсов конфликтующих акторов (активистов-урбанистов, власти, СМИ), каждый из которых в процессе спора оперировал собственным образом города, что приводило к непримиримым противоречиям [13]. У каждой социальной группы по отношению к городу существуют собственные ожидания и представления того, как конкретный город должен развиваться, какие изменения в нем должны быть первичны. Одни акторы хотят увеличивать количество заводов, строить магистрали, развивать промышленность в регионах. Иные акторы говорят об увеличении количества школ, больниц, детских садов. Другая группа акторов ратует за озеленение, велодорожки, парки и места проведения досуга. А для создания инклюзивного пространства становятся значимыми принципы организации комфортной мобильности. В восприятии каждой социальной группы притязания иных групп кажутся не столь значимыми и необходимыми, что приводит к конфликтам.

Дискурсы были классифицированы, во-первых, по основанию акторов:

- городские власти города о благоустройстве города,
- горожане с активной позицией о благоустройстве города,
- СМИ о проблемах благоустройства.

Во-вторых, по типам дискурса. Каждый тип дискурса — это свой образ города, свои интересы в отношении благоустройства. Каждый дискурс выявляется за счет определенных понятийных рядов (концептов), которые иллюстрируют интересы конкретных групп и позволяют выявить, какой тип дискурса данная группа использует. Смена дискурсов демонстрирует смену городских идеологий, смену отношений к городу.

Вторичный анализ материалов эмпирического исследования «Социолингвистический анализ урбанистического дискурса городских сообществ (на примере города Омска)» помимо описанных групп акторов, имеющих свой специфический дискурс, позволяет выявить запрос на адаптируемую вариативную среду. Представители власти и активисты-урбанисты помимо желаний сделать город комфортным также говорили о благоустройстве общественных пространств и микрорайонов таким образом, чтобы в них была развита инфраструктура. Под-

черкивалось фрагментарность решений, что проявлялось в том, что застройщики и планировщики не учитывали многовариативность потребностей жителей.

«Например, Серебряный Берег, про который я уже говорила. Нет, я наврала, его не назвать комфортным.»

И: Почему?

— Ну, там дома отстроили вроде бы неплохие, а инфраструктуру не предусмотрели. Там с садами, поликлиниками и прочим большая проблема.

И: Но почему-то в голову сразу пришло, что он комфортный...?

— Кажется, потому что там рядом парк. Есть где погулять и провести время, на велосипедах покататься, вот спортом даже позаниматься, в футбол поиграть, с собакой погулять. Набережная рядом... В принципе, уютно, комфортно. Может еще предусмотрят эту инфраструктуру, и будет вообще хорошо. Да там магазинов даже нет практически...» (Информант 7. Общественный деятель, организатор городских экологических проектов, руководитель сообщества «Омск: Душа города», руководитель проекта «Куритибы в Сибири», жен.)

«Изменения должны быть такого характера... Чтобы микрорайоны были целостными. Ну, знаете, как будто бы маленький городок внутри большого города. Чтобы без необходимости тебе не надо было куда выезжать... Чтобы в пешеходной доступности были все объекты социальной инфраструктуры... Пусть жилые зоны будут более многофункциональными» (Э2).

«У нас очень моноцентричный город, вся жизнь сосредоточена только в центре. У нас очень хорошо обустроена вся общественно-деловая зона... Там все плотно заставлено и нет такой потребности, которую ты не мог бы удовлетворить в рамках этой территории. Промышленные зоны, где расположены производства — там тоже все неплохо, все-таки у нас промышленный город. Только добираться до этих зон тяжело, но это другой вопрос... но все, что дальше этой зоны — это мрак... Развиваются только одни части города, другие разрушаются, не развиваются, превращаются в какое-то "гетто"» (Э1).

В ходе интервью опрошенными подчеркивалась необходимость создавать разнообразные планировочные решения.

«В городе должна быть разная застройка, где каждый горожанин может выбрать себе для жизни и для досуга тот район, который он считает комфортным» (Э4).

«Должно быть разнообразие застройки, чтобы не все дома и районы были одинаковыми. Кто-то хочет жить повыше, кто-то хочет жить на земле и выращивать помидоры. Некрасиво же ущемлять одних и идти на поводу у других, верно?» (Э3).

Качество городской среды профессионалами по благоустройству оценивалось плачевно.

«Во многих пространствах устаревшая инфраструктура — разбитый асфальт, нет ливневки, нет пешеходной связи между несколькими пространствами» (Э2).

«У нас немного общественных пространств, которые бы соответствовали требованиям современных мобильных людей» (Э3).

Говорится о многофункциональности районов, но не учитываются разные сценарии поведения людей, обладающих различными возрастными, физическими и ментальными особенностями. Почти не обсуждаются проблемы мобильно-

сти горожан, отсутствуют суждения, касающиеся создания удобного пространства для всех групп населения с разными типами мобильности.

Многофункциональность мыслится не вариативной, а удовлетворяющей потребности одной социальной группы, что свидетельствует о том, что даже профессионалы, занимающиеся благоустройством, без наводящих вопросов не начинают думать о потребностях маломобильных людей с инвалидностью.

Когда градостроительные решения принимаются одной социальной группой, без опоры на полноценное социологическое исследование, проведенное с использованием различных качественных социологических методов, то порой возникает ситуация, которая красочно описана в работе Э.К. Наберушкиной и Е.Р. Мирзаевой [10], где в нарративных интервью маломобильные люди с инвалидностью описывают препятствия, с которыми они сталкиваются в городской среде. Показательным является то, что это происходит даже в Москве, где уровень комфорта города намного выше, чем в регионах.

По нашему мнению многие интервью демонстрируют, что данных трудностей можно было бы избежать, если бы при проектировании городской среды было проведено включенное наблюдение, позволяющее понять ощущения и принцип движения людей с инвалидностью. Формальное решение запросов разных акторов приводит к непродуманным архитектурным решениям.

Расширение методического инструментария при проведении социологического исследования за счет привлечения различных качественных методов позволяли бы в полной мере полноценно и разносторонне проанализировать, как нужно создавать инклюзивное пространство.

Видится, что программа социологического исследования, направленного на выявление запросов по отношению к инклюзивному пространству, должна включать в себя как минимум следующие методы: глубинные интервью, фокус-группы, наблюдение, ментальное картирование, проективные методы.

Обосновывать достоинства глубинных интервью и фокус-групп мы считаем излишним. Однако сосредоточимся на потенциале включенного наблюдения, ментальных карт и проективных методик, которые реже используются в социологических исследованиях, направленных на решение острых социальных проблем.

Выявление достоинств и описание методик анализа ментальных карт осуществлено в ряде работ К. Линча [7], Д.Н. Замятина [6], И.И. Митина [8], Н.В. Веселковой [3], К. Глазкова [4] и др. Нам видится продуктивным использование приема «*sketch maps*» вкупе с комментариями к нарисованному пространству. Далее посредством количественного анализа и наложения полученных результатов на реальную географическую карту происходит составление развернутых аналитических отчетов о качестве среды и ее характеристиках.

Наблюдение за принципами передвижения людей позволит зафиксировать паттерны поведения, отлаженные схемы движения и маршруты, которые используют люди. В качестве наглядного примера достоинства такого подхода можно привести следующие примеры: 1) когда посредством наблюдения за тем, где люди перебегают дорогу, было выявлено, что там необходимо установить пешеходный переход или светофор; 2) анализ того, где были протоптаны дорожки, показал, где лучше всего проложить и благоустроить пешеходные зоны. Приведенные примеры показывают, что изучение привычек поведения посредством наблюдения и фиксации является эффективным при принятии решений по благоустройству, так как не все паттерны движения

являются отрефлексированными и вербализуемыми. Ведь если бы пешеходный переход или светофор так и не были бы установлены, то жители все равно продолжали бы там перебегать дорогу, что могло бы привести к несчастным случаям. В урбанистике достаточно часто прибегают к использованию метода наблюдения. Однако при создании инклюзивного пространства данный метод почему-то игнорируется. Такой вывод мы можем сделать, опираясь на результаты исследования Э.К. Наберушкиной и Е.Р. Мирзаевой. В нарративах информантов присутствуют недоуменные высказывания о том, как непродуманно и нелогично сконструировано городское пространство, что требует от маломобильных людей с инвалидностью большего времени на преодоление препятствий, хотя данные градостроительные решения провозглашаются как принципы создания доступной среды. Использование наблюдения расширит понимание специфики предпочтений и сценариев движения людей с разными физическими особенностями. Комбинирование в рамках одного исследования наблюдения с описанным выше методом ментальных карт, фокус-группами и глубинными интервью позволит верифицировать и дополнить данные, полученные в ходе анализа. Посредством ментальных карт, фокус-групп и глубинных интервью будут получены отрефлексированная информация и оценочные суждения («удобно», «неудобно» и т.п.), характеризующие пространство. В ходе наблюдения эти суждения и данные могут быть уточнены и дополнены.

Нам видится продуктивным вкуче с описанными выше качественными методами в качестве завершающего этапа исследования использовать проективные методики. К сожалению, в социологических исследованиях к ним прибегают крайне редко, что является упущением. При всей сложности интерпретации полученных данных именно такого рода исследование позволит информантам не только осмыслить свой наличествующий опыт освоения пространства, но и предложить собственные решения по организации инклюзивного пространства. Предлагаемый нами пример использования проективной методики: 1) попросить информантов представить комфортное пространство и описать его, через уточняющие вопросы выяснить, как оно устроено, что там находится и т.п.; 2) пройти по реальному городскому пространству и попросить их прокомментировать, сопоставить с представленным и описанным идеальным комфортным пространством.

Соединение предложенных нами различных качественных методик сделает социологическое исследование принципов построения инклюзивного пространства более информативным. Такое исследование будет содержать большое количество реальных кейсов и предложений от различных целевых групп, использующих пространство. Сопоставление критических замечаний, высказанных по отношению к среде со стороны людей с различными физическими особенностями, даст возможность высказать комплексные предложения по благоустройству.

Предложенная в статье программа социологического исследования, направленного на выявление принципов создания инклюзивного пространства, проводимого с применением качественных социологических методов (фокус-группы, глубинные личные интервью, ментальные карты, включенное наблюдение, проективные методики), видится продуктивной для выявления запросов целевых групп. В дальнейшем планируется апробирование указанного инструментария и проведение исследования по намеченной программе.

Список литературы

1. Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Личность. Культура. Общество. — 2002. — Т. VI. — Вып. 1–2 (11–12). — С. 168–181.
2. Венкатеш С. Главарь банды на день. Изгой-социолог выходит на улицы. — М.: РИОПОЛ классик, 2021. — 368 с.
3. Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. — 2010. — № 31. — С. 5–29.
4. Глазков К.П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. — 2013. — № 3. — С. 39–56.
5. Джекобс Дж. Жизнь и смерть больших американских городов. — М.: Новое издательство, 2011. — 460 с.
6. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. — М.: Знак, 2006. — 488 с.
7. Линч К. Образ города. — М.: Стройиздат, 1982. — 328 с.
8. Митин И.И. Ментальные карты города. История понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. — 2017. — № 2(3). — С. 64–79.
9. Наберушкина Э.К. Исследование инвалидности в контексте урбанистики // Человек. Общество. Инклюзия. — 2018. — № 2(34). — С. 12–22.
10. Наберушкина Э.К., Мирзоева Е.Р. Изменения городской среды в фокусе инвалидности: результаты исследования // Инвалид в обществе XXI века: сборник трудов II Всероссийской научно-практической конференции. — М.: Московский государственный гуманитарно-экономический университет, 2021. — С. 64–70.
11. Оводова С.Н. Феномен самоорганизации активистов в урбанистические сообщества (на примере города Омска) // PRIMO ASPECTU. — 2019. — № 2(38) Июнь. — С. 35–43.
12. Оводова С.Н., Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Доминирующие концепты благоустройства сибирского города: опыт социологического исследования в городе Омске // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. — 2020. — Т. 5. — № 2(16). — С. 165–175.
13. Оводова С.Н., Чупин Р.И., Жигунов А.Ю. Урбанистический дискурс о благоустройстве города в городе: от нарративов к институтам // Журнал институциональных исследований. — 2018. — Т. 10. — № 3. — С. 123–138.
14. Парк Р. Избранные очерки. — М.: РАН ИНИОН, 2011. — 320 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К «НЕТИПИЧНОМУ» РЕБЕНКУ
В РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИУМАХ ЕВРО-АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ
РОССИИ¹

SOCIAL ATTITUDE TOWARDS AN «ATYPICAL» CHILD
IN THE REGIONAL SOCIETIES OF THE EURO-ARCTIC
TERRITORIES OF RUSSIA

АФОНЬКИНА Юлия Александровна — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и коррекционной педагогики Мурманского арктического государственного университета (julia3141@rambler.ru)

AFONKINA Yulia Aleksandrovna — Candidate of Psychology Science, Associate Professor Murmansk State Arctic University (julia3141@rambler.ru)

Аннотация. Актуальность проблемы включения уязвимых категорий населения, среди которых особое место занимают люди с инвалидностью, определяется осознанной общественной потребностью в создании справедливого общества. Исследование отношения общества к ребенку с инвалидностью как «нетипичному», нуждающемуся в создании особых условий является важной и недостаточно изученной научной проблемой. Целью исследования выступает выявление отношения к «нетипичному» ребенку в региональных социумах Евро-Арктической зоны РФ. Для достижения поставленной цели использовался метод онлайн анкетирования, в котором приняло участие население Евро-Арктических территорий Северо-Западного федерального округа России ($n = 861$ в возрасте от 16 до 68 лет). Как показало исследование, при общем доминирующем положительном отношении к «нетипичному» ребенку в регионах Евро-Арктической зоны Российской Федерации, выявляется его зависимость от принадлежности к той или иной нозологической группе, а также имеют место определенные тенденции зависимости такого отношения от территории, где он проживает.

Ключевые слова: Социальная инклюзия, люди с инвалидностью, «нетипичный» ребенок, региональный социум, Евро-Арктические территории РФ.

Abstract. The urgency of the problem of inclusion of vulnerable categories of the population, among which people with disabilities occupy a special place, is determined by the conscious public need to create a just society. The study of society's attitude to a child with disabilities as «atypical», in need of special conditions is an important and insufficiently studied scientific problem. The aim of the study is to identify the attitude towards an «atypical» child in regional societies of the Euro-Arctic zone of the Russian Federation. To achieve this goal, an online questionnaire method was used, in which the population of the Euro-Arctic territories of the Northwestern Federal District of Russia ($n = 861$ aged 16 to 68 years) took part. As the study showed, with a generally dominant positive attitude towards an «atypical» child in the regions of the Euro-Arctic zone of the Russian Federation, his dependence on his belonging

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00795 «Нетипичное» детство как социальный феномен в условиях развития инклюзивных процессов на территории Евро-Арктического региона России», <https://rscf.ru/project/22-28-00795/>.

to a particular nosological group is revealed, and there are also certain tendencies of dependence of such an attitude on the territory of his residence.

Keywords: *Social inclusion, people with disabilities, «atypical» child, regional society, Euro-Arctic territories of the Russian Federation.*

Переход от медицинской к социальной модели инвалидности способствовал развитию инклюзивных процессов, которые создали новый контекст функционирования и развития общества. Значительные усилия направляются на создание такой среды, которая обеспечила бы доступность для всех граждан объектов и услуг, способствуя расширению их социальных взаимодействий.

В целом, создание и масштабирование инклюзивных практик стало социально значимым и актуальным инструментом управления социальными процессами в российском обществе. Реализация принципа социальной инклюзии как стремления включить уязвимые группы населения в значимые для устойчивого развития общества и гармоничного развития индивида социальные процессы опосредуется проблематикой развития функций современного общества. На наш взгляд, социальная инклюзия может рассматриваться как в качестве индикатора продуктивности и прогрессивности взаимоотношений и взаимодействий между обществом и человеком на основе его вхождения в социальные процессы, присоединения в качестве актора к принятию важных социальных решений и участия в разных видах человеческой деятельности, так и в качестве механизма общественной регуляции социальных процессов для достижения в обществе бóльшей справедливости.

Совершенно очевидно, что для включения в общественные процессы людей с инвалидностью в качестве полноправных субъектов недостаточно обеспечить физическую доступность среды. Для подлинного, а не формального преодоления эксклюзии необходимо отношение представителей социума к людям с инвалидностью как к равнодостоинным гражданам, обладающим не только особыми, но и общечеловеческими потребностями и способностями. Можно утверждать, что специфика отношения общества к людям с инвалидностью раскрывает состояние общества в целом.

На разных этапах развития общества отношение к людям с инвалидностью претерпевало существенные изменения. Ретроспектива указанных изменений представлена в исследованиях, выполненных в разных научных областях, отражаясь в педагогических [13; 14], социологических [9; 21], исторических/культурно-исторических [17; 10] подходах.

Наиболее существенные изменения социального отношения к лицам с ограниченными возможностями и инвалидностью связаны с переходом современного российского общества с начала 2000 гг. к интеграционному периоду [9], что во многом связано развитием международных социально-правовых подходов к проблеме инвалидности.

На основе анализа приведенных выше научных подходов можно сделать вывод о том, что трансформации отношения общества к лицам с ОВЗ и инвалидностью зависят от смены общественных приоритетов и изменений социально-экономических отношений. Характер отношения к данной социальной группе определяется широким спектром взаимосвязанных причин, которые складываются в разные исторические периоды общественного развития. Они отражаются в социальной политике государства, законодательных разрешениях, проявляющихся в разных социальных средах, а также в оформлении новых социокультурных норм, раскрывающих уважительное отношение к разнообразию и на-

правляющих усилия представителей общества на преодоление стигматизации и сегрегации людей с инвалидностью.

Систематические исследования отношения общества к людям с инвалидностью начинаются в XXI веке, в том числе в региональных социумах. Эти исследования направлены на выявление различных характеристик и факторов отношения к людям со стойкими нарушениями здоровья. Так, анализ результатов опросов отношения граждан к данной категории людей [18] показал наличие между здоровыми людьми и людьми с инвалидностью достаточно большой дистанции. В исследованиях Г.В. Жигуновой [9] были выявлены негативные социальные акты в отношении инвалидов. Они показывают, что в обществе, несмотря на имеющиеся у большинства респондентов чувства сострадания и сочувствия к лицам с инвалидностью, значительное количество людей испытывают негативные эмоциональные переживания, брезгливость, дискомфорт при виде детей с инвалидностью, что является следствием интолерантности, которая проявляется также в насмешках и недоброжелательности в их адрес. В то же время граждане понимают необходимость поддержки инвалидов и готовы к преодолению социальных барьеров.

За десятилетия произошел ряд положительных изменений, в результате которых общество подошло к пониманию необходимости создания безбарьерной среды, одобрению предпринимаемых государством мер в данном направлении и необходимости содействия процессам социальной инклюзии. Исследователи отмечают, что получило развитие доброжелательное отношение общества к людям с ограниченными возможностями здоровья, что расценивается как устойчивая тенденция, проявляющаяся в современной социокультурной среде [20 и др.].

Вместе с тем результаты современных исследований показывают противоречивость в отношении общества к людям с инвалидностью, что проявляется в разных социальных средах. Так, в образовательной среде, наряду с признанием важности инклюзии, ее роли в социальной адаптации детей с инвалидностью, участники опросов считают наиболее эффективным индивидуальное обучение вне сообщества нормотипичных сверстников [1]. В профессионально-трудовой среде при общей положительной оценке инклюзивных процессов по отношению к людям с инвалидностью имеет место социальное дистанцирование, обусловленное статусно-ролевыми отношениями [2].

В современных социологических исследованиях были выявлены факторы, определяющие отношение к лицам с инвалидностью: недостаточная информированность общества [3; 11], характер и специфика нарушений, определяющих видимые признаки инвалидности [6; 8; 23], наличие опыта взаимодействия с лицами с инвалидностью [5], абстрактность, своего рода обезличенность образа инвалида, создаваемого СМИ [4].

В ряде других работ было выявлено различное отношение к абстрактному и к конкретному человеку с инвалидностью, особенно с ментальной инвалидностью, а также зависимость уровня толерантности отношения к инвалидам от социально-демографических характеристик, половой принадлежности, возраста, уровня образования, места проживания, профессиональной направленности представителей социума, а также отмечается наличие межличностного стресса, провоцирующего проявления недоброжелательности в отношении лиц с инвалидностью [24; 7; 5; 11; 12]. В исследованиях раскрыта зависимость отношения к человеку с инвалидностью от его гендерных характеристик [16; 24].

Важно отметить, что в значительной степени существующие в современном социуме стереотипы и предрассудки, отражаемые в представлениях об инвалидности, связаны с длительным периодом изоляции людей с инвалидностью от остального социума и доминированием медицинской модели инвалидности [18]. Инвалидность долгое время рассматривалась как личностная трагедия, а инвалид как человек, требующий заботы государства, поскольку ему недоступно самостоятельное существование [22]. Все усилия государства сегрегировали инвалидов, создавались своего рода закрытые средовые системы, образуя своего рода «гетто» для инвалидов [15, с. 120]. Тем самым в особых условиях им как бы возмещались социальные ограничения с одновременной изоляцией от общества, что углубляло общественную дистанцию и порождало иждивенческую позицию у самих инвалидов. Возникали и закреплялись социальные стереотипы, отражающие представления общества о невозможности данной группы лиц к самостоятельному существованию и включению в общество.

Итак, обобщение результатов социологических исследований показывает наличие значительного числа факторов, определяющих отношение общества к лицам с инвалидностью. Принятие людей с инвалидностью как полноправных и равнодостоинных членов общества не является общей социальной тенденцией. Следует подчеркнуть, что отношение в современной России к людям с инвалидностью является достаточно неоднозначным и противоречивым социальным явлением, требующим систематического изучения. Причем особую важность имеет изучение отношения общества к ребенку с инвалидностью, который характеризуется как «нетипичный», поскольку необходимые для его социогенеза условия, логика встраивания ребенка в систему социальных отношений формы проявления социальной сущности, способы включения в специфические для возраста виды деятельности выходят за границы привычных представлений, воспринимаясь окружающими людьми как нарушение, требующее коррекции. Таким образом, инклюзия на практике заменяется попытками нормализации, что обесценивает идею о равной ценности для общества всех людей, являющуюся базовой для понимания социальной сущности инклюзии.

Отметим, что в большинстве исследований отношение общества к ребенку с инвалидностью рассматривается на теоретическом и прикладном уровнях в контексте инклюзивного образования [19, 23 и др.], что в определенном смысле не позволяет составить об особенностях такого отношения целостную картину. Также в научном поле недостаточно исследований, отражающих региональную специфику такого отношения.

Следовательно, выявление современной картины отношения общества к «нетипичному» ребенку в региональных социумах имеет теоретическую значимость, поскольку позволяет дополнить научное представление о механизмах и барьерах, препятствующих включению лиц с инвалидностью в общество, и практическое значение для эффективного социального управления процессами инклюзии.

В рамках исследования, проведенного в 2022 году, было выявлено отношение в региональных социумах Евро-Арктического региона к детям с инвалидностью, в котором приняли участие 861 респондент: в Республике Карелия — 52 чел. (6%), Республике Коми — 39 чел. (4,5%), Мурманской области — 410 чел. (47,6%), Архангельской области — 326 чел. (38%), Ненецком Автономном округе — 34 чел. (3,9%). Численность респондентов по регионам пропорциональна численности жителей данных территорий. По уровню обра-

зования участники опроса распределились следующим образом: общее образование — 2,9%, среднее профессиональное — 28,7%, высшее — 61,8%, другое — 6,6%.

Отношение к инвалидам выявлялось по типам нарушений, приведших к инвалидности — опорно-двигательным, ментальным, нарушениям слуха и зрения, поскольку данные нарушения в разной степени затрудняют включение в социум и требуют разные условия для достижения безбарьерности среды.

Результаты анкетирования показывают, что большинство респондентов реагируют на ребенка с инвалидностью «как на любого другого человека» (75,2%). Все другие реакции присущи значительно меньшему количеству опрошенных: предлагают помощь 10,9%, чувствуют неловкость — 8,4%, стараются не замечать — 2,1%, проявляют любопытство 1,4% и еще 2% указали на иные социальные реакции.

Во всех изученных регионах сохраняется примерно такое же соотношение в распределении вариантов социальных реакций. Преобладает отношение к ребенку с инвалидностью как к любому другому человеку: в Республике Карелия — 75%, в Республике Коми — 64,1%, в Ненецком Автономном округе — 76,5, в Архангельской области — 78,3% и в Мурманской области — 73,7%. Однако подчеркнем, что в Республике Коми респонденты чаще отмечали чувство неловкости (15,4%) и предложение помощи (17,9%), чем на других изучаемых территориях (рис. 1).

Рис. 1. Социальные реакции по отношению к детям с инвалидностью в региональных социумах на Евро-Арктической территории РФ, %

МО — Мурманская область, АО — Архангельская область, РК — Республика Карелия, РКМ — Республика Коми, НАО — Ненецкий Автономный округ

К детям с нарушениями опорно-двигательного аппарата более половины опрошенных относятся очень доброжелательно (62,7%) и еще 22,3% — скорее доброжелательно. Таким образом, относятся положительно к данной группе детей-инвалидов 85% респондентов. 12,3% указали на нейтральное отношение, а отрицательное отношение отметили только 0,2%. Подобное соотношение социальных реакций характеризует отношение в региональных социумах к детям-инвалидам с нарушениями слуха и зрения.

Положительно относятся к детям с нарушениями слуха 85% опрошенных: 62,7% — доброжелательно и 22,3% — скорее доброжелательно. Нейтральное отношение проявилось у 12,3%. Отрицательно относятся к данной группе детей (0,2% недоброжелательно и 2,4% — совсем недоброжелательно).

К детям с нарушениями зрения среди участников опроса 65,6% продемонстрировали доброжелательное отношение и еще 21,1 — скорее доброжелательно (всего было дано 86,6% положительных ответов). Нейтрально относятся 11,7% респондентов. На отрицательное отношение указали 0,3% (0,2% относятся недоброжелательно и 0,1% совсем недоброжелательно).

По отношению к детям с внешними физическими уродствами относятся доброжелательно и скорее доброжелательно 72,5% (46,6% и 25,9% соответственно). Отрицательное отношение проявили 1,6% (1,3% — недоброжелательно и 0,3% — совсем недоброжелательно). Нейтральное отношение характерно для 19,9% участников опроса.

Отношение к детям с психическим нарушениями в регионах Евро-Арктической зоны РФ наиболее неблагоприятное. Очень доброжелательное проявилось в ответах 30,8% участников опроса, доброжелательное — у 24,9% (всего 55,7% положительных ответов). Нейтральное отношение характерно для 26,9%. Отношение еще 5,6% респондентов расценивается как отрицательное (4,4% — скорее недоброжелательное и 1,2% — совсем недоброжелательное) (рис. 2).

Рис. 2. Отношение к детям с инвалидностью разных нозологических групп представителей региональных социумов на Евро-Арктической территории РФ, %

В разрезе регионов Евро-Арктической зоны РФ к детям-инвалидам обнаруживаются следующие тенденции.

К детям с нарушениями опорно-двигательного аппарата положительное отношение имеет место у 76,9% в Республике Карелия, 92,3% в Республике Коми, 91,2% в Ненецком Автономном округе, 88,7% в Архангельской области и 81,5% в Мурманской области. Отрицательное отношение не выявлено в ответах респондентов в Республике Коми и Ненецком Автономном округе. На остальных изучаемых территориях оно имеет минимальные значения (в Республике Карелия — 3,8%, в Архангельская области — 0,3%, в Мурманской области — 0,2%).

К детям-инвалидам по зрению положительно относятся 94,8% опрошенных в Республике Коми, 93,2% — в Мурманской области, 91,2% — в Ненецком Автономном округе, 90,5% — в Архангельской области, 62,7% — в Республике Карелия. Отрицательное отношение проявили участники опроса только Архангельской и Мурманской областях (0,6% и 0,2% соответственно). Нейтрально относятся к данным детям 14,2% респондентов в Мурманской области, 9,6% в Республике Карелия, 8,8% в Ненецком Автономном округе, 8,6% в Архангельской области, 2,6% в Республике Коми.

К детям-инвалидам с нарушениями слуха проявляют положительное отношение 94,8% респондентов в Республике Коми, 89,9% — в Архангельской области, 86,3% — в Ненецком Автономном округе, 84,6% респондентов в Карелия, 83,3% — в Мурманской области. Отрицательное отношение выразили участники опроса только в Архангельской и Мурманской областях (0,3% и 0,4% соответственно). Нейтральное отношение присуще 13,9% респондентам в Мурманской области, 11,8% — в Ненецком Автономном округе, 9,6% — в Республике Карелия, 8,9% — в Архангельской области, 2,6% — в Республике Коми.

К детям-инвалидам, имеющим физическое внешнее уродство, положительно относятся 85,8% опрошенных в Ненецком Автономном округе, 82,0% респондентов в Республике Коми, 75,6% — в Архангельской области, 69,3% — в Мурманской области, 63,6% — в Республике Карелия. Отрицательное отношение проявилось у участников во всех регионах, его отметили в Мурманской области 2,3%, в Республике Карелия 1,9%, в Ненецком Автономном округе 2,9%, в Архангельской области 0,9%. Нейтральное отношение присуще 21,4% респондентов в Мурманской области. Его проявили еще 19,3% участников анкетирования — в Архангельской области, 19,2% — в Республике Карелия, 14,7% в Ненецком Автономном округе и 12,8% — в Республике Коми.

Согласно ответам респондентов, к детям-инвалидам с психическими нарушениями положительное отношение выразили 69,2% респондентов в Республике Коми, 68,3% опрошенных в Ненецком Автономном округе, 62,9% — в Мурманской области, 61,1% — в Архангельской области, 51,9% — в Республике Карелия. Отрицательно относятся к данной группе детей 7,7% опрошенных в Республике Карелия, 5,8% в Архангельской области, 5,6% в Мурманской области, 5,1% в Республике Карелия, 2,9% в Республике Коми. На нейтральное отношение указали 29,4% респондентов в Ненецком Автономном округе, 27,9% — в Архангельской области, 23,7% — в Мурманской области, 26,9% — в Республике Карелия, 18,0% — в Республике Коми.

Обобщение результатов исследования позволило сделать следующие выводы.

Доминирующей социальной реакцией респондентов, как показали результаты исследования, выступает отношение к ребенку с инвалидностью как к любому другому. В то же время такое отношение не побуждает в большинстве случаев к активным социальным действиям — желание помочь проявляется редко. Такое же соотношение сохраняется в разрезе регионов, однако отметим, что в Республике Коми отношение к ребенку с инвалидностью как к любому другому отметили наименьшее количество опрошенных, также на данной территории чаще отмечались такие социальные реакции, как неловкость и предложение помощи, чем на других изучаемых территориях.

Более 80% респондентов положительно относятся к детям-инвалидам с нарушениями опорно-двигательного аппарата, нарушениями слуха и зрения. Несколько реже такое отношение выделяется респондентами к детям с физически-

ми внешними уродствами. Наиболее неблагоприятное отношение респонденты продемонстрировали к детям с психическими нарушениями. Также к ним чаще по сравнению с другими нозологическими группами проявляется нейтральное отношение.

Данные тенденции в целом сохраняются и в разрезе регионов. Однако отметим, что к детям с нарушениями опорно-двигательного аппарата положительное отношение чаще, чем в других регионах, проявилось в ответах респондентов из Республике Коми и реже в остальных, например, в Республике Карелия. К детям с нарушениями слуха среди изученных регионов чаще демонстрировали участники опроса также в Республике Коми, а реже, чем в других — в Мурманской области.

К детям с нарушениями зрения на доброжелательное и скорее доброжелательное отношение указали больше респондентов также в Республике Коми и наиболее редко — в Республике Карелия, причем разница составляет более трети ответов.

К детям с физическими внешними уродствами более положительное отношение в Ненецком Автономном округе, и наименьшее количество с разницей почти в четверть ответов такой ответ дали участники опроса в Республике Карелия. Такое же соотношение положительных ответов проявилось в отношении детей с психическими нарушениями, хотя с меньшей разницей.

Таким, образом, при общем доминирующем положительном отношении к «нетипичному» ребенку в регионах Евро-Арктической зоны РФ, выявляется его зависимость от его принадлежности к той или иной нозологической группе, а также имеют место определенные тенденции зависимости такого отношения от территории, в котором он проживает. В целом на отношение к детям с инвалидностью в региональных социумах все еще существенно оказывает влияние медицинская модель инвалидности.

Список литературы

1. *Афонькина Ю.А.* Представления педагогов об инклюзивном образовании детей с инвалидностью как социальной сред/Ю.А. Афонькина. — Текст: непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. — 2019. — № 64-4. — С. 10–13.
2. *Афонькина Ю.А.* Особенности отношения представителей современного социума к лицам с инвалидностью (по материалам экспертного опроса в Мурманской области)/ Ю.А. Афонькина, Г.В. Жигунова // Общество: Социология. Психология. Педагогика. — 2018. — № 12 (56). — С. 34–39.
3. *Вильцан М.А.* Современное представление и отношение жителей города Тобольска к инвалидам по зрению // Психология, социология и педагогика. — 2014. — № 11 (38). — С. 137–149.
4. *Воеводина Е.В.* Социальный портрет людей с ограниченными возможностями здоровья в студенческой среде как фактор социальной адаптации к условиям вуза /Е.В. Воеводина, Е.Е. Горина //Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 373. — С. 60–65.
5. *Волкова Е.А.* Опыт исследования и воспитания толерантного отношения студенческой молодежи к лицам с ограниченными возможностями и инвалидам // Научный вестник Южного института менеджмента. — 2016. — № 2. — С. 49–51.
6. *Гладилина Л.С.* Особенности социальной дистанции и толерантности учащихся ссузов, реализующих программу инклюзивного образования // Психологическая наука и образование. — 2014. — Т. 6. — № 3. — С. 264–275.

7. *Гринина Е.С.* Отношение студенческой молодежи к лицам с ограниченными возможностями здоровья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. — 2015. — Т. 4. — № 4 (16). — С. 333–337.

8. *Домбровская А.Ю.* Социальная адаптация людей с ограниченными возможностями здоровья в современной России: дисс. ... д-р социол. наук: 22.00.04/ Белгород. гос. нац. исслед. ун-т. — Тула, 2015. — 431 с.

9. *Жигунова Г.В.* Ювенальная инвалидность в системе социальной реальности российского общества: монография. — М., Берлин: Директ-Медиа, 2014. — 171 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=273460&razdel=36>.

10. *Киселёв М.И.* Генезис отношения к детям с ограниченными возможностями // Молодой ученый. — 2012. — № 12. — С. 412–415.

11. *Кондакова Н.А.* Отношение населения Вологодской области к статусу инвалида / Н.А. Кондакова, Л.Н. Фахрадова // Вопросы территориального развития. — 2015. — Вып. 1 (21). — С. 1–13.

12. *Коростелева Н.А.* Актуальность проблемы формирования толерантного отношения к студентам-инвалидам в современном социуме / Н.А. Коростелева, А.М. Краснов, В.В. Леонов // Научно-педагогическое обозрение. — 2014. — № 1 (3). — С. 24–33.

13. *Малофеев Н.Н.* Западная Европа: эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии: монография. — М.: Экзамен, 2003. — 256 с.

14. *Малофеев Н.Н.* Специальное образование в России и за рубежом. Ч. 1. Западная Европа. — М.: Печатный двор, 1996. — 182 с.

15. *Наберушкина Э.К.* Город для всех: социологический анализ доступности городского пространства для инвалидов // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2011. — Т. XIV. — № 3 (56). — С. 119–139.

16. *Наберушкина Э.К.* Инвалидность в фокусе урбанфеминизма // Женщина в российском обществе. — 2020. — № 3. — С. 142–155.

17. *Нагорнова А.Ю.* Исторический анализ проблемы инвалидности в дореволюционной России и СССР/ А.Ю. Нагорнова, Т.А. Макарова // Общество: философия, история, культура. — 2014. — № 1.

18. *Романов П.В.* Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России / П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова. — Саратов: Научная книга, 2006. — 260 с.

19. *Самохин И.С.* Отношение к детям с инвалидностью в контексте российского инклюзивного образования / И.С. Самохин, Н.Л. Соколова, М.Г. Сергеева // Научный диалог. — 2016. — Вып. № 10 (58). — С. 362–376.

20. *Стуров П.С.* Доброжелательное отношение к инвалидам как тенденция развития социокультурной среды современного российского общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2018. — № 3. — С. 223–228.

21. *Ткаченко В.С.* Медико-социальные проблемы независимой жизни инвалидов: учебное пособие. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. — 384 с.

22. *Шнек О.С.* Механизмы воспроизводства вторичного социального статуса инвалида в СССР // Журнал исследований социальной политики. — 2005. — Т. 3. — № 2. — С. 250.

23. Щербакова А.М. Психологические аспекты инклюзии детей с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы психического здоровья детей и подростков. — 2013. — Т. 13. — № 2. — С. 67–74.

24. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная работа с инвалидами/ Е.Р. Ярская-Смирнова, Э.К. Наберушкина. — Саратов: СГТУ, 2003.

И.В. Михалёв, Ю.Н. Нестеренко, Е.В. Трубачев

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ МЕХАНИЗМА СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДОПРЕДПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ПРЕДПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

**ASSESSMENT OF THE ECONOMIC EFFECTIVENESS OF THE SOCIAL
SUPPORT MECHANISM BEFORE THE PRE-PROFESSIONAL DEVELOPMENT
AND PRE-PROFESSIONAL TRAINING OF PERSONS WITH DISABILITIES**

МИХАЛЁВ Игорь Васильевич — кандидат социологических наук, доцент, ректор МГТЭУ (e-mail: info@mggeu)

НЕСТЕРЕНКО Юлия Николаевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, бухгалтерского учета и налогообложения МГТЭУ (e-mail: nesterenko@mggeu.ru)

ТРУБАЧЕЕВ Евгений Валерьевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и инноваций МГТЭУ (trubacheev@mggeu.ru)

MIKHALEV Igor Vasilyevich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Rector of MSUHE (e-mail: info@mggeu)

NESTERENKO Yulia Nikolaevna — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance, Accounting and Taxation, MSUHE (e-mail: nesterenko@mggeu.ru)

TRUBACHEEV Evgeny Valerievich — Candidate Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Innovation, MSUHE (trubacheev@mggeu.ru)

Аннотация. статья посвящена проблеме формирования и совершенствования механизма социального сопровождения допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки лиц с инвалидностью в современном обществе и оценке экономической результативности его функционирования. В работе рассмотрены нормативные и общесистемные критерии признания инвалидности и дифференциация степени полной или частичной утраты или отсутствия способностей к самообслуживанию и общественно-полезной деятельности в целях трудового и профессионального самоопределения личности. Особое внимание авторы уделили технологическим и мотивационным составляющим формирования общественно-полезной личности человека с ин-

валидностью. Для целей характеристики стадий жизненного цикла человека использован метод синтеза возрастного и профессионального развития индивида с учетом фактора врожденной или приобретенной инвалидности.

Ключевые слова: допредпрофессиональное развитие, предпрофессиональная подготовка, становление личности человека с инвалидностью, экономика общества с включением лиц с инвалидностью, социальное сопровождение допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки лиц с инвалидностью, экономическая результативность механизма социального сопровождения инвалидов.

Abstract. *The article is devoted to the problem of formation and improvement of the mechanism of social support of pre-professional development and pre-professional training of persons with disabilities in modern society and the assessment of the economic effectiveness of its functioning. The paper considers the normative and system-wide criteria for the recognition of disability and differentiation of the degree of complete or partial loss or absence of abilities for self-service and socially useful activities for the purposes of labor and professional self-determination of the individual. The authors paid special attention to the technological and motivational components of the formation of a socially useful personality of a person with disabilities. For the purposes of characterization of the stages of the human life cycle, the method of synthesis of age and professional development of an individual, taking into account the factor of congenital or acquired disability, was used.*

Keywords: *pre-professional development, pre-professional training, the formation of the personality of a person with disabilities, the economy of society with the inclusion of persons with disabilities, social support of pre-professional development and pre-professional training of persons with disabilities, the economic effectiveness of the mechanism of social support for the disabled.*

Одним из важнейших ключевых вопросов, стоящих перед современным обществом, является механизм достижения индивидуальных и коллективных целей, формулируемых как каждым гражданином, реализующим себя в качестве различных ролевых позиций (потребитель, носитель трудового потенциала, аналитик, член социальных и профессиональных ячеек и т.д.), так и обществом в целом. Для предотвращения возможного конфликта между индивидуальными и коллективными целями в обществе применяются различные подходы («снизу–вверх», «сверху–вниз», горизонтальное планирование) и методы (консенсуса, оптимизации, декомпозиции и другие) анализа и устранения противоречий.

Выявление, идентификация, оценка взаимного воздействия механизмов достижения каждой цели друг на друга и на параметры управляемой системы представляют собой сложный процесс, проектно-конструктивный этап которого завершается разработкой единой комплексной стратегии развития системы.

Стратегия развития по критерию конкретизации целей может формулироваться от максимально сжатого формата (локализация на одной цели с разработкой основных этапов программы ее достижения) до развернуто-конкретизированного (с указанием множественных целей, различающихся по временному горизонту достижения, по иерархии, по непротиворечивости, по достаточности имеющегося инструментария и т.д.; с детализированным описанием каждого вида работ, способствующего достижению одной или нескольких целей).

Долгосрочная стратегия функционирования всего российского общества находится в компетенции высших органов государственного аппарата Российской Федерации, в том числе Президента Российской Федерации, определяющего основные глобальные долгосрочные цели развития различных сфер финансово-экономической, общественно-политической, социально-культурной, инновационно-технологической, научно-исследовательской деятельности, и Правительства Российской Федерации, разрабатывающего поэтапные программы достижения общезначимых целей развития.

В настоящее время основным таргет-документом, содержащим свод основных целей развития России и российского общества на среднесрочную перспективу, является Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». В данном документе, в разрезе некоторых из пяти национальных целей развития, указываются следующие показатели их достижения:

1. В рамках национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей»:
  - снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г.;
  - увеличение доли граждан, на постоянной основе вовлеченных в занятия физической культурой и спортом, до 70%.
2. В рамках национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов»:
  - формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся;
  - создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.
3. В рамках национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство»:
  - обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности;
  - обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции;
  - увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, до 25 млн чел. [2, пп. 1, 2].

К числу целевых групп населения, способных, с одной стороны, стать получателями комплекса полезных эффектов, ожидаемых в процессе реализации профильного указа Президента России, а с другой – стать частью эффективного механизма реализации национальной стратегии устойчивого развития, относятся в том числе лица с инвалидностью.

Дефиниции «инвалид», «лицо с инвалидностью» применительно к российскому обществу раскрываются в федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»: инвалидом, в соответствии с действующим законодательством, признается лицо, в отношении которого имеется заключение учреждения медико-социальной экспертизы о наличии у лица нарушения

здоровья вследствие заболевания, последствия травм(ы) или дефектов, проявляющегося в полной или частичной утрате способности к самообслуживанию, самостоятельному передвижению, ориентированию, общению, контролю над своим поведением, обучению и трудовой деятельности [1, ст. 1].

Значение лиц с инвалидностью как трудового ресурса для национальной макроэкономической системы определяется как локальными проектами по адаптации рабочих мест под лиц с инвалидностью, так и мнениями экспертов в области возможностей инклюзивизации национального рынка труда. В частности, подобная идея была высказана членом Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по развитию некоммерческого сектора и поддержке социально ориентированных НКО И. Галл-Савальским, который указал, что инвалиды России являются ценным ресурсом, который может принести большую пользу экономике страны [9].

Определение тяжести заболеваний, физиологических или когнитивно-интеллектуальных дефектов личности, снижающих личностные способности человека с инвалидностью в разрезе лиц до 18 лет (на стадии детства и/или предпрофессиональной подготовки) и лиц в возрасте старше 18 лет (трудоспособных по возрастному признаку и/или находящихся в процессе профессиональной подготовки по выбранному направлению будущей трудовой деятельности), определяется приложениями 1 и 2 к Приказу Минтруда России от 27.08.2019 г. № 585н: для отдельных типовых поведенческих ситуаций (самообслуживание, обучение, трудовая деятельность и другие) предусматривается следующая шкала признания тяжести утраты физиологических и/или интеллектуально-ментальных способностей личности: I степень — характеризуется нарушениями функций организма в диапазоне 10–30%; II степень — 40–60%; III степень — 70–80%; IV степень — 90–100%.

С учетом сформированной к конкретному этапу жизненного цикла гражданина с инвалидностью утраты части тех или иных его полезных качеств и способностей, а также возможностей формирования механизма рационального применения его способностей работодателем или им самим (в статусе индивидуального предпринимателя или самозанятого лица), он может рассматриваться в качестве возможного носителя трудового потенциала.

Развитие общественного понимания значения лиц с инвалидностью как возможных исполнителей трудовых функций является основой для проведения медицинских и экономических исследований, направленных на оценку возможности трудовой реализации лиц с инвалидностью в тех или иных экономико-технологических сферах. С 2014 г. правоустанавливающим документом, определяющим перечень более 400 профессий, возможных к реализации инвалидами, является профильный приказ Министерства труда и социальной защиты России [3, п. 1].

Оценивая нормативную базу, регламентирующую общесистемные предпосылки к включению лиц с инвалидностью в состав носителей трудового потенциала в Российской Федерации и позволяющую отечественным работодателям ориентироваться в возможностях привлечения лиц с инвалидностью в качестве сотрудников, как достаточную, необходимо обратиться ко второй составляющей комбинаторной связки «работодатель (рынок труда) – лицо с инвалидностью как носитель трудового или предпринимательского потенциала».

Отличаясь от лиц, не имеющих явно выраженных особенностей здоровья, оказывающих влияние на способность их носителей к учебно-образовательной и трудовой деятельности, некоторыми психофизиологическими характеристи-

ками, во всех остальных аспектах жизни изначально инвалиды проявляют и реализуют схожие интересы и потребности: для их личности так же свойственны такие качества, как амбициозность, стремление к комфорту и самореализации, когнитивность, зависть, эмпатия и т.д. — все это составляет содержание личности человека независимо от наличия или отсутствия у него инвалидности. Более того, поскольку сам статус инвалидности является результатом заключения специальной экспертной медицинской организации, то, с одной стороны, лица, имеющие ограниченные возможности здоровья, но не получившие статус инвалида, могут считать себя полноценными гражданами, ориентированными на максимальную личностную и профессиональную самореализацию, а с другой — лица, не имеющие статуса инвалида, но находящиеся по ряду причин в депрессивно-угнетенном состоянии (жизненные обстоятельства, особенности семейного или внесемейного воспитания, последовательное участие в неоправдавших себя социальных и профессиональных проектах и т.д.), по своей готовности к активной познавательной и трудовой деятельности могут оказываться по рангу ниже жизненно активных инвалидов.

Таким образом, лица особой социальной группы (инвалиды) при прочих равных условиях могут быть в не меньшей степени, чем лица без инвалидности, ориентированы на активную социальную и трудовую самореализацию. Большое значение в формировании ориентированной к самостоятельности и/или трудоориентированной личности оказывает система внешнего окружения процесса жизненного развития лица с инвалидностью.

Ряд исследований, посвященных проблеме объективного осознания лицами с официально признанными ограниченными возможностями здоровья своих способностей, включая фрустрацию и готовность к трудовой деятельности, показал, что даже само наличие статуса инвалида может практически в 2 раза снизить ориентированность респондентов в профессиональной самореализации, а стремление получать регулярное медицинское и социальное обслуживание — в 2,5 раза (при равном уровне ментальных и физиологических способностей участников двух анализируемых групп) (табл. 1).

Таблица 1

Дифференциация показателей социальной фрустрации групп респондентов со статусом инвалидности и без статуса инвалидности

Показатель фрустрации	Группа со статусом инвалидности	Группа без статуса инвалидности
Материальное положение	2,8±1,3	1,5±0,8
Образование	2,7±1,2	1,5±0,9
Условия профессиональной деятельности/учебы	3,0±1,2	1,4±0,8
Возможность выбора места работы	2,8±1,2	1,4±0,9
Взаимоотношения с субъектами своей деятельности	2,9±1,2	1,3±0,8
Положение в обществе	3,5±0,9	1,3±0,8
Сфера социального и медицинского обслуживания	3,8±0,5	1,6±0,8
Образ жизни в целом	3,0±1,2	1,4±0,9
Общий балл социальной фрустрации	2,9±0,5	1,4±0,6

Источник: составлено авторами на основе данных: [8, с. 1104].

Проведенное исследование, охватывающее 510 человек, показало, что при одинаковых клинико-демографических и социальных показателях осознание лицами себя в качестве инвалидов снижает их жизненный тонус и готовность к участию в социальных и трудовых процессах.

Проводимые социально-воспитательные эксперименты, направленные, с одной стороны, на приучение валидных групп граждан к принятию лиц с инвалидностью в качестве равноценных коммутантов и партнеров в различных ситуациях, а с другой — к интенсификации социализации и сбалансированному развитию полноценной личности инвалида, в настоящее время не являются системными и не встроены в какое бы то ни было общенациональное лонгитюдное исследование, направленное на изучение процесса формирования общественно полезного инвалида.

Тем не менее имеющиеся результаты локальных проектов и экспериментов свидетельствуют о высоком потенциале подобных программ, ждущих своего часа. В частности, результаты ранневозрастной социализации инвалидов путем формирования интегральных групп воспитанников, в состав которых включаются как здоровые дети, так и дети с установленными ментальными и физическими отклонениями, содержатся в работе социального педагога ГКУ «СРЦН» Солнышко (г. Нижний Новгород) Ю.А. Кидяевой, которая указывает, что постоянное присутствие педагога-тьютора и применение разнообразных форм чередующейся активности обучаемых (игровая терапия, арт-терапия, психогимнастика, использование информационно-компьютерных технологий и другие) повышают психоэмоциональное состояние детей с инвалидностью и позволяют формировать прообраз действительно инклюзивного общества, в котором валидные и инвалидные члены в состоянии найти оптимальные точки взаимовыгодного и комфортного взаимодействия [7, с. 63].

На наш взгляд, при наличии рассчитанной на длительный временной интервал комплексной программы лонгитюдного исследования данный опыт можно распространить как по пространственно-географическому, так и временному признакам для изучения процесса нивелирования отрицательного отношения лиц с инвалидностью к перспективам своего взросления и поиска своего места во взрослой жизни.

Результатом постоянного включения лиц с инвалидностью во все окружающие их процессы наравне с лицами, не имеющими инвалидности, должно стать преодоление подавляющего стереотипного восприятия лиц с инвалидностью как обременительной группы потребителей компенсационных методов выравнивания ресурсно-материального обеспечения (социальное обслуживание, прямые денежные выплаты, лечение, программы реабилитации и абилитации — зачастую за счет валидной части общества) и их позитивная личностная и трудовая самоидентификация [5, с. 66].

С точки зрения макроэкономической и трудосоциальной моделей позитивная самоидентификация лиц с инвалидностью может стать основой для формирования правильного баланса приоритетов определения их личностной позиции в обществе и в системе трудовых отношений:

- превалирование стремления к самообслуживанию со снижением иждивенческого отношения к членам семьи и обществу в целом;
- повышение заинтересованности в обретении востребованной профессии и в успешной трудовой деятельности — с правильным пониманием интеллектуально-металлических и физиологических возможностей своего организма;

- формирование перехода от потребительского к продуктивно-созидательному и социально-ответственному логико-мыслительному отношению к окружающим.

Особую группу лиц с инвалидностью в обществе составляют те граждане, которые получают статус инвалида не в детском, а в более позднем возрасте. С одной стороны, граждане данной социальной группы уже имеют опыт полноценной здоровой жизни и сформированное позитивное отношение к векторам построения личной жизненной траектории, могут более взвешенно подходить к оценке происходящих перемен. Но, с другой стороны, снижение личностного потенциала вследствие того или иного заболевания или ситуационной травмы может радикально изменить отношение лица к жизни, и в этой ситуации крайне важными становятся внутренняя готовность лица признать себя резидентом инвалидной социальной группы и способность близких (семьи, друзей) оказать необходимую психологическую, моральную, а в некоторых случаях и материальную поддержку. Последний фактор становится тем более важным, что лица, вследствие непрогнозируемых событий ставшие инвалидами и погруженные в перманентное или временное депрессивное состояние, часто сами создают барьеры для получения помощи и поддержки со стороны близких.

В этом контексте для исследования социализации лиц взрослого возраста, обретших инвалидность, уместно использовать инструментарий нарративного анализа, в ходе которого возможно определить психосоциальный фон состояния лица и составить программу его социальной адаптации и профессиональной абилитации или реабилитации [6, с. 91].

Смена статуса «валидного гражданина» на статус «гражданина-инвалида» в любом возрасте и любой ситуации оказывает влияние не только на экономику жизненного пути гражданина и его близких, но и на параметры функционирования мезо- и макроэкономических систем.

Способность вовлечения человека в систему трудовых или предпринимательских отношений зависит от множества факторов, ведущими из которых являются желание лица самореализоваться в трудовой деятельности и наличие у него качеств, полезных для работодателя или ниши проектируемой предпринимательской активности. Указанные два фактора находятся в прямой зависимости друг от друга и формируют кумулирующую комбинацию, взаимно усиливая действие друг друга:

- по мере усиления желания индивида к участию в трудовой или предпринимательской деятельности он реализует усилия по обретению и отработке личных качеств, полезных в определенной им таргет-сфере;
- применение на практике своих трудовых или предпринимательских способностей обеспечивает индивиду множественный эффект, включающий в себя рост материального благосостояния, удовлетворение от осознания востребованности, получение новой информации в процессе работы и т.д., что в конечном итоге повышает его жизненный тонус и внутреннюю ориентированность на общественно-полезную самореализацию.

Процесс становления личности, обладающей полезными трудовыми или предпринимательскими способностями, продолжается в течение всей жизни, но наиболее интенсивно — на стадиях детства, юношества, зрелости. В социологии и других гуманитарных науках в зависимости от используемых критериев выделяют различные этапы жизненного цикла человека (этапы становления и развития его личности). С ориентированием на такие аспекты, как используемая общественная

Момент установления статуса инвалидности, характер которой оказывает радикальное влияние на формат трудовой или предпринимательской самореализации		ИЛИ					
		Период формирования общего представления о мире	Период формирования научного и околонаучного комплексного представления о мире	Период профессиональной подготовки	Период профессиональной подготовки	Период активной трудовой или предпринимательской деятельности	Период пост-трудового отдыха или сокращающейся трудовой или предпринимательской деятельности
Период незапоминания жизненных фактов	Раннее детство (1-3)	Дошкольный возраст (3-7)	Младший школьный возраст (7-[10-11])	Ранний подростковый возраст ([10-12]-14)	Поздний подростковый возраст (14-[17-19])	Юность (за исключением подросткового возраста) ([17-19]-[21-23])	
	Младенчество (0-1)	Детство (1-[10-12])	Подростковый возраст ([10-12]-[17-19])		Зрелость ([16-23]-[60-65])		

Рис. 1. Периодизация жизненного цикла среднестатистического инвалида с учетом критериальной множественности факторов формирования и реализации способностей общественно-полезной жизненной активности

модель применения образовательных технологий (например, для абстрагированной общероссийской практики), изменение внутрисемейного статуса, прогнозируемого периода трудовой или предпринимательской деятельности (оплачиваемой или финансово-материально компенсируемой общественно-полезной жизненной активности) и возможное обретение статуса инвалида, определим следующую последовательность стадий жизненного цикла индивида (рис. 1).

Исходя из схемы, представленной на рис. 1, процесс формирования общественно-полезной с точки зрения возможности вовлечения в самостоятельную жизнь и трудовую или предпринимательскую деятельность личности в большинстве случаев протекает в указанных ниже промежутках.

1. Для лиц, не имеющих отклонений здоровья от нормы, с 3 лет до:
  - для начинающих неквалифицированную трудовую деятельность — 15–16 лет;
  - для начинающих трудовую деятельность после прохождения предпрофессиональной подготовки — 16–18 лет;
  - для начинающих трудовую деятельность после прохождения профессиональной подготовки — 21–23 лет.
2. Для лиц, имеющих врожденную инвалидность, с учетом хода течения заболевания или тяжести инвалидности, не ранее чем с 3 лет до:
  - для начинающих неквалифицированную трудовую деятельность — не ранее чем до 15–16 лет;
  - для начинающих трудовую деятельность после прохождения предпрофессиональной подготовки — не ранее чем до 16–18 лет;
  - для начинающих трудовую деятельность после прохождения профессиональной подготовки — не ранее чем до 21–23 лет.
3. Для лиц, обретших статус инвалида на определенной стадии жизненного цикла:
  - для начинающих неквалифицированную трудовую деятельность — 15–16 лет; повторно — с момента осознания невозможности продолжения профессиональной деятельности и нежелания обретения новой профессии — до момента получения статуса инвалида;
  - для начинающих трудовую деятельность после прохождения профессиональной подготовки — 21–23 лет; повторно — с момента осознания невозможности продолжения профессиональной деятельности и обретения новой профессии, находясь в статусе инвалида.

Лица, в том числе имеющие инвалидность, относящиеся к возрастным группам до периода предпрофессиональной подготовки, являются слабо прогнозируемыми с точки зрения возможного общественно-полезного эффекта от их будущей трудовой или предпринимательской деятельности. Граждане, включая лиц с инвалидностью, проходящие профессиональную подготовку, уже ориентированы на осуществление трудовой или предпринимательской деятельности по окончании обучения по выбранному направлению. Поэтому наибольший прогнозируемый эффект от локализации усилий для генерации будущей трудовой деятельности граждан характерен для стадии предпрофессиональной подготовки. При этом важно осознавать, что на втором месте по эффективности социального сопровождения находится целевая возрастная группа с момента рождения до окончания раннего подросткового возраста, поскольку в течение всего этого периода жизни человека происходит формирование его личности, нравственных и моральных установок, кристаллизация его жизненных целей,

обретение физиологических и когнитивных способностей, которые впоследствии получают свое развитие на этапах предпрофессиональной и профессиональной подготовки.

Исходя из основных целей развития российского общества, определенных на период до 2030 г. (в составе которых помимо прочих указаны снижение уровня бедности; воспитание оптимистично ориентированных по жизни и социально ответственных граждан; рост ВВП за счет вовлечения максимального количества граждан, включая лиц с инвалидностью, в трудовую или предпринимательскую деятельность), можно сформулировать основную задачу целевой работы с лицами, находящимися в возрасте, соответствующем допредпрофессиональному развитию и предпрофессиональной подготовке: обеспечение оптимальных условий для формирования личности, нацеленной на профессиональную самореализацию, а также на обеспечение или максимизацию самостоятельности в социальных и бытовых вопросах.

Субъектов социального сопровождения человека на этапе его допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки можно классифицировать по силе воздействия на основных и второстепенных. К основным субъектам традиционно относятся: родители, другие члены семьи (при их отсутствии — опекуны или органы опеки), работники сферы образования (воспитатели, учителя, преподаватели), друзья и другие лица постоянного социального окружения человека. К второстепенным субъектам социального сопровождения человека можно отнести: создателей имиджево-информационного фона жизни человека (работники СМИ, телевидения, радиовещания, создатели и операторы интернет-порталов и социальных сетей т.д.) и представителей государственного и общественного сегментов общества (сотрудники органов государственной власти, общественных организаций и т.д.), каждый из которых является участником формирования личности каждого отдельно взятого индивида.

Комплекс мероприятий, реализуемый всеми участниками социального сопровождения и включающий в себя такие аспекты, как материально-техническое обеспечение процессов, уровень подготовки профессиональных субъектов социального сопровождения инвалидов, институциональная среда формирования личности человека с инвалидностью, реализуемые в обществе программы абилитации и реабилитации инвалидов и т.д., составляет механизм данного процесса, то есть механизм социального сопровождения допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки лиц с инвалидностью.

Совокупный экономический эффект от рационализации социального сопровождения лиц с инвалидностью в возрасте допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки, в общем виде представлен на рис. 2.

Для определения экономической целесообразности как исследований, направленных на изучение процесса формирования общественно-полезной личности инвалида, так и мероприятий, составляющих комплексную программу социального сопровождения лиц с инвалидностью в возрасте допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки, логично использовать математический подход, в рамках которого возможно определить абстрагированные, а в дальнейшем — и конкретизированные модели и формулы расчета экономической результативности профильных мероприятий.

Экономическая результативность в рамках лонгитюдного исследования должна учитывать все экономические эффекты механизма допредпрофес-

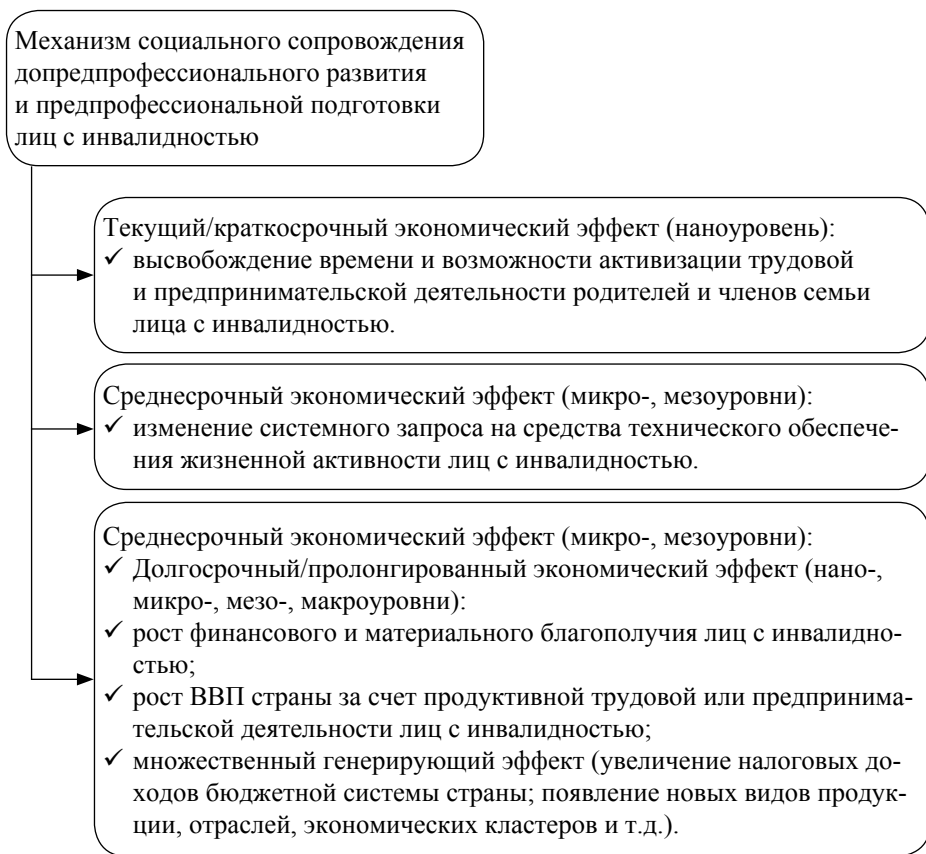

Рис. 2. Совокупный экономический эффект от рационализации механизма социального сопровождения лиц с инвалидностью на этапах допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки

сионального развития и предпрофессиональной подготовки лиц с инвалидностью.

Экономическая результативность механизма социального сопровождения допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки лиц с инвалидностью выражается следующей формулой:

$$\mathcal{ЭР}_{\text{МССДППРиПППЛСИ}} = \underbrace{\sum_{i=1}^n \mathcal{ЭВ}_i - \sum_{j=1}^m \mathcal{ЭЗ}_j}_{t} \quad (1)$$

где $\mathcal{ЭР}_{\text{МССДППРиПППЛСИ}}$ — экономическая результативность механизма социального сопровождения допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки лиц с инвалидностью;

$\mathcal{ЭВ}$ — экономический выигрыш (положительный экономический эффект), учитываемый по отношению к i -му фактору;

i — порядковый номер фактора, генерирующего экономический выигрыш;

n — общее количество учитываемых факторов, генерирующих экономические выигрыши;

$\mathcal{ЭЗ}$ — экономические затраты (отрицательный экономический эффект), учитываемый по отношению к j -му фактору;

j — порядковый номер фактора, связанного с формированием экономических затрат;

m — общее количество учитываемых факторов, связанных с формированием экономических затрат;

t — вариативный учет фактора времени формирования экономических выигрышей и экономических затрат (например, посредством дисконтирования).

Для расчета численных значений искомого оценочного показателя необходимо определиться со следующими моментами:

- охват целевой оцениваемой аудитории, а также объем проведенного нарративного и пролонгированного анализа эффективности и результативности действующего механизма социального сопровождения допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки лиц с инвалидностью;
- возможность доступа к информации, генерируемой и аккумулируемой различными ведомствами и службами, обеспечивающими социальное и технико-материальное сопровождение лиц с инвалидностью;
- определение учитываемых границ оцениваемого эффекта функционирования механизма допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки лиц с инвалидностью;
- критериальная оценка финансовых и технологических возможностей совершенствования действующей модели социального сопровождения допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки лиц с инвалидностью (по критериям экономической целесообразности, приоритетности задачи в спектре национальных общественно значимых проектов и программ, моральной ответственности перед социально значимой группой населения и т.д.);
- составление прогнозов поэтапного совершенствования механизма социального сопровождения допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки лиц с инвалидностью и отслеживание изменения параметров функционирования нано-, микро-, мезо- и макроэкономических систем, включенных в проект.

Результаты исследования. Проведенное исследование показало:

1. Современная отечественная нормативная база, определяющая возможности включения лиц с инвалидностью в состав активных участников трудовых отношений и сферы предпринимательства в Российской Федерации, является достаточной и соответствует современному пониманию реальной и потенциальной роли лиц с инвалидностью в инклюзивизирующемся национальном рынке труда.
2. В современном обществе лица с инвалидностью при прочих равных условиях могут быть в не меньшей степени, чем лица без инвалидности, ориентированы на активную социальную и трудовую самореализацию — при условии наличия позитивно влияющей на них системы внешнего окружения.
3. На основе применения метода синтеза возрастных и профессионально ориентированных этапов жизненного цикла среднестатистического человека в целом и лиц с инвалидностью в частности, определены возрастные границы наибольшей значимости социального сопровождения граждан с инвалидностью с целью их дальнейшего включения в систему трудовых отношений или предпринимательской деятельности.

4. Определен состав механизма социального сопровождения допредпрофессионального развития и предпрофессиональной подготовки лиц с инвалидностью, перечень разграниченных по горизонту временного прогнозирования экономических эффектов от его функционирования и предложен математический подход к оценке его экономической результативности.

Список литературы

1. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации. Федеральный закон от 24.11.1995 г. № 181 ФЗ (в ред. от 28.06.2021 г.) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/.
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 // Президент России: [сайт]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45726>.
3. Об утверждении методических рекомендаций по перечню рекомендуемых видов трудовой и профессиональной деятельности инвалидов с учетом нарушенных функций и ограничений их жизнедеятельности. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 04.08.2014 г. № 515 // Гарант.ру: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70609160/>.
4. О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы. Приказ Минтруда России от 27.08.2019 г. № 585н (в ред. от 06.10.2021 г.) // Информационно-правовая система Гарант: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/73021006/>.
5. *Гридасова Е.А.* Социальное конструирование концептуальной модели инвалидности. — Текст: электронный // The Scientific Heritage. — 2020. — № 54-4(54). — С. 64–66. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44256575>.
6. *Деточенко Л.С.* Специфика социализации инвалидов: опыт нарративной реконструкции. — Текст: электронный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2020. Т. 23. — № 2. — С. 87–103. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43856136>.
7. *Кидяева Ю.А.* Социальная интеграция детей с ограниченными возможностями здоровья. — Текст: электронный // Моя профессиональная карьера. — 2020. — Т. 2. — № 10. — С. 57–63. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42617592>.
8. *Морозова Е.В., Бонкало Т.И., Бонкало С.В., Шмелева С.В.* Особенности реабилитационной активности больных ведущих инвалидизирующих патологий. — Текст: электронный // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2020. — Т. 20. — № 52. — С. 1101–1107. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44237828>.
9. Абсолютная доступность: Игорь Галл-Савальский рассказал об интеграции инвалидов в общество. — Текст: электронный // Общественная палата РФ: [сайт]. — URL: <https://www.oprf.ru/news/absolyutnaya-dostupnost-igor-gallsavalskiy-rasskazal-ob-integratsii-invalidov-v-obshchestvo> (дата обращения: 26.04.2022 г.).

СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

THE ESSENCE AND BASIC CONCEPTS OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

ГУСОВ Аузби Захарович — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента ФГАОУ ВО РУДН «Российский Университет Дружбы Народов» (e-mail: gusov-az@rudn.ru)

ЭБЕРДЫЕВА Мая Мурадовна — ассистент кафедры менеджмента ФГАОУ ВО РУДН «Российский Университет Дружбы Народов» (e-mail: eeberdyeva-m@rudn.ru)

GUSOV Auzbi Zaharovich — Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Management, RUDN University (e-mail: gusov-az@rudn.ru)

EYEBERDIYEVA Maya Myradovna — Assistant Professor at the Department of Management, RUDN University (e-mail: eeberdyeva-m@rudn.ru)

Аннотация. За последние несколько лет прослеживается активная дискуссия темы, посвященная организациям, определяемым как социальные предприятия. Однако, несмотря на широкое использование данного термина, национальные законодательства, политические стратегии и планы, ученые и общественные организации по-прежнему трактуют социальные предприятия по-разному. Основная цель данной статьи — охарактеризовать социальное предпринимательство и определить его основные концепции. Результаты данного исследования могут быть использованы студентами в качестве дополнительного источника информации для освоения учебной дисциплины «Социальное предпринимательство».

Ключевые слова: социальное предпринимательство, международный опыт, социальные инновации, устойчивое развитие, социальный бизнес.

Abstract. Over the past few decades, there has been an active discussion of the topic devoted to organizations defined as social enterprises. However, despite the widespread use of this term, national legislation, political strategies and plans, scientists and public organizations still interpret social enterprises in different ways. The main purpose of this article is to characterize social entrepreneurship and define its basic concepts.

Keywords: social entrepreneurship, international experience, social innovation, sustainable development, social business.

Концепция социального предпринимательства появилась примерно тридцать лет назад. Однако за последние десятилетия научные исследования в этой области значительно возросли, о чем, в частности, свидетельствует проведение конференций, создание сообществ, центров, некоммерческих организаций или фондов, целью которых является содействие социальному предпринима-

тельству, таких как «Наше будущее», «Ашока», Фонд Сколла, Фонд социального предпринимательства в Канаде, Великобритании, Швейцарии и другие. С другой стороны, известные школы менеджмента международного уровня, от Оксфорда до Гарварда, Стэнфорда и Колумбии, создали исследовательские и учебные центры социального предпринимательства. Тем не менее, существует мнение, что практика социального предпринимательства как таковой не нова, поскольку социальные предприниматели всегда существовали в разных культурах и регионах мира [8].

Использование термина «социальный предприниматель» быстро растет, в области социального предпринимательства не хватает строгости, и оно находится в зачаточном состоянии по сравнению с более широкой сферой предпринимательства, о чем свидетельствует большое количество его определений.

Фундамент современного понимания социального предпринимательства заложили зарубежные авторы, такие как Г. Диз [17], Д. Борнштейн [15], Дж. Томпсон [23], М. Юнус [13] и др., определения которых приведены в табл. 1.

Таблица 1

Определения социального предпринимательства

Автор	Определение
Грегори Диз, 1998	«Социальный предприниматель сочетает в себе страсть к социальной миссии с имиджем деловой дисциплины, инноваций и целеустремленности, которые обычно ассоциируются, например, с пионерами высоких технологий в Силиконовой долине»
Дэвид Борнштейн, 1998	«Социальный предприниматель — это первопроходец с мощной новой идеей, который сочетает в себе дальновидность и креативность в решении реальных проблем, обладает сильной этической основой и полностью одержим своим видением перемен»
Дж. Томпсон, 2000	«Социальные предприниматели — это люди, которые понимают, где есть возможность удовлетворить некоторые неудовлетворенные потребности, которые государственная система социального обеспечения не может или не хочет удовлетворить и которые собирают необходимые ресурсы (как правило, людей, часто добровольцев, деньги и помещения) и используют их, чтобы “изменить ситуацию”»
Social Enterprise UK (SEUK), 2002	«Социальные предприятия — это предприятия, которые работают в социальных или экологических целях... Социальные предприятия демонстрируют лучший способ ведения бизнеса, который ставит во главу угла благо людей и планеты и использует большую часть прибыли для выполнения своей миссии. Социальные предприятия способствуют сокращению экономического неравенства, повышению социальной справедливости и экологической устойчивости»
Фонд Сколла, 2003	«Социальные предприниматели или социальные новаторы — организации, решающие взаимосвязанные проблемы и предлагающие решения со всех сторон — от разрушения несправедливой динамики и систем власти, изменения взглядов и поведения и мобилизации движений до улучшения услуг, политики и практики. Социальное предпринимательство — это практика сочетания возможностей, инноваций и изобретательности для решения важнейших социальных и экологических проблем»

Автор	Определение
Фонд «Наше будущее», 2008	«Социальное предпринимательство — это предпринимательская деятельность, нацеленная на смягчение или решение социальных проблем», характеризующаяся основными признаками, как:
	<ul style="list-style-type: none"> • социальное воздействие; • инновации;
	<ul style="list-style-type: none"> • самокупаемость и финансовая устойчивость; • масштабируемость и тиражируемость; • предпринимательский подход»
Мухаммад Юнус, 2009	«Социальный бизнес: организация, не приносящая убытков, не приносящая дивидендов, принадлежащая инвесторам, где 100% ее ресурсов направлены на социальное благо. Весь излишек (прибыль) реинвестируется в бизнес, например, 100% идет на социальную прибыль»
Фонд «Ашока», 2012	«Социальные предприниматели — это люди, предлагающие инновационные решения наиболее насущных социальных, культурных и экологических проблем общества... Они создают ценность, будь то через организацию социального сектора или бизнес, который поддерживает и распространяет их решения»

Вопросам определения сущности, концепции, проблем типологии социального предпринимательства посвящены десятки работ и российских авторов, которые остаются актуальными и по сей день.

Первые попытки раскрытия понятия и специфики социального предпринимательства были предприняты А.М. Баталиной, А. Московской, Л. Тарадиной [5], Ю.Н. Арай, Ю.Е. Благовым [6], А.Н. Макаревичем [11] и В.В. Жохова [9]. А в последние годы изучению этого феномена посвятили свои работы Д.Н. Дорофеев, М.Б. Моисеева, М.С. Матвеев [8], М.Ю. Джамалудинова, Р.А. Расулова [3], Н.М. Федоринин [7] и др. Важно отметить, что российские исследования в основном представлены, как изложение теории и практического опыта зарубежных стран, а также рассмотрение возможности его применения в России. Это связано с тем, что в России социальное предпринимательство находится в зачаточном состоянии и отсутствуют какие-либо данные о результатах деятельности социальных предприятий.

Интерес к социальному предпринимательству обусловлен, в частности, его новаторским характером в решении все более сложных социальных проблем, таких как безработица, неравенство в доступе к медицинскому обслуживанию, бедность и т.д. Также его рассматривают как инновационный метод всеобщего благосостояния, пришедшего на смену традиционных государственных подходов. Так, например, британским правительством была признана полезность социального предпринимательства как инструмента государственной помощи, где в последствии было создано Агентство по кредитованию социальных предприятий.

Активное развитие социального предпринимательства, родившегося из кооперативного движения, зародившегося в Европе XIX века, приходится на 1980-е и 1990-е годы с появлением школ мысли и практики социальных инноваций. Однако его принципы веками руководили действиями филантропов. В начале 90-х годов странами ЕС и соседними странами началось активное признание на политическом уровне критериев, определяющих социальные предприятия (рис. 1).

Рис. 1. Политическое признание социальных предприятий странами ЕС и соседними странами

Источник: составлено авторами по материалам European Union. Social enterprises and their ecosystems in Europe — Comparative synthesis report — 2020. — P. 192.

Италия насчитывает обширное наследие организаций, работающих в социальной экономике, и в 1991 году с введением закона о социальных кооперативах 38/1991 была первой страной, которая выявила феномен социального предпринимательства на уровне европейских законодательных органов. Социальные кооперативы до сих пор представляли собой наиболее распространенную модель социального предприятия в Италии; эта уставная и организационная форма, объединяющая два аспекта, экономический и социальный, характеризуется как модель инновационного предпринимательства, признанная не только в отношении программирования и управления службами социального обеспечения, но и в отношении процессов местного экономического развития и политики занятости для трудоустройства наиболее уязвимых лиц [10]. Основная инновационная особенность модели социального кооператива заключается в акте создания предприятия, который характеризуется как результат инициатив групп, разделяющих социальную потребность и принадлежность к территории [21].

Рассматривая историю развития социальных предприятий Дании, можно заметить важный шаг в продвижении — принятие закона о зарегистрированных социально-экономических предприятиях (711/2014). Согласно закону, для получения статуса социально-экономического предприятия, компания должна отвечать 5 критериям:

1. иметь основную цель общественно полезного характера — социальная, культурная, здравоохранительная или экологическая;
2. продавать товары, либо услуги, на долю которых приходится значительная часть дохода;
3. быть независимой от государственного сектора, т.е. государственный сектор не должен оказывать существенного влияния на управление или деятельность компании;
4. быть инклюзивной и ответственной;
5. использовать свою прибыль в общественных целях или реинвестировать деньги, но, при необходимости, выплачивать ограниченную часть своей прибыли в виде дивидендов [1].

После введения закона к июлю 2021 г. в Дании было зарегистрировано 798 социальных предприятий [24].

В декабре 2016 года Люксембург принял закон, регулирующий создание социальных предприятий с новым правовым статусом: Компании социального воздействия. Закон определяет социальную и солидарную экономику (ССЭ) как «способ ведения бизнеса», осуществляемый частными юридическими лицами, которые в совокупности отвечают следующим четырем условиям:

- 1) распространение или обмен товаров, или услуг;
- 2) поддержка уязвимых групп или содействие достижению социальных и общественных целей посредством своей деятельности;
- 3) автономное управление;
- 4) реинвестирование не менее половины прибыли в деятельность общества [25].

В 1970-х и 1980-х годах во Франции зародилась экономика солидарности, в частности, за счет развития интеграции посредством экономической деятельности. Цель состояла в том, чтобы бороться с последствиями безработицы и социальной изоляции. В 2001 году возникла новая динамика предпринимательства для удовлетворения социальных потребностей, которые не удовлетворялись или удовлетворялись в недостаточной степени государственными службами.

Во Франции социальное предпринимательство получило законодательную базу с законом от 31 июля 2014 г. о социальной и солидарной экономике. Этот закон определяет критерии, которым необходимо соответствовать, чтобы быть признанным предприятием:

- стремление к общественной полезности;
- демократическое управление;
- ограниченная прибыльность или рентабельность поставлена на службу социальной цели [2].

Социальные предприятия и организации социальной экономики являются важными движущими силами создания рабочих мест и составляют примерно 6,3% всех рабочих мест в Европейском союзе. На их долю приходится годовой экономической оборот в размере 2,3 млрд евро в Венгрии, 37,3 млрд евро в Италии, 3,5 млрд евро в Нидерландах и 3,3 млрд евро в Португалии [20].

В Испании происхождение социального предпринимательства коррелирует с развитием так называемой социальной экономики, получившее свое первое юридическое признание в 1990 году в законе «Об общем государственном бюджете». Позднее, в 2011 году, был принят Закон 5/2011 «О социальной экономике (LES)», создавая общую правовую основу для всех образований, которые его составляют, но соблюдая конкретные правила, применимые к каждому из них. Конечная цель закона состоит в том, чтобы определить меры по поощрению, пропаганде и популяризации этих мер с учетом их собственных ценностей и принципов, а именно: «главенство социальной цели над капиталом; автономное, прозрачное, демократическое и основанное на широком участии управление; результаты, полученные от экономической деятельности в зависимости от работы и услуг или деятельности, выполняемой ее членами; содействие солидарности в целях поощрения приверженности развитию на местном уровне, обеспечению равных возможностей для мужчин и женщин, социальной сплоченности, интеграции лиц, подверженных риску социальной изоляции, созданию стабильной и качественной занятости, сочетанию личной, семейной

и трудовой жизни и устойчивости; и, наконец, явная независимость от государственной власти»¹.

Испанская Конфедерация предприятий социальной экономики является высшим представительным Институтом социальной экономики в Испании. Она была учреждена в 1992 году и в настоящее время объединяет различные организации: кооперативы, специальные центры занятости и т.д. (образования так называемой социальной экономики). Организация может считаться социальным предприятием только в том случае, если она принимает какую-либо из этих правовых форм. В соответствии с законом кооперативы, трудовые общества, ассоциации взаимопомощи, специальные центры занятости, предприятия по трудоустройству, рыбацкие братства, ассоциации и фонды являются субъектами, которые могут входить в эту группу. В их обязанности входит поощрение социальной и внутренней солидарности и создание независимых институтов государственной власти [16].

Последнее десятилетие в Колумбии прослеживается тенденция принятия законов в пользу общества и молодежи, но социальное предпринимательство не обсуждалось в стране с точки зрения нормативно-правовой базы. В основном инициатива признания социальных предпринимателей исходила от некоммерческой организации RECON в лице его директора Андреса Санта-Марии, которая поддерживает социальные инициативы, направленные на развитие и преобразование ситуаций в наиболее уязвимых сообществах страны [19].

В этом году сенатором Айди Лизарасо Кубильос был предложен законопроект, признающий и продвигающий социальное предпринимательство в стране, который был одобрен конгрессом 1 июня 2022 г. По словам сенатора закон направит «государственную политику в сторону развития экономики и социального предпринимательства» [18].

Растущая сфера социального предпринимательства и рост инвестиций в воздействие вышли далеко за рамки коммерческих и некоммерческих юридических структур. Представитель социального предпринимательства, преследуя свою социальную цель, не должен забывать о финансовой стабильности, позволяющая выплачивать прибыль импакт-инвесторам, самостоятельность расширяться и не зависеть от пожертвований и грантов.

Во многих странах правительства начали поддерживать социальное предпринимательство путем создания гибридных правовых форм, чтобы стимулировать формирование новых предпринимательских и социальных инициатив путем предоставления средств для этих инициатив. В некоторых странах предусмотрена специальная правовая форма для поощрения и поддержки социальных предприятий.

Традиционные структуры коммерческих и некоммерческих организаций не всегда соответствуют интересам социальных предпринимателей, что послужило созданию для них специальных статусов и организационно-правовых форм. Такие меры предоставили компаниям получать более широкий спектр вариантов финансирования, преследуя при этом цели, которые включают как прибыль, так и другие цели.

Начиная с 2008 года законодательные собрания штатов США ввели в действие закон, определяющий социальные предприятия как предприятия, цель которых заключается в создании положительных социальных и экологических по-

¹ Ley 5/2011, de 29 de marzo, de Economía Social https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/15-2011.html.

следствий в дополнение к финансовой отдаче. Социальные предприятия могут иметь следующие организационно-правовые формы: благотворительная корпорация (Benefit Corps), корпорация социальных целей (social purpose corporation (SPC)), малоприбыльная компания с ограниченной ответственностью (low-profit limited liability company (L3C)), благотворительную компанию с ограниченной ответственностью (BLLC) и установленное законом общественно-полезное товарищество с ограниченной ответственностью (statutory public benefit limited partnership (SPBLP)) [14].

Таким образом, согласно предложенным правительством США формам, социальный предприниматель может выбрать подходящую для его целей правовую форму (рис. 2).

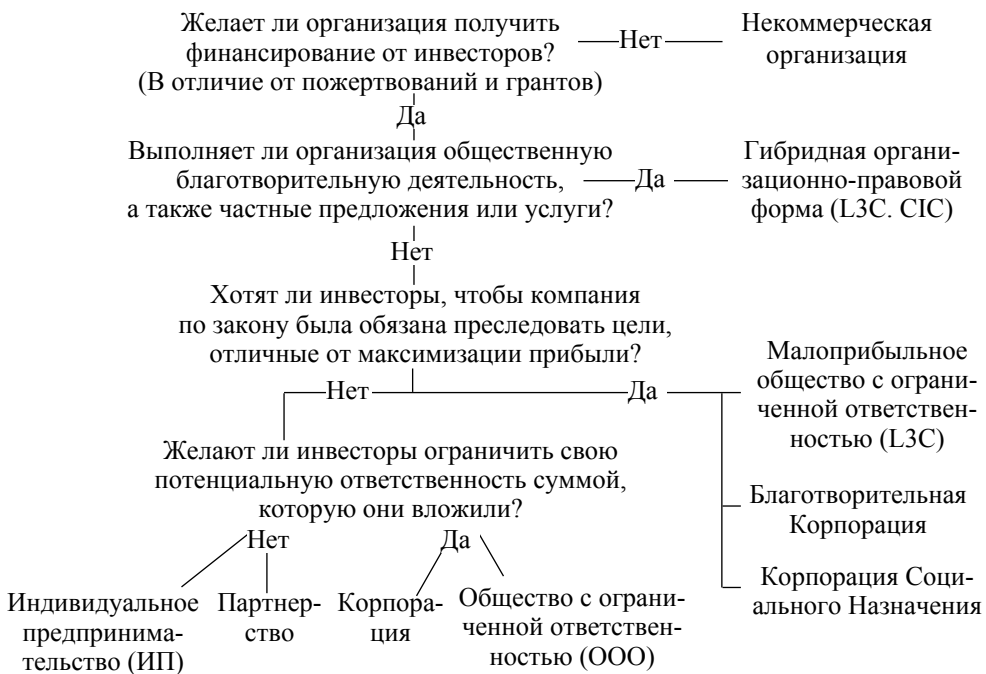

Рис. 2. Принцип выбора организационно-правовой формы для социального предприятия в США

Источник: составлено авторами по материалам официального сайта Social Enterprise Law Tracker [14]

Рассмотрев мировой опыт определения социального предпринимательства, следует рассмотреть и российский.

26 июля 2019 г. была принята поправка в Федеральный закон №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», касающаяся понятий «социальный предприниматель» и «социальное предпринимательство» [14]. Этот шаг можно назвать прорывом в развитии социального предпринимательства в России.

Закон, в первую очередь, определил понятие социальное предпринимательство, как деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества и ведущаяся в соответствии с определенными условиями. Также в законе четко указано, что социальное предпринимательство относится к субъектам малого и среднего предпринимательства, осуществляющее четыре вида деятельности по отноше-

Обеспечение занятости социально уязвимых граждан	<ul style="list-style-type: none"> • Численность — не менее 50% • Расходы на оплату труда — не менее 50%
Реализация товаров (работ, услуг), производимых социально уязвимыми гражданами Реализация товаров (работ, услуг), производимых социально уязвимыми гражданами	<ul style="list-style-type: none"> • Доход от деятельности — не менее 50% • Реинвестирование 50% чистой прибыли на осуществление деятельности в текущем году
Производство товаров (работ, услуг), предназначенные для социально уязвимых граждан	<ul style="list-style-type: none"> • Доход от деятельности — не менее 50% • Реинвестирование 50% чистой прибыли на осуществление деятельности в текущем году
Достижение общественно полезных целей и решение социальных проблем общества	<ul style="list-style-type: none"> • Доход от деятельности предыдущего года — не менее 50% • Реинвестирование 50% чистой прибыли на осуществление деятельности в текущем году

Рис. 3. Критерии социального предприятия в РФ

Источник: составлено авторами по материалам Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [3]

нию к социальной группе. Для получения статуса «социального предприятия», организации оценивается по установленным законом критериям (рис. 3).

Теоретические разработки концепции социального предпринимательства начали развиваться по обе стороны Атлантики, что привело к разнообразию подходов, которые, предлагая существенные совпадения, также представляют заметное концептуальное разнообразие, затрудняющее разграничение социального предприятия, разделяемого разными странами.

После рассматривания сущности социального предпринимательства в различных странах, можно сделать вывод, что между ними существует схожесть в приоритете социальной миссии. Это значит, что социальные предприниматели разрабатывают свои стратегии получения дохода, чтобы напрямую выполнять свою миссию по созданию социальной ценности.

Стоит более подробно рассмотреть отличительные особенности социального предпринимательства, полученные среди множества видов интерпретаций (рис. 4).

Стремление к социальной миссии путем решения социальной потребности или проблемы обычно является допустимым критерием для различения социального предпринимателя и (классического) коммерческого предпринимателя. Цель социального предприятия заключается в удовлетворении социальных, общественных или коллективных потребностей (например, кооперативных или взаимных), которые не могут быть удовлетворены ни частным, ни государственным сектором. Она также может быть направлена на оживление экономики неблагополучных территорий. Лица, непосредственно заинтересованные в этих возникающих потребностях, возникающих в результате преобразований

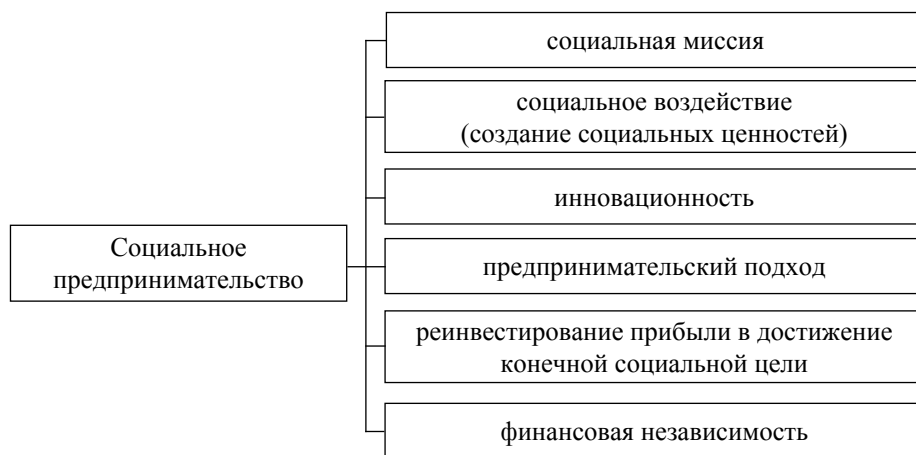

Рис. 4. Отличительные черты социального предпринимательства

в обществе (старение населения, нехватка государственных услуг и т.д.), могут быть инициаторами создания социального предприятия.

Инновации определяются как внедрение продукта (товара или услуги), нового или значительно улучшенного процесса (для фирмы), нового метода маркетинга или нового организационного метода в практику компании, организацию места проведения работы или внешних связей. Инновации приобретают разную интенсивность, они могут варьироваться от постепенных инноваций (улучшение существующего) до радикальных инноваций (глубокая трансформация). Они также могут принимать различные формы, такие как инновации в продуктах, услугах, использовании, маркетинге/бизнесе, технологиях, бизнес-модели и т.д. Несмотря на разнообразие социальных предпринимателей и разнообразие подходов, их общим знаменателем является использование социальных инноваций для реализации своей миссии. Социальные инновации можно понимать как «вмешательство, инициированное социальными субъектами, для удовлетворения чаяний, удовлетворения потребностей, предоставления решения или использования возможности для действий с целью изменения социальных отношений, преобразование рамок действий или предложение новых культурных ориентаций» [15]. Роль социальных инноваций как вызывающих социальные изменения была сильно подчеркнута в литературе. Подход к социальным инновациям — это нетрадиционный, разрушительный подход к социальному предпринимательству, который отличает его от традиционного предоставления социальных услуг. Многие авторы определили это как ключевой аспект социального предпринимательства. Социальные предприниматели считаются новаторами в социальной сфере, которые способствуют значительным социальным изменениям [23] и устойчивым социальным преобразованиям. Имея это в виду, социальных предпринимателей также называют «агентами перемен» [17].

Рыночно-ориентированный подход состоит в том, чтобы сбалансировать моральные императивы и мотивы получения прибыли. Ориентация на рынок может проявляться по-разному и принимать разные формы в зависимости от контекста. Рыночная ориентация может быть выражена в терминах коммерческой деятельности, которая приносит доход от работы для обеспечения устойчивости деятельности социального предприятия и самодостаточности организации.

С другой стороны, ориентация на рынок может включать использование коммерческой деятельности, непосредственно связанной с социальной миссией, для обеспечения наиболее эффективного и действенного распределения социальных услуг и продуктов. Именно этот аспект рыночной ориентации социального предпринимательства оценивается положительно и придает социальному предпринимательству образ компании.

Список литературы

1. Закон № 711 от 25 июня 2014 г. «О зарегистрированных социальных предприятиях». — URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2014/711> (дата обращения: 12.07.2022).
2. Закон № 2014–856 от 31 июля 2014 г. «О социальной и солидарной экономике». — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 11.07.2022).
3. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие».
5. *Баталина М., Московская А., Тарадина Л.* Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России: Препринт WP1/2008/02. — М.: ГУ ВШЭ, 2008. — 84 с.
6. *Благов Ю.Е., Арай Ю.Н.* Социальное предпринимательство: проблемы типологии (предисловие к разделу) // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. Менеджмент. — 2010. — Вып. 3. — С. 109–114.
7. *Джамалудинова М.Ю., Расулова Р.А.* Роль государства в развитии социального предпринимательства: Европейский и американский опыт // РППЭ. 2018. — №11 (97). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstva-v-razviti-i-sotsialnogo-predprinimatelstva-evropeyskiy-i-amerikanskiy-opyt> (дата обращения: 03.08.2022).
8. *Дорофеев Д.Н., Моисеева М.Б., Матвеев М.С.* Теоретическое обоснование понятия «социальное предпринимательство» // Достижения науки и образования. — 2018. — №1 (23). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-obosnovanie-ponyatiya-sotsialnoe-predprinimatelstvo> (дата обращения: 10.07.2022).
9. *Жохова В.В.* Социальное предпринимательство: сущность и понятие // Вестник ТГЭУ. — 2015. — №1 (73). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-predprinimatelstvo-suschnost-i-ponyatie> (дата обращения: 03.08.2022).
10. *Карнини-Пулино С., Майолини Р., Вентури П.* Опыт Италии по реформированию политики в сфере социального предпринимательства // Форсайт. — 2019. — №3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-italii-po-reformirovaniyu-politiki-v-sfere-sotsialnogo-predprinimatelstva> (дата обращения: 01.08.2022).
11. *Макаревич А.Н.* Сущность и специфика социального предпринимательства в России / А.Н. Макаревич, Т.Ю. Сазонова // Российское предпринимательство. — 2012. — № 24 (222). — С. 52–56.
12. *Федоринин Н.М.* Истоки социального предпринимательства и современные концепции // Социально-гуманитарные знания. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-sotsialnogo-predprinimatelstva-i-sovremennye-kontseptsii> (дата обращения: 03.08.2022).

13. Юнус М. Создавая мир без бедности: социальный бизнес и будущее капитализма / М. Юнус, А. Жоли. — М.: Альпина Паблишер, 2009. — 307 с.
14. Официальный сайт Social Enterprise Law Tracker. — URL: <https://socent-lawtracker.org/#/map> (дата обращения: 10.07.2022).
15. Bouchard M.J., Fontan J.M., Lachance É., Fraisse L., Gardin L., & Laville J.L. (2003), L'évaluation de l'économie sociale, quelques enjeux de conceptualisation et de méthodologie, Cahiers du CRISES.
16. CEPES. Historia de CEPES // Confederación Empresarial Española de la Economía Social. URL: <https://www.cepes.es/historia> (дата обращения: 12.07.2022).
17. Dees G. (1998a), Enterprising non-profits, Harvard Business Review, 76 (1), 54–6.
18. EL ESPECTADOR. Aprueban ley de emprendimiento social en el Congreso // EL ESPECTADOR. 2022. URL: <https://www.elespectador.com/economia/emprendimiento-y-liderazgo/aprueban-ley-de-emprendimiento-social-en-el-congreso/> (дата обращения: 11.07.2022).
19. EL TIEMPO. Director de RECON recibirá premio del Women Economic Forum // ELTIEMPO. 2019. — URL: <https://www.eltiempo.com/economia/sectores/andres-santamaria-director-recon-recibira-premio-del-women-economic-forum-390800> (дата обращения: 11.07.2022).
20. European Commission. Social enterprises and their ecosystems in Europe. Comparative synthesis report // Publications Office of the European Union. 2020. — P. 192. — URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&%20pubId=8274> (дата обращения: 11.07.2022).
21. Gonzales Vanna. «Italian social cooperatives and the development of civic capacity: a case of cooperative renewal?» Affinities: A Journal of Radical Theory, Culture, and Action (2010).
22. Ley 5/2011, de 29 de marzo, de Economía Social. — URL: https://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/15-2011.html (дата обращения: 12.07.2022).
23. Mair J., et Marti I. (2006), Social entrepreneurship research: A source of explanation, prediction and delight, Journal of World Business, 41, 36–44.
24. OECD. Designing Legal Frameworks for Social Enterprises: Practical Guidance for Policy Makers. DOI: <https://doi.org/10.1787/19901097>
25. ULESS. Rapport d'activités 2017. — URL: <https://www.uless.lu/fr/publications/rapport-d-activites-2017> (дата обращения: 12.07.2022).

РАЗВИТИЕ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В РЕГИОНАХ РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ

DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS IN THE REGIONS OF RUSSIA:
EVALUATION METHODOLOGY

МУТАЛИМОВ Верди Абдулселимович — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и инноваций МГГЭУ (e-mail: mverdi@yandex.ru)

ЗЕНАТИ Яссер — аспирант кафедры экономики и инноваций МГГЭУ

MUTALIMOV Verdi Abdulselimovich — Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics and Innovation, MSUHE (e-mail: mverdi@yandex.ru)

ZENATI Yasser — Post-graduate Student of the Department of Economics and Innovation of MSUHE

Аннотация. Целью данного исследования является оценка развития малого предпринимательства в субъектах Северо-кавказского федерального округа с учетом экономической, социальной и экологической компонент. Методология исследования основана на моделировании развития малого предпринимательства путем формирования системы дифференциальных уравнений. При этом процесс развития определено как изменение соответствующих показателей во времени с учетом динамики показателей экономической, социальной и экологической компонент. На основе анализа взаимосвязи между ключевыми показателями развития малого предпринимательства, выделены субъекты-лидеры и аутсайдеры в данной сфере. По результатам моделирования установлено, что рентабельность предприятий выйдет на предельный уровень через 4 года. Одной из основных задач станет поиск путей увеличения максимальной рентабельности предприятий региона. Выбросы от стационарных источников загрязнения в расчете на одно предприятие в ближайшие 20 лет не достигнут своего максимума. Для малого бизнеса в субъектах Северо-кавказского федерального округа одним из вызовов является значительное отставание от уровня его развития по стране в целом. Результаты исследования могут представлять интерес для представителей в сфере экономики и органов государственного управления для определения направлений политики, внедрения соответствующих механизмов и параметров в целях обеспечения эффективного развития предпринимательства как на региональном, так и на глобальном уровне.

Ключевые слова: предприятие, прибыль, зарплата, выбросы, эффективность, модель.

Abstract. The purpose of this study is to assess the development of small business in the subjects of the North Caucasus Federal District, taking into account the economic, social and environmental components. The research methodology is based on modeling the development of small business by forming a system of differential equations. At the same time, the development process is defined as a change in the corresponding indicators over time, taking into account the dynamics of the indica-

tors of the economic, social and environmental components. Based on the analysis of the relationship between the key indicators of small business development, the subjects-leaders and outsiders in this area are identified. According to the simulation results, it is established that the profitability of enterprises will reach the maximum level in 4 years. One of the main tasks will be to find ways to increase the maximum profitability of enterprises in the region. Emissions from stationary sources of pollution per enterprise will not reach their maximum in the next 20 years. For small businesses in the subjects of the North Caucasus Federal District, one of the challenges is a significant lag from the level of its development in the country as a whole. The results of the study may be of interest to representatives in the field of economics and public administration to determine policy directions, implement appropriate mechanisms and parameters in order to ensure the effective development of entrepreneurship both at the regional and global levels.

Keywords: enterprise, profit, salary, emissions, efficiency, model.

Основой перспективного развития и экономического роста каждого государства является обеспечение благоприятной бизнес-среды для субъектов предпринимательской деятельности. Современные условия экономического развития создают возможности широкой мобилизации и привлечения финансовых, трудовых, информационных, материальных и других ресурсов для предприятий. Ключевым направлением развития предпринимательской деятельности можно считать малый бизнес, поскольку основными его преимуществами являются гибкость и возможность приспосабливаться к рыночным изменениям, учитывая факторы внешней среды. Он дает возможность более близкого расположения к рынкам сбыта, более тесного взаимодействия между поставщиками и потребителями, а также реализации интеллектуального и научного потенциала всех сотрудников. Развитие малого и среднего бизнеса является важным фактором увеличения ВВП страны и пополнения госбюджета, инструментом повышения занятости населения путем создания новых рабочих мест, источником обеспечения населения товарами и услугами, полученными в результате деятельности и формировании конкурентоспособности страны в целом на глобальном уровне [4, с. 87].

На сегодняшний день предприятия малого и среднего бизнеса принадлежат к наиболее быстро развивающемуся сектору в условиях рыночных отношений. Стремительно повышающийся в мире технический уровень оснащенности малого бизнеса оказывает непосредственное воздействие на уровень его развития, поэтому он довольно часто является конкурентом для предприятий крупных промышленных комплексов.

Ведущие страны мира обеспечивают сектора малого и среднего бизнеса государственной поддержкой, тем самым стимулируют инновационное развитие, обеспечивают конкурентоспособность товаров и услуг и способствуют достижению высокого социального стандарта жизни своего населения.

Глобальная бизнес-среда зачастую является высококонкурентной, и поэтому компании должны быть проактивными, а также иметь возможность конкурировать на внешних рынках. Таким образом, предпринимательская ориентация является стратегическим средством повышения эффективности работы малого и среднего бизнеса. Малый бизнес как фактор роста национальной конкурентоспособности является характерным признаком современной экономики на глобальной арене. Поэтому данное исследование направлено на определение ус-

ловий успешного функционирования малого предпринимательства, как основы развития бизнес-среды.

Создавать, формировать и развивать новые формы бизнеса, в частности, малый бизнес, является экономически привлекательным. Возникновение большего количества малых предприятий способствует формированию дополнительных рабочих мест. Управление малым бизнесом в условиях нестабильной внешней среды функционирования происходит более легко, чем в крупной компании, и это позволяет обеспечить поступление реальных финансовых средств в форме налогов и отчислений.

Развитие малого бизнеса является, прежде всего, задачей института, представляющего занятость населения. В то же время малые предприятия способствуют созданию более комфортных и удобных условий для жизни в стране. В условиях кризиса у малого и среднего бизнеса появляются особые перспективы. В силу своей мобильности и гибкости малые и средние предприятия могут успешно преодолеть неблагоприятные условия для занятости, социально адаптировать освобождающихся работников крупных компаний, образовать новые сегменты рынка и обеспечить новые возможности для экономического роста. Вместе с тем принимаемых действий недостаточно, и для поддержки малого и среднего бизнеса необходимо создание нового механизма.

Все аспекты предпринимательской ориентации, такие как деловые возможности, инклюзивные инновации, динамичные операции, деятельность по созданию добавленной стоимости, принятие рискованных решений и инновационные решения оказывают значительное влияние на результаты деятельности малых и средних предприятий. Сила поведенческого развития руководителей малого бизнеса зависит от большей ориентации на рынок и обеспечения ресурсов, улучшения планирования и организации их компаний, а также повышения осведомленности о необходимости инноваций. В то же время все микрофинансовые продукты положительно отражаются на росте сферы малого бизнеса, а наибольший эффект приносят механизмы микрокредитования.

Учитывая развитие процессов цифровизации, доступность информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) помогает бизнес-организациям эффективно производить и продавать свои продукты и услуги на мировом рынке. Вместе с тем, для многих малых компаний такие технологии, особенно онлайн-магазины, интернет-сайты, маркетинговые инновации не применяются для поддержки их предпринимательской деятельности.

В более полной мере характерные для малого бизнеса функции нашли свое отражение в их роли и месте в национальной экономике. Во-первых, малое предпринимательство образует конкурентное окружение. Малые предприятия вносят свой вклад в установление конкурентных взаимоотношений, так как они носят в своей сущности антимонопольный характер, выражающийся в различном аспекте их функционирования. Во-вторых, малый бизнес, благодаря оперативному реагированию непосредственно на происходящие изменения рыночной ситуации, обеспечивает необходимую гибкость рыночной экономики. В-третьих, малое предпринимательство вносит большой вклад в осуществление прорывов в различных значимых направлениях НТП, в частности, в сфере электроники, кибернетики, вычислительной техники. Посредством ускорения реализации современных технико-экономических идей, выпуска высокотехнологичных продуктов, развитие малого бизнеса, следовательно, выполняет роль ориентира для стандартов современного предприятия. В-четвертых, малое предприни-

мательство оказывает существенную помощь в вопросах занятости населения. Об этом свидетельствует способность малого бизнеса создавать новые рабочие места. В-пятых, важную функцию малого бизнеса составляет сглаживание социальной напряженности и выстраивание демократических рыночных отношений. Следовательно, существенная функция малого предпринимательства состоит в том, чтобы содействовать социально-политической устойчивости развития общества, открывая широкие возможности свободного выбора вариантов и методов деятельности в интересах как общества, так и обеспечения собственного благосостояния [1, с. 145].

В зависимости от региона и его развития один и тот же фактор предпринимательства может по-разному влиять на малый бизнес. При этом невозможно корректно составить общий перечень факторов предпринимательства для регионов России. Необходимо отслеживать мнения предпринимателей и проводить статистический анализ факторов для каждой группы регионов, которые схожи в своем развитии.

В течение последних лет в России предприняты значимые меры по формированию благоприятных условий для развития предпринимательства, выступающего в качестве движущей силы для стратегического развития страны. Благодаря этому были активизированы и увеличены как количественные, так и качественные характеристики предпринимательской деятельности. Тем не менее, используемые производственно-экономические рычаги для функционирования таких структур не всегда позволяют учитывать специфику осуществления предпринимательской деятельности в регионах, так как они играют важную роль в развитии предпринимательства на внутрироссийском уровне.

Стабильность социально-экономической ситуации в Северо-Кавказском федеральном округе в значительной степени обуславливает распространение предпринимательских структур, но при этом ограничивает их возможности по формированию и реализации предпринимательского потенциала [3, с. 10]. В таких обстоятельствах предпринимательская деятельность представляет не более чем средство обеспечения выживания или является источником получения дополнительной прибыли и препятствует полноценному осуществлению основных бизнес-функций в регионах и реализации поставленных стратегических установок экономического, экологического и социального характера. Многоаспектность выявленных вопросов предопределяет объективную целесообразность в обосновании качественно новых направлений исследования предпосылок, диагностики степени развития и особенностей осуществления предпринимательской деятельности в Северо-Кавказском федеральном округе.

Назрела необходимость более углубленного концептуального изучения положений о формировании структурно-организационных и экономических оснований развития малого предпринимательства по регионам округа в части моделирования последствий влияния ключевых социально-экономических детерминант, усовершенствования механизма инфраструктурного обеспечения деятельности субъектов хозяйствования, формирования соответствующих предложений по приоритетному организационному преобразованию взаимодействия субъектов хозяйствования. Данное исследование ориентировано на заполнение данного пробела в науке посредством формирования методического подхода к оцениванию эффективности развития малого бизнеса в регионах России. Совокупность нерешенных и недостаточно изученных проблем обусловила выбор цели данного исследования, которая заключается в оценке развития малого биз-

неса в регионах Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации с учетом экономической, социальной и экологической компонент.

Развитие малого предпринимательства в России должно соответствовать принципам устойчивого развития и рассматриваться с учетом его экономической, социальной и экологической компонент. При этом, разница между развитием каждого отдельного компонента будет заключаться в разной скорости и ускорении изменений соответственных характерных для них количественных показателей. В научных источниках процесс развития экономических объектов обычно описывается дифференциальными уравнениями вида [2, с. 15]:

$$F(\bar{y}', t) = \frac{d\bar{y}(t)}{dt}, \quad (1)$$

где $F(\bar{y}', t)$ — функция зависимости процесса развития экономического объекта от производных вектора показателей $\bar{y}$ и времени; $\bar{y}$ — вектор показателей, которые являются формами проявления экономической, социальной и экологической компонент развития; $\frac{d\bar{y}(t)}{dt}$ — производная функции $y(t)$ первого порядка по переменной t . В целом производная первого порядка отражает мгновенную скорость изменения.

При моделировании развития малого предпринимательства особое внимание следует обратить на то, что изменения всех составляющих взаимосвязаны. Поэтому, дифференциальные уравнения по экономической, социальной и экологической компонентами следует свести в систему дифференциальных уравнений, которая в общем имеет вид:

$$\begin{cases} F_1(y', t) = \frac{dy(x, z, t)}{dt} \\ F_2(z', t) = \frac{dz(x, z, t)}{dt} \\ F_3(x', t) = \frac{dx(y, z, t)}{dt} \end{cases}, \quad (2)$$

где $F_1(y', t)$ — функция зависимости развития экономической компоненты развития малого предпринимательства от скорости изменения индикатора экономического развития y и фактора времени t ; $F_2(z', t)$ — функция зависимости развития социальной компоненты развития малого предпринимательства от скорости изменения индикатора социального развития z и фактора времени t ; $F_3(x', t)$ — функция зависимости развития экологической компоненты развития малого предпринимательства от скорости изменения индикатора экологического развития x и фактора времени t ; $y(x, z, t)$ — функция показателя-индикатора экономического развития y показателей социальной z и экологической x компонент и времени t ; $z(y, z, t)$ — функция показателя-индикатора социального развития z показателей экономической y и экологической x компонент и времени t ; $x(y, z, t)$ — функция показателя-индикатора экологического развития x показателей социальной z и экономической y компонент и времени t .

Правая часть уравнений типа $\frac{df(t)}{dt}$ — это производная функции $f(t)$ первого порядка по переменной t . Производная первого порядка отражает скорость изменения показателя, то есть его изменение за единицу времени. Используя

в качестве математической модели развития малого предпринимательства систему дифференциальных уравнений, процесс развития определено как изменение соответствующих показателей во времени с учетом динамики показателей других компонент развития. Конкретизация предложенной модели развития осуществляется в два этапа: во-первых, выделение индикаторов, которые отражают состояние отдельной компоненты развития малого предпринимательства; во-вторых, математическое описание зависимости избранных индикаторов других компонент и времени. Индикаторами экономического развития предпринимательства, прежде всего, является размер прибыли и объем валовой продукции малых предприятий (как в абсолютном выражении, так и в расчете на одно предприятие). Учитывая сложность аккумуляции и количественного выражения информации об экологических доходах и затратах, наиболее приемлемым в современных условиях является использование экологических затрат субъектов малого предпринимательства как основного индикатора экологической компоненты их развития. Аналогично экологической составляющей, социальное развитие можно количественно оценить с помощью показателей социальных расходов, доходов, эффекта и потерь (в стоимостном выражении).

Что касается социальной составляющей развития, то ее можно описать так: 1) если показатели стоимостные и отражают степень материального удовлетворения, их изменение будет описываться аналогично изменению экономической и социальной компонент; 2) если показатели отражают нематериальную составляющую, то, по нашему мнению, они могут расти по логарифмической функции, то есть бесконечно, однако, с постоянным замедлением. Изменение экономических, социальных и экологических (стимулирующих) показателей предлагается описывать логистической функцией [5, с. 1021], а развитие соответствующих составляющих — дифференциальным уравнением Ферхюльста-Пирса [2, с. 20]:

$$\frac{dy(t)}{dt} = \alpha \cdot \left[\frac{y_{\max} - y(t)}{y_{\max}} \cdot y(t) \right], \quad (3)$$

где $\frac{dy(t)}{dt}$ — скорость изменения показателя y ; a — среднегодовая скорость изменения показателя y в расчете на единицу этого показателя; $y_{\max}$ — максимальный уровень показателя y ; $y(t)$ — значение показателя y в момент t ; $\frac{y_{\max} - y(t)}{y_{\max}}$ — сопротивление среды росту показателя y по экспоненте.

Правую часть уравнения можно условно разделить на две части. Первая часть a показывает, сколько единиц показателя y производится единицей этого показателя в течение условного периода времени $\Delta t = t_n - t_{n-1}$ (например, если y — это прибыль, то a показывает, сколько в период Δt 1 долл. США дохода принесет дополнительной прибыли). Составляющая $\left[\frac{y_{\max} - y(t)}{y_{\max}} \cdot y(t) \right]$ отражает значение показателя y в момент t с учетом противодействия среды. Выражение $\frac{y_{\max} - y(t)}{y_{\max}}$ показывает, какая доля максимального уровня показателя еще не достигнута в момент t по тем или иным причинам. Для адаптации уравнения с требованиями моделирования в нем необходимо учесть влияние на показатель других, кроме временных факторов. Для этого в правую часть уравнения необходимо добавить формализованный вид зависимости показателя y от этих факторов:

$$\frac{dy(\underline{x}, t)}{dt} = \alpha \cdot \left[\frac{y_{\max} - y(\underline{x}, t)}{y_{\max}} \cdot y(\underline{x}, t) \right] + y(\underline{x}), \quad (4)$$

где $\underline{x}$ — вектор факторов, влияющих на значение показателя y ; $y(\underline{x})$ — функция зависимости показателя y от системы факторов $\underline{x}$.

Наиболее простым вариантом функции $y(\underline{x})$ является линейная регрессионная функция типа:

$$y(\underline{x}) = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2 + \dots + a_nx_n, \quad (5)$$

где a_0 — свободный член регрессии функции; $a_1, a_2, \dots, a_n$ — коэффициенты регрессии при факторных признаках $x_1, x_2, \dots, x_n$.

Коэффициент регрессии при факторном признаке x_k отображает, на сколько вырастет резульативный показатель в результате увеличения значения показателя x_k на единицу. Следует также отметить, что дополнение уравнения дополнительным членом автоматически поднимает верхнюю границу резульативного показателя $y_{\max}$. Однако, существование порогового значения не отрицается, поскольку дополнительный рост показателя $y_{\max}$ в результате увеличения факторных признаков постепенно замедляется и, в конце концов, становится постоянным через достижение факторами их критического значения. Это вызвано тем, что показатели $\underline{x}$ также растут по логистической кривой.

В нынешних условиях определяющим фактором, который влияет на социальную и экологическую составляющие развития малого предпринимательства, является экономическая составляющая развития. Действие первых компонент на экономическую незначительно. Учитывая же то, что только последние годы малое предпринимательство стало расти, экономическая составляющая его развития зависит, в основном, от временного фактора, то есть от прибыли, полученной в предыдущие годы. При этом, определяющую роль играют реинвестиции полученного ранее экономического эффекта. Поэтому дифференциальное уравнение экономической, социальной и экологической составляющей приобретает вид уравнения (6):

$$\begin{cases} \frac{dy(t)}{dt} = \alpha \cdot \left[\frac{y_{\max} - y(t)}{y_{\max}} \cdot y(t) \right] \\ \frac{dz(y, t)}{dt} = \beta \cdot \left[\frac{z_{\max} - z(t)}{z_{\max}} \cdot z(t) \right] + a_1y(t), \\ \frac{dx(y, t)}{dt} = \gamma \cdot \left[\frac{x_{\max} - x(t)}{x_{\max}} \cdot x(t) \right] + a_2y(t) \end{cases} \quad (6)$$

где $\frac{dy(t)}{dt}$ — скорость изменения показателя-индикатора экономической компоненты развития малого предпринимательства y ; $\frac{dz(y, t)}{dt}$ — скорость изменения показателя-индикатора социальной компоненты развития малого предпринимательства z ; $\frac{dx(y, t)}{dt}$ — скорость изменения показателя-индикатора экологической компоненты развития малого предпринимательства x ; $y_{\max}, z_{\max}, x_{\max}$ — максимальное значение показателей-индикаторов экономической, социальной и экологической составляющих развития малого предпринимательства, соответственно; $y(t), z(t), x(t)$ — значение показателей-индикаторов экономической, социальной и экологической составляющих развития малого предприниматель-

ства, соответственно, в момент времени t ; α , β , γ — значение среднегодовой скорости изменения показателей y , z , x в расчете на единицу этих показателей; a_1 — коэффициент регрессии, который отображает на сколько увеличится $z(t)$ при росте $y(t)$ на единицу; a_2 — коэффициент регрессии, который отображает на сколько увеличится $x(t)$ при росте $y(t)$ на единицу; t — момент времени [2, с. 19].

В процессе моделирования реальных процессов развития малого предпринимательства использованы следующие показатели: 1) для экономической компоненты — общая прибыль малых предприятий Дальневосточного федерального округа; 2) для социальной компоненты — среднемесячный размер заработной платы занятых на малых предприятиях Дальневосточного федерального округа; 3) для экологической компоненты — выбросы вредных веществ стационарными источниками загрязнения в расчете на одно малое предприятие [4, с. 87].

Среднегодовой темп роста указанных показателей определены на основе результатов регрессионного анализа их динамики. Установлено, что среднегодовая скорость изменения показателя прибыли составляет 0.32 млн долл. США ($\alpha = 0.32$), заработной платы — 0.13 долл. США ($\beta = 0.13$) и объема выбросов вредных веществ стационарными источниками загрязнения, используемых одним малым предприятием — 0.28 долл. США ($\gamma = 0.28$). Коэффициент регрессии ($a_1 = 169$) указывает на то, что рост прибыли малых предприятий на 1 млн долл. США приводит к увеличению размера заработной платы занятых в малых предприятиях на 169 долл. США [2, с. 17]. Из данных табл. 1 видно, что значение коэффициента детерминации для линейного уравнения является относительно невысоким.

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа связи между размером прибыли и заработной платы в малых предприятиях регионов Северо-Кавказского федерального округа

Тип уравнения регрессии	Значение	Коэффициент детерминации
Линейное	$z = 468.3 + 24.7y$	0.58
Логарифмическое	$z = 218 + 169\ln(y)$	0.64
Экспоненциальное	$z = 512.4e^{0,034y}$	0.61

Поэтому для описания второй части уравнение, описывающее изменение заработной платы целесообразно использовать функцию с наибольшим коэффициентом детерминации, то есть логистическую:

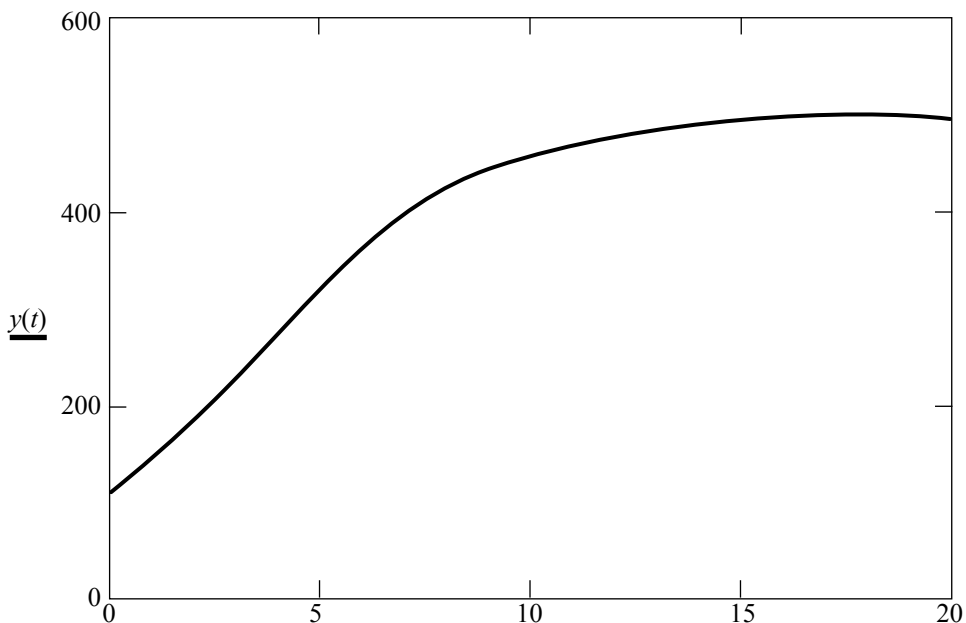
$$\frac{dz(y,t)}{dt} = \beta \cdot \left[\frac{z_{\max} - z(t)}{z_{\max}} \cdot z(t) \right] + a_1 \ln(y(t)) \tag{7}$$

В Российской Федерации на 10.01.2021 осуществляют свою деятельность 5 450 261 микропредприятий, 216 615 — малых предприятий, 17 685 — средних [6]. В Северо-Кавказском федеральном округе осуществляют свою деятельность 192 451 субъектов малого и среднего предпринимательства, при этом основная часть из них расположена в Ставропольском крае (994 915) и Республике Дагестан (36 037) [6].

При этом явно выраженным лидером по обоим критериям является Ставропольский край, который имеет наиболее развитые объемы малого предпринимательства. Республика Дагестан также имеет значительное количество функционирующих малых компаний с достаточными оборотами по сравнению с остальными регионами Северо-Кавказского федерального округа. Наименьшее число малых предприятий и минимальный уровень их оборота наблюдается в Республике Ингушетия [6].

На основе определения взаимосвязи между среднесписочной численностью работников и количеством малых предприятий на 10 000 чел. населения в Северо-Кавказском федеральном округе в 2020 г. можно подтвердить абсолютное лидерство в развитии малого предпринимательства в Ставропольском крае и Республике Дагестан.

Наименьшее число малых предприятий на 10 000 чел. населения и минимальная среднесписочная численность работников зафиксировано в Республике Ингушетия. Такую неравномерность распределения субъектов малого предпринимательства по регионам следует объяснять воздействием целого ряда факторов. Во-первых, развитию малого бизнеса в регионах препятствует низкая плотность и неравномерность заселения местности. Уровень предпринимательской активности более выражен в таких регионах, как Ставропольский край и Республика Дагестан, с достаточно крупными агломерациями, которые сформировались в ходе урбанизации и тенденции к увеличению городов. Во-вторых, существенные различия природно-климатических особенностей регионов. Такие регионы, как Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, отличаются суровыми климатическими условиями, вследствие чего они являются малопривлекательными для проживания и ведения бизнеса. Необходимо отметить, что в этих регионах существуют определенные ограничения, вызванные

Рис. 1. Результаты моделирования экономической компоненты развития малого предпринимательства в регионах Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации

отсутствием достаточно развитой транспортной инфраструктуры. В регионах, на территории которых наблюдается активное развитие сельского хозяйства, малый бизнес также не получил широкого распространения. В равной степени важным фактором развития экономики Северо-Кавказского федерального округа остается обеспеченность природными ресурсами.

По результатам моделирования установлено, что своей предельной границы размер прибыли предприятий регионов Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации достигнет через 4 года (рис. 1).

В целом, учитывая, что Северо-Кавказский федеральный округ не располагает природно-климатическим потенциалом, добыча полезных ископаемых не представляет собой фактор их социально-экономического развития. Для этих регионов уровень жизни относительно не высок, что способствует развитию малого бизнеса. Во многом это определяет потенциал и масштабы развития и роста малого бизнеса. Тем не менее, динамика развития малого бизнеса в этих регионах в значительной степени зависит от действий региональных органов власти. Полученные результаты свидетельствуют о том, что уже через 3–4 года одним из основных вопросов будет поиск путей повышения максимального предела размера прибыли предприятий регионов. Эту проблему следует решать путем инновационного обновления производства в малых субъектах хозяйствования. Что касается заработной платы, то, при условии обеспечения развития экономической компоненты, своего максимума она достигнет через 4 года (рис. 2).

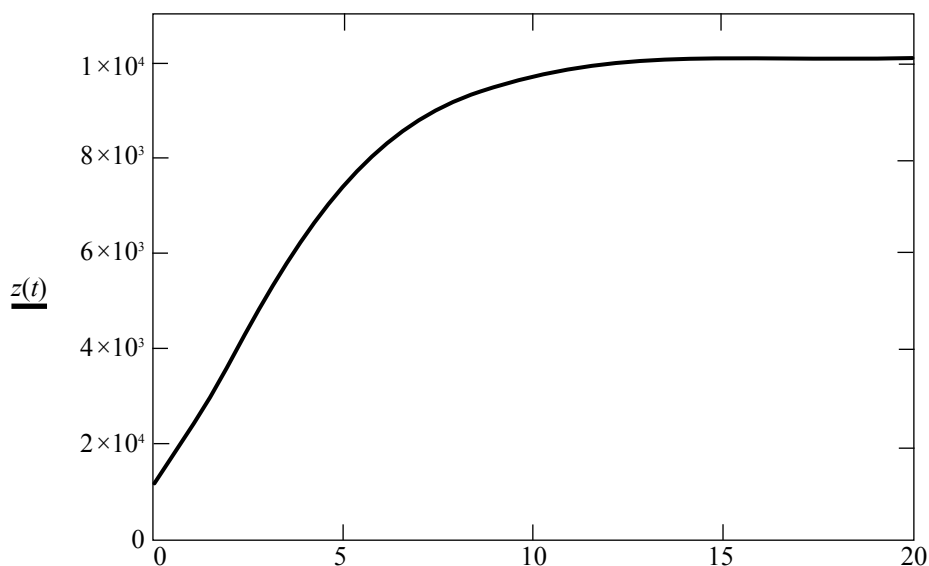

Рис. 2. Результаты моделирования социальной компоненты развития малого предпринимательства в регионах Северо-Кавказского федерального округа

Также установлено, что объем выбросов стационарными источниками загрязнения в расчете на одно предприятие в течение следующих 20 лет не достигнет своего максимума (рис. 3).

Несмотря на относительно невысокие темпы роста объема выбросов, негативным является то, что такой рост вообще имеет место. Поэтому сейчас актуальным является обеспечение инновационного обновления хозяйственного процесса субъектов малого предпринимательства в регионах Северо-Кавказ-

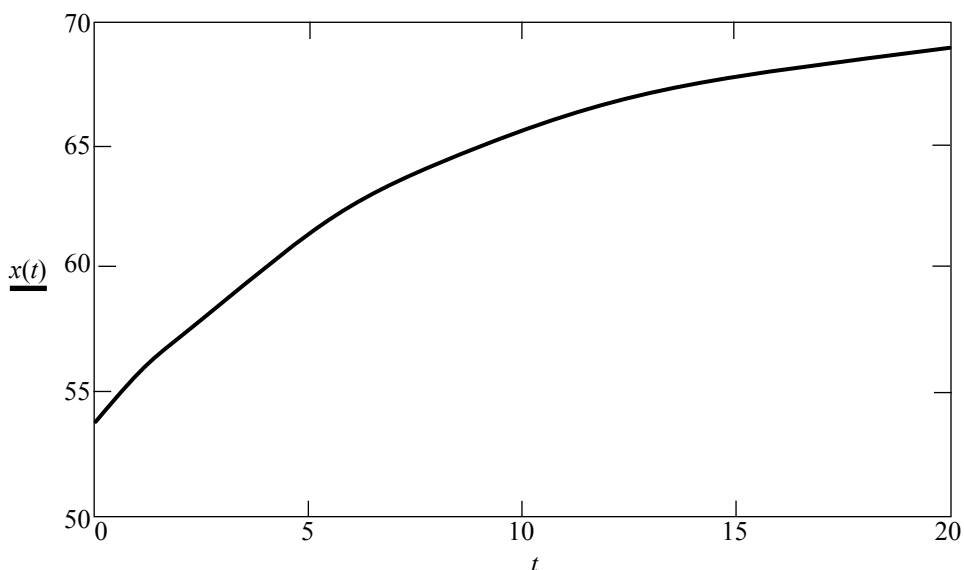

Рис. 3. Результаты моделирования экологической компоненты развития малого предпринимательства в регионах Северо-Кавказского федерального округа

ского федерального округа, целью которого должно стать устранение тенденции к увеличению объемов выбросов и обеспечения эколого безопасного производства. Развитие любого объекта (в том числе, малого бизнеса) приобретает вид изменений этого объекта, которую в исследовании предлагается отражать как скорость изменения.

Одной из проблем малого бизнеса в регионах Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации является существенное отставание его экономического уровня развития от общестранового. Для моделирования процесса достижения рентабельности малых предприятий в регионах Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации (как основного индикатора их экономической развития) уровня малых предприятий России предлагается использовать предложенную выше модель логистического роста (формула 3). В качестве показателя, который отражает уровень отставания фермеров региона от всероссийского уровня экономического развития, целесообразно использовать коэффициент приближения, который определяется как разница между единицей и коэффициентом отставания. Максимальное значение коэффициента приближения составляет $y_{\max} = 1$. Исходя из определения среднегодовой скорости изменение данного индикатора равна $\alpha = 0.17$. Начальное значение этого показателя составляет 0,4. Результаты моделирования отражено на рис. 4. При сохранении нынешних условий малых предприятий в регионах Северо-Кавказского федерального округа смогут достичь всероссийского уровня экономического развития примерно через 17 лет. Это свидетельствует о необходимости разработки механизма повышения уровня рентабельности хозяйственной деятельности малых предприятий региона и создание условий для эффективного функционирования бизнеса в регионе.

Таким образом, моделирование развития малого бизнеса в регионах Северо-Кавказского федерального округа должно осуществляться с учетом принципов устойчивого развития. При этом, в качестве математической модели целесообразно использовать систему дифференциальных уравнений, отражающих

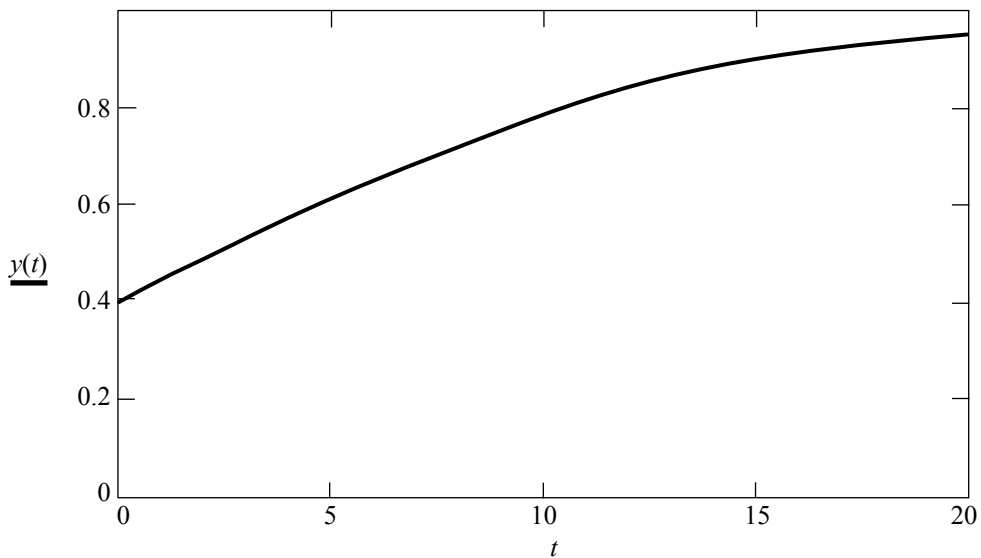

Рис. 4. Результаты моделирования процесса достижения рентабельности малых предприятий в регионах Северо-Кавказского федерального округа до уровня среднероссийского

скорость изменения индикаторов экономического, социального и экологического развития. Преимуществом предложенной модели является ее универсальность, проявляющаяся в возможности моделирования изменения каких-либо показателей. Моделирование экономической компоненты развития малого предпринимательства в регионах Северо-Кавказского федерального округа свидетельствует, что при существующем уровне развития производительных сил, роста прибыли имеет существенные ограничения. Для наращивания субъектами малого предпринимательства массы прибыли в будущем и обеспечения укрепления его конкурентоспособности необходимо ориентироваться на инновационный тип развития и реинвестировать полученные доходы в инновации. Важным направлением деятельности должно стать формирование экономической политики, сущность которой предполагается в активизации инновационно-инвестиционной составляющей предпринимательской деятельности и реинвестировании полученных доходов в инновационные технологии и разработку новой продукции.

Преимуществом предлагаемого методического подхода является соответствие принципам устойчивого развития, поскольку происходит диагностика среды функционирования малого бизнеса с учетом трех компонент: экономической, социальной и экологической. В этой связи различия в развитии каждой из составляющих компонент заключаются в разной степени скорости и ускорении изменений в соответствующих характерных количественных показателях. При этом следует учитывать, что предпочтение необходимо отдавать той из указанных составляющих, которая является самой проблемной. Другие же компоненты должны, как минимум не ухудшаться из-за улучшения наиболее значимой составляющей. Однако, оптимальным является обеспечение развития всех без исключения составляющих. В широком смысле развитие любого объекта предполагает его позитивное изменение. В количественном измерении развитие предпринимательства приобретает вид процесса изменения одного или совокупности показателей, характеризующих каждую из выделенных выше компонент.

Отличительной особенностью предлагаемой модели является ее универсальность, которая выражается в возможности имитировать изменения по различным показателям. При моделировании экономической компоненты развития малого бизнеса в регионах Северо-Кавказского федерального округа выявлено, что при сохранении нынешнего уровня развития продуктивных сил увеличение прибыли имеет существенные сдерживающие ограничения. В целях увеличения в будущем объема прибыли субъектов малого предпринимательства и обеспечения повышения их конкурентоспособности необходимо сосредоточиться на инновационном типе развития и реинвестировать полученные доходы в инновации. Немаловажным направлением деятельности следует считать формирование экономической политики, существенным элементом которой является активизация инновационно-инвестиционной составляющей деятельности предпринимательства и реинвестирование полученных доходов в развитие новых технологий и разработку новой продукции.

Положительной стороной проведенного исследования является то, что в процессе моделирования развития малого предпринимательства предлагается использовать социальные расходы, рост которых будет способствовать улучшению благосостояния населения. Также для моделирования развития малого предпринимательства можно использовать сравнительные оценки. Таким образом, становится возможным моделирование процесса достижения менее развитыми регионами уровней более развитых.

В условиях ограниченности денежных ресурсов в качестве показателя экономической компоненты можно использовать размер общих затрат и себестоимости продукции.

В общем экономическом формате показатели экологической компоненты развития можно расширить по нескольким направлениям. Первым из них могут быть экологические расходы (расходы на сохранение окружающей среды, здоровья населения и т.п.). Также можно выделить показатель экологических доходов, которые отражают выгоды населения от осуществления мероприятий экологической направленности в стоимостном выражении. Важную роль может играть экологический эффект — разница между экологическими доходами и расходами, а также экологические потери, имеющие вид расходов, которые возникли из-за загрязнения окружающей природной среды. Для особо экологически нестабильных регионов обязательным может быть уровень экологического ущерба, причиненный окружающей среде.

Предлагаемый методический подход к оценке результативности развития малого предпринимательства позволяет определить наиболее проблемные направления региональной политики в данной сфере с целью ее последующей корректировки. Кроме того, предложенный методологический подход косвенно позволяет проводить компаративный сравнительный анализ результативности работы органов власти разных регионов, что способствует выстраиванию целостного видения государственной политики по развитию того или иного региона по данному направлению, принимая во внимание его потенциальные возможности.

В перспективе данное исследование может быть расширено на основе разнообразия спектра индикаторов развития бизнеса, перенаправлено на диагностику предпринимательства в целом, а также оценку и сравнение полученных результатов по различным регионам или странам.

Данные результаты исследований представляют интерес для лиц, ответственных за экономику и государственное управление, при определении на-

правлений проводимой политики, применении соответствующих механизмов и параметров для обеспечения эффективного развития предпринимательства на региональном и глобальном уровне.

Анализ взаимосвязи между количеством малых предприятий и их оборотом, среднесписочной численностью работников и количеством малых предприятий на 10 000 чел. населения в Северо-Кавказском федеральном округе, позволил выделить Ставропольский край и Республику Дагестан. Данные регионы являются в округе крупными агломерациями, которые сформировались в ходе урбанизации и тенденции к увеличению городов. Они имеют наиболее развитый уровень малого предпринимательства по сравнению с остальными исследуемыми регионами. Самый низкий уровень малого предпринимательства зафиксирован в Республике Ингушетия и Карачаево-Черкесской республике. Основной предпосылкой этого является низкая плотность и неравномерность заселения местности.

В перспективе данное исследование можно расширить путем использования различных показателей развития бизнеса, перенаправив его на диагностику предпринимательства в целом, а также на проведение оценки и сравнения результатов, достигнутых во многих регионах или странах. Результаты исследования могут также представлять интерес для представителей экономики и органов государственного управления для определения направлений политики, внедрения соответствующих механизмов и параметров в целях обеспечения эффективного развития предпринимательства как на региональном, так и на глобальном уровне.

Список литературы

1. *Джабраилов Р.А., Муталимов В.А.* Региональные проблемы и региональная политика в условиях модернизации Российской экономики // *Фундаментальные исследования*. — 2016. — № 3-1. — С. 143–147.
2. *Михеев А.В.* Исследование зависимости частных решений уравнения Ферхюльста второго порядка от начальных условий / А.В. Михеев // *Теория. Практика. Инновации*. — 2018. — № 8 (32). — С. 12–18.
3. *Муталимов В.А.* Перспективы экономического роста Республики Дагестан // *Сборник статей II Международной научно-практической конференции «Молодежная наука как фактор и ресурс опережающего развития»*. — Петрозаводск, 2020. — С. 8–11.
4. *Mutalimov V., Volkovitchkaia G., Buymov A., Syzdykov S., Stepanova D.* Entrepreneurship education: start-up as a tool for actualizing students professional competencies // *Journal of Entrepreneurship Education*. — 2020. — Т. 23. — № 1. — С. 511.
5. *Mutalimov V., Kovaleva I., Mikhaylov A., Stepanova D.* Assessing regional growth of small business in Russia // *Entrepreneurial Business and Economics Review*. 2021. — Т. 9. — № 3. — С. 119–133.
6. Официальный сайт Федеральной налоговой службы [Электронный ресурс]. — URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 12.01.2020).

С.А. Деханов

О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ ВХОЖДЕНИЯ КАЛИНИНГРАДА В СОСТАВ СССР (РОССИИ)

ON THE INTERNATIONAL LEGAL GROUNDS FOR JOINING KALININGRAD TO THE USSR (RUSSIA)

ДЕХАНОВ Сергей Александрович — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса МГГЭУ, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии (e-mail: daad95@mail.ru)

DEKHANDOV Sergey Alexandrovich — Doctor of The Juridical Science, Professor of The Civil Law and procedure, MSUHE (e-mail: daad95@mail.ru)

Аннотация. В статье анализируются международно-правовые основания вхождения Кёнигсберга в состав СССР, рассматриваются вопросы становления системы договоров, заключенных по результатам Второй мировой войны, а также отдельные территориальные проблемы, возникшие после распада СССР. Для обоснования своих выводов и положений автор опирается на труды выдающихся специалистов в области международного права: Ф.Ф. Мартенса, Л. Оппенгейма, Г.И. Тункина.

Ключевые слова: Международное право, война, Германия, пакт Бриана-Келлога, балтийский вопрос.

Abstract. The article deals with the international legal grounds for the entry of Königsberg into the USSR, considers the formation of a system of treaties concluded as a result of the 2nd World War, as well as certain territorial problems that arose after the collapse of the USSR. To substantiate his conclusions and provisions, the author relies on the works of prominent experts in the field of international law: F.F. Martens, L. Oppenheim, G.I. Tunkina.

Keywords: International law, war, Germany, Briand-Kellogg pact, Baltic issue.

Спустя месяц после начала специальной военной операции на Украине экс-командующий сухопутными войсками Польши генерал В. Скшипчак поднял вопрос о принадлежности Калининграда¹.

Следует заметить, что «калининградский вопрос» и ранее являлся предметом антироссийских дискуссий, которые не всегда получали должную оценку, как со стороны российских официальных властей, так и ученых-международ-

¹ Согласно разделу 5 протокола Потсдамской конференции город Кёнигсберг и прилегающие к нему районы переданы Советскому Союзу. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 4 июля 1946 г. город был переименован в Калининград, а область в Калининградскую.

ников, хотя необходимость решительных шагов в этом направлении была очевидной.

Одним из первых тревожных событий, напрямую связанных с Калининградом и областью, стало принятие Литвы и Польши в июле 2003 г. в члены Европейского Союза и, как следствие, превращение Калининграда и Калининградской области в эксклав Российской Федерации. В этой связи следует напомнить, что впервые Калининград и область стали эксклавом СССР 6 сентября 1991 г., когда Литовская ССР получила независимость.

С началом специальной военной операции на Украине, учитывая откровенную антироссийскую позицию нынешнего немецкого руководства место Калининграда в общеевропейской, да и мировой конфигурации, приобретает особое значение.

Немного истории. Как известно, история государственности немецкого народа насчитывает не одно тысячелетие: Священная Римская империя германской нации (962–1806 гг.), Германский союз (1815–1866 гг.), Северо-Германский союз (1866–1870 гг.), Германская империя (1871–1918 гг.), Веймарская Республика (1919–1933 гг.), Национал-социалистское государство (1933–1945 гг.), ФРГ (1949–1990 гг.) — ГДР (1949–1990 гг.), ФРГ (с 1990 г.). И во все периоды (естественно, когда Калининград (Кёнигсберг) был частью Германии), Кёнигсберг, Пруссия играли исключительно важную роль для Германии. Именно Пруссия огнем и мечом объединила Германию, предводимую железным канцлером Бисмарком, и превратила ее в мощное милитаризованное европейское государство. Именно Пруссия поставляла Германии лучших солдат и офицеров и именно Пруссия в лице ГДР была лучшим союзником СССР во времена развитого социализма. И было бы наивным полагать, что Германия просто так смирится с потерей Кёнигсберга и с «новой» конфигурацией своих восточных границ по р. Одере и Нейсе. Чем дальше народ отделяется от тех исторических событий, которые привели его к такому плачевному результату, тем больше он не понимает, что же в действительности произошло. А произошло то, что Германия потерпела поражение во Второй мировой войне и ее судьбу решали страны-победители, основываясь на нормах международного права. Одним из таких международно-правовых источников являлся Генеральный пакт об отказе от войны 1928 г. (Пакта Бриана-Келлога). Именно Пакт Бриана-Келлога впервые в истории поставил барьер на пути неправомерного применения силы и, в частности, ведения агрессивной войны¹.

На основании Пакта война как средство разрешения международных споров была признана незаконной:

«Статья 1

Высокие Договаривающиеся Стороны торжественно заявляют от имени своих народов, что они осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных отношениях в качестве орудия национальной политики.

Статья 2

Высокие договаривающиеся Стороны признают, что урегулирование или разрешение всех могущих возникнуть между ними споров или конфликтов, какого бы характера или какого бы происхождения они ни были, должны всегда изыскиваться мирными средствами».

¹ Парижский договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (пакт Бриана-Келлога) 1928 г. — URL: docs.cntd.ru/document/901786550 (дата обращения: 17.09.2019).

Парижский Пакт не упразднил сам «институт войны» для подписавших его государств. Обращение к войне признавалось законным в следующих случаях:

- а) в качестве средства допустимой международным правом самозащиты;
- б) в качестве коллективной акции, обеспечивающей выполнение международных обязательств, вытекающих из действующих соглашений, например, из устава Лиги наций;
- в) в отношении государства — участника пакта, нарушившего пакт и прибегшего к войне вопреки его постановлениям»¹.

Франция и Великобритания, сообщая Лиге наций о том, что между ними и Германией с 3 сентября 1939 г. существует состояние войны, заявили, что совершив акт агрессии против Польши, Германия нарушила обязательства, принятые на себя в отношении Польши и других участников Парижского пакта. В очередной раз, нарушив нормы Парижского пакта, 22 июня 1941 г., Германия напала на СССР. Подобно большинству международных договоров, Парижский пакт не предусматривал определенно-установленных санкций в случае его нарушения. Эти санкции содержались в нормах обычного права. Однако Пакт предусматривал следующее правило: если какое-либо государство нарушит Пакт, прибегнув к войне, то ни подвергшееся нападению государство, ни другие участники пакта не будут в дальнейшем связаны в отношении этого государства обязательством не прибегать к войне в качестве орудия национальной политики. Таким образом, эти государства возвращают себе свободу действий, которой они пользовались до подписания пакта с поправкой на Гаагские конвенции 1899 г. и 1907 г.² Было бы несправедливым каким-то иным способом связывать руки государств, подвергшихся агрессии и ограничивать их действия по выбору способа наложения ответственности на государство-агрессора. В этой связи представляется спорным вопрос о том, должна ли была Германия нести ответственность по классическому праву войны или по современному (новому) праву, основанному на Нюрнбергских принципах.

Как известно, основное отличие классического права войны и современного права сводится к тому, что ликвидация «права государства на войну» привел к исчезновению «права победителя». Ликвидация «права победителя» означала ликвидацию таких институтов международного права как «институт завоеваний» и «институт контрибуций»³.

Согласно старому (классическому) международному праву, «победившее государство имело право присоединить оккупированную им часть территории побежденного государства, а в случае полного поражения противника захватить всю его территорию, считая побежденное государство уничтоженным (покорение, *debelatio, subjugation*)»⁴. Что касается захвата оккупированной части территории побежденного государства в тех случаях, когда не имело место полное поражение противника, то, хотя в доктрине международного права было распространено мнение, что такое приобретение основывается юридически на мирном договоре, в действительности основанием присоединения территории являлось именно «право победителя». «Только победитель независимо

¹ *Оппенгейм Л.* Международное право. — Т. II П./т. 2. 1950. пар. 263. — С. 205–206.

² *Деханов С.А.* Право и сила в межгосударственных отношениях // Московский журнал международного права. — 2003. — № 4. — С. 38–48.

³ *Тункин Г.И.* Теория международного права / под общ. ред. Л.Н. Шестакова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. — М.: Зерцало, 2000. — С. 357.

⁴ Там же.

от причин и характера войны имел право присовокупить оккупированную им во время войны территорию противника. От соотношения сил зависело, в какой мере ему удавалось реализовать это право»¹. Известный российский юрист Ф.Ф. Мартенс писал относительно завоевания как способа приобретения территории: «Этот древнейший способ приобретения территории до настоящего времени остается наиболее часто применяемым»². Согласно точке зрения Л. Оппенгейма, «оккупированная территория может быть аннексирована воюющим на том основании, что его противник, прекратив военные действия, отказался от всяких прав, которые он имел в отношении этой территории»³.

Институт контрибуций был заменен институтом репараций. Если институт контрибуций был основан на «праве победителя», то «институт репараций» основывается на принципе международно-правовой ответственности государств за агрессию. Это означает, что юридические последствия войны определяются не результатами вооруженного конфликта, не тем, кто победил, а тем, кто совершил акт агрессии.

Советский Союз победил в войне, воспользовался плодами победы, и в его власти было применить в отношении Германии старое, классическое право войны. Однако Советский Союз поступил иначе. В то же время, реализуя свое законное право, Советский Союз был обеспокоен тем, чтобы действия агрессора, выразившиеся в совершении военных преступлений, преступлений против мира и человечности, ни в коей мере не остались безнаказанными. Именно поэтому к агрессору были применены суровые меры наказания вплоть до отторжения территории. В этой связи необходимо сделать пояснение следующего свойства: ни один действовавший к тому времени международно-правовой акт и международный обычай не запрещал отторжения территории в качестве формы реализации санкции за агрессию. Пойдя на такой шаг, действия союзников в отношении Германии и Японии основывались, прежде всего, на принципе *международно-правовой ответственности государства за совершенную им агрессию*.

Так немецкий Кёнигсберг стал советским, российским Калининградом. Хорошо помня о том, какие поистине неисчислимы людские потери во время Великой Отечественной войны понес Советский Союз, эта мера наказания (отторжение территории) не выглядит чрезмерно суровой.

Надо признать, что немцы до недавнего времени чувствовали себя ответственными за те страдания, которые понесли народы Европы, и прежде всего граждане Советского Союза, и поэтому в таких деликатных вопросах немцы вели себя очень осторожно и осмотрительно. Но все течет — все изменяется. И вот уже новый немецкий канцлер О. Шольц в одностороннем порядке освобождает немцев от исторической вины перед русскими за совершенные ими злодеяния во время Второй мировой войны.

Медвежью услугу Калининграду оказали наши непродуманные, а порой абсурдные внешнеполитические действия, направленные на решение вопросов территориального разграничения с прибалтийскими странами, в частности с Литвой, территория которой отделяет Россию от Калининграда.

¹ См.: Тункин Г.И. Теория международного права / под общ. ред. Л.Н. Шестакова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак. — М.: Зерцало, 2000. — С. 362.

² Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — Т. 1. — СПб, 1887. — С. 353.

³ Цит. по: Оппенгейм Л. Международное право. Т. II П./т.2.1950.пар.263.

Балтийский вопрос остро встал в конце 80-х гг. В беседе с делегацией Совета Европы 15 февраля 1991 г. Председатель Верховного Совета А.И. Лукьянов подчеркнул, что Балтийский вопрос — это внутреннее дело СССР. Он, в какой-то степени, сравнил отделение балтийских республик от России в 1918 г. «с помощью германского оружия» с восстановлением их в составе СССР в 1940 г. В то же время М. Горбачев говорил о том, что «у нас есть конституционный механизм выхода республик из состава СССР и выступал за их самоопределение в составе обновленной федерации»¹. В феврале-марте 1991 года прошли референдумы в прибалтийских государствах за независимость, где большинство населения высказались «за». Однако еще до референдума в заявлении четырех руководителей республик, подписанном в ночь с 13 на 14 января 1991 года, говорилось о взаимном признании суверенитета Эстонии, Латвии, Литвы и Российской Федерации. С позиции сегодняшних дней это заявление российского руководства представляется весьма деструктивным.

24 октября 1997 г. был подписан Договор между Российской Федерацией и Литовской Республикой о российско-литовской государственной границе. Долгое время этот договор «лежал на полке», но все же 9 июня 2003 г. был ратифицирован и вступил в силу.

Изыскивая способы решения данного вопроса, мы не должны были забывать и о некоторых исторических прецедентах, прежде всего о так называемом Данцигском коридоре и о Западном Берлине. Так или иначе, тень этих исторических событий привносит или еще привнесет глубокий иррациональный элемент в калининградский вопрос.

По Версальскому договору 1919 г. основная территория Германии оказалась отрезанной от Восточной Пруссии, поэтому ст. 89 Версальского договора был предусмотрен так называемый Данцигский коридор по территории Польши. В рамках этого коридора немцам предоставлялось полное право экстерриториальности, свободное перемещение товаров и грузов. По мере нарастания напряженности между Польшей и Германией, Германия использовала Данцигский коридор в качестве повода для нападения на Польшу. Польша потеряла часть своих территорий, которые ей были возвращены по итогам Второй мировой войны. Постепенно произошло юридическое оформление территориальных изменений. 6 июля 1950 г. ГДР и Польша заключили двустороннее соглашение, по которому ГДР признала границы Германии по Одере и Нейсе. 7 декабря 1970 г. ФРГ и Польша заключили аналогичное соглашение. ФРГ при этом сделала оговорку, сводящуюся к тому, что данное соглашение подписано не от всего немецкого народа, а только от имени народа ФРГ, и что в будущем единый народ Германии может по-иному отнестись к данному факту. В 1972 г. был подписан Договор «4+2», по которому ФРГ и ГДР признали послевоенный передел мира.

Особое место в этой системе отношений занимал Берлин. Советское правительство ясно осознавало, что Берлин имеет благоприятное географическое положение и поэтому через Берлин СССР стремился захватить контроль над всей Германией. Поэтому встретив вполне объяснимое противодействие со стороны западных союзников, мы пошли на самые решительные меры — блокаду города. Запад прорвал блокаду города «по воздуху». Не решившись идти на открытое военное столкновение с бывшими союзниками по коалиции, советское правительство в обмен на обещание провести конференцию по Западному Берлину

¹ Варес П., Осипова О. Похищение Европы и Балтийский вопрос в международных отношениях XX века. — Таллинн, 1992. — С. 347.

12 мая 1949 года сняло блокаду. Все последующие переговоры по Западному Берлину оказались безрезультатными, и 13 августа 1961 года была возведена Берлинская стена.

Однако стороны искали возможности решения Берлинского вопроса, и 3 сентября 1971 г. было подписано четырехстороннее Соглашение по Западному Берлину (в силу этого соглашения, западные немцы могли пересекать территорию ГДР в безвизовом режиме).

Теоретически в распоряжении российского правительства, тогда к моменту ратификации договора с Литвой, имелись определенные правовые механизмы, позволяющие более эффективно решить на тот момент вопросы сообщения Калининграда с «большой землей».

1. Добиться установление бессрочного платного (бесплатного) публичного сервитута (именно так на юридическом языке называется предложение российской стороны по обеспечению транзитного проезда через чужую территорию) на часть территории Польши и Литвы. В случае несогласия Литвы, Польши или Европейского Союза в целом с нашими требованиями, этот спор мог бы быть перенесен в Международный Суд ООН по понуждению Литвы, Польши или Европейского союза к заключению такого сервитута. Это право вытекает непосредственно из принципа территориального верховенства государства, и оно не может и не должно оспариваться, являясь на сегодня императивной нормой публичного права.
2. Заключить специальный Договор между Россией и Европейским Союзом об обеспечении безвизового режима для пересечения территории Литвы.
3. Заключить специальный Договор между Россией и Европейским Союзом об упрощенном визовом режиме для жителей Калининграда.
4. Заключить Договор об уступке территории (договора цессии)¹. Примером цессии может служить обмен равными участками территории между СССР и Польшей в 1951 г.², в результате которого две страны обменялись равными по площади территориями по принципу «километр на километр». В итоге к Польше отошел участок в Дрогобычской области (принадлежавший УССР) общей площадью в 480 кв. км, а СССР приобрел равный по площади участок в Люблинском воеводстве. Эта сделка явилась одним из крупнейших пересмотров границ в послевоенной истории Европы³.

Надо сказать, что некоторые шаги с российской стороны предпринимались, но они оказались недостаточными, Европейский Союз занял тогда очень жесткую позицию. Наш голос тогда не был услышан.

С началом специальной военной операции России на территории Украины ситуация вокруг Калининграда обострилась. По мнению бывшего экс-премьера Украины Н. Азарова «НАТО планировало блокировать Калининград с помо-

¹ В ноябре 2018 г. в УК РФ была включена ст.280.2. Нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

² Ретин Т. Обмен землями между СССР и Польшей в 1951 году: что подозрительного. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://russian7.ru/post/obmen-zemlyami-mezhdussr-i-polshey-v-1951> (дата обращения 18.09.2019).

³ Лапина И.Е. Международно-правовые основания и способы изменения государственной территории. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-osnovaniya-i-sposoby-izmeneniya-gosudarstvennoy-territorii> (дата обращения 20.10.2022).

щью Польши»¹; в свою очередь, Литва, под предлогом исполнения санкций частично перекрыла транзит грузов в Калининградскую область, организовав, таким образом, частичную блокаду Калининграда. В случае полной блокады кратчайший путь до Калининграда и области — это путь между белорусским городом Гродно и городом Гусев в Калининградской через сувалкский коридор.

По результатам исследования следует сделать вывод о том, что вхождение Кёнигсберга (Калининграда) в состав СССР было осуществлено по решению Союзных держав в рамках применения принципа ответственности за агрессивную войну. Устав ООН содержит понятие «вражеское государство», которое применимо к любому государству, которое в ходе Второй мировой войны выступало против Организации Объединенных Наций². Устав ООН в ст. 107 «ни в коей мере не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате Второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение Второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям»³.

Список литературы

1. *Варес П., Осипова О.* Похищение Европы и Балтийский вопрос в международных отношениях XX века. — Таллин, 1992.
2. *Деханов С.А.* Право и сила в межгосударственных отношениях// Московский журнал международного права. — 2003. — № 4. — С. 38–48.
3. *Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. — Т.1. — СПб, 1887.
4. *Оппенгейм Л.* Международное право. — М., гос. изд-во иностр. лит. Т. II П./т.2. 1948–1950.
5. Парижский договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (пакт Бриана-Келлога) 1928 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [//docs.cntd.ru/document/901786550](https://docs.cntd.ru/document/901786550) (дата обращения 17.09.2019).
6. *Репин Т.* Обмен землями между СССР и Польшей в 1951 году: что подозрительного. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://russian7.ru/post/obmen-zemlyami-mezhdu-sssr-i-polshey-v-1951> (дата обращения: 18.09.2019).
7. *Тункин Г.И.* Теория международного права. — М., 2000.
8. *Финогентова О.Е., Рубашкин В.В.* Правовые основы присоединения Калининградской области к СССР. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-prisoedineniya-territorii-kaliningradskoy-oblasti-k-sssr/viewer> (дата обращения: 20.10.2022).
9. Устав Организации Объединенных Наций от 26 Июля 1945 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 20.10.2022).

¹ Сайт РИА Новости. «НАТО планировала заблокировать Калининград с помощью Польши, заявил Азаров». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ria.ru/20220304/kaliningrad-1776446815.html> (дата обращения 08.10.2022).

² *Финогентова О.Е., Рубашкин В.В.* Правовые основы присоединения Калининградской области к СССР. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-prisoedineniya-territorii-kaliningradskoy-oblasti-k-sssr/viewer> (дата обращения: 20.10.2022).

³ Устав Организации Объединенных Наций от 26 Июля 1945 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 20.10.2022).

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ:
СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ

CIVIL LIABILITY AND WAYS OF PROTECTING CIVIL RIGHTS:
CORRELATION AND INTERRELATION

КИСЕЛЕВ Олег Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса МГГЭУ (e-mail: pss@list.ru)

МАРТЬЯНОВА Галина Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса МГГЭУ (e-mail: martyanova@mggeu.ru)

KISELEV Oleg Alekseevich — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, MSUHE (e-mail: pss@list.ru)

MARTYANOVA Galina Vasilyevna — Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, MSUHE (e-mail: martyanova@mggeu.ru)

Аннотация. В данной статье, посвященной феномену гражданско-правовой ответственности, обоснован вывод о том, что в качестве общего принципа гражданско-правовой ответственности применяется правило о возмещении убытков, которое наиболее полно раскрывает ее сущность, а виды гражданско-правовой ответственности могут быть классифицированы по избираемому способу защиты гражданского права.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, позитивно-правовой смысл гражданско-правовой ответственности, обязательство, деликтное основание, договорное основание, меры гражданско-правовой ответственности, возмещение убытков, способы защиты гражданских прав, принцип гражданско-правовой ответственности.

Abstract. This article substantiates the conclusion that as a general principle of civil liability, the rule on compensation for damages is applied, which most fully reveals its essence, and the types of civil liability can be classified according to the chosen method of civil law protection.

Keywords: civil liability, positive legal meaning of civil liability, obligation, tort basis, contractual basis, measures of civil liability, compensation for damages, ways of protecting civil rights, the principle of civil liability.

Правовой феномен гражданско-правовой ответственности вызывает стабильный, устойчивый интерес в сфере цивилистики и теории государства и права [6]. И прежде, чем приступить к анализу гражданско-правовой ответственности, необходимо сформулировать несколько общих предположений относительно самого термина «гражданско-правовая ответственность».

Подходы к фундаментальным проблемам гражданско-правовой ответственности раскрываются, в частности, в работе Патриса Журдэна «Принципы граж-

данско-правовой ответственности», посвященной гражданской ответственности и истории ее возникновения [7, с. 201].

Необходимо отметить, что термин «гражданско-правовая ответственность» в цивилистике часто употребляется равнозначно термину «гражданская ответственность», выражая применение к одному из видов юридической ответственности. В целом под гражданско-правовой ответственностью в позитивном смысле следует понимать ответственность, которая возникает вследствие того, что правоотношения между субъектами урегулированы нормами гражданского права, и гражданским законодательством предусмотрены последствия несоблюдения этих норм.

Поэтому такие родовые признаки юридической ответственности, как отрицательная оценка (осуждение) действий лица, на которого возлагается ответственность, государственное принуждение или возможность его применения и наличие дополнительных обременений или новых обязанностей для правонарушителя, должны применяться к гражданско-правовой ответственности с учетом специфики гражданского законодательства и его норм.

Также следует учитывать, что использование в термине «гражданско-правовая ответственность» слова «ответственность», которое определенно употребляется в нормах гражданского законодательства, например в 25 главе ГК РФ «Ответственность за нарушение обязательств» [2], может в отсутствие правомочного толкования восприниматься (толковаться) не в том значении, которое, возможно, было использовано законодателем, то есть в его других различных буквальных значениях, приводимых в толковых словарях русского языка.

Так под ответственностью можно понимать: 1) наличие высокоразвитого чувства долга, контроль над своей деятельностью с позиций выполнения принятых норм и обязательств; 2) готовность отвечать за возможные последствия действий, поступков. И это далеко не весь перечень применимых к слову «ответственность» значений, которые могут более отчетливо выявить правовую сущность гражданско-правовой ответственности. Стоит напомнить, что значение правовых предписаний должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами правоотношений.

Для понятия «юридической ответственности» в научном сообществе также используются различные определения:

- 1) взятые в динамике правовые отношения между правонарушителем (или лицом, обвиняемым в правонарушении) и государственными органами;
- 2) атрибут, свойство обязанности на той стадии ее реализации, когда она не исполняется добровольно;
- 3) реакция на правонарушения;
- 4) конкретные меры государственного принуждения;
- 5) реализующаяся особая обязанность отвечать, возникшая на основе особого юридического факта — правонарушения;
- 6) обязанность претерпевать лишения личного, организационного или имущественного порядка;
- 7) юридическая обязанность соблюдения и исполнения требований, предусмотренных нормой права [6, с. 399].

Также необходимо указать, что цивилисты рассматривают вопросы договорной и внедоговорной ответственности, демонстрируя различные подходы, в которых в той или иной мере указывается на различные правовые аспекты гражданско-правовой ответственности, возникающей либо из договоров,

либо по причине, связанной с охранительным правоотношением, выделяя, таким образом, возникновение обязательства из деликта — нарушения охранительного правоотношения (правонарушения), нарушения запрета, предопределенного непосредственно законом.

В позитивно-правовом смысле ни ГК РФ, ни гражданское законодательство в целом не содержат дефиниции о гражданской и (или) гражданско-правовой ответственности, что и порождает научные дискуссии. При этом гражданское законодательство, в силу принципа-положения об обеспечении восстановления нарушенных прав, предлагает именно различные формы и способы защиты гражданских прав. Также необходимо указать, что цивилисты рассматривают вопросы договорной и внедоговорной ответственности, демонстрируя различные подходы, в которых в той или иной мере указывается на различные правовые аспекты гражданско-правовой ответственности, возникающей либо из договоров, либо по причине, связанной с охранительным правоотношением, выделяя, таким образом, возникновение обязательства из деликта — нарушения охранительного правоотношения (правонарушения), нарушения запрета, предопределенного непосредственно законом.

В позитивно-правовом смысле ни ГК РФ, ни гражданское законодательство в целом не содержат дефиниции о гражданской и (или) гражданско-правовой ответственности, что и порождает научные дискуссии. При этом гражданское законодательство, в силу принципа-положения об обеспечении восстановления нарушенных прав, предлагает именно различные формы и способы защиты гражданских прав.

Исключая дальнейшие дискуссии научного характера относительно двух видов гражданско-правовой ответственности, следует обратить внимание, что Конституционный суд Российской Федерации сделал значимые выводы о гражданско-правовой ответственности в Постановлении от 08.12.2017 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева» (далее — Постановление № 39-П) [4]. Конституционный Суд РФ указал в этом Постановлении, что в целях обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты как одного из основных начал гражданского законодательства (п. 1 ст. 1 ГК РФ) Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет в качестве общего принципа правило о возмещении убытков, причиненных лицу, право которого нарушено, в полном объеме лицом, их причинившим (ст. 15 ГК РФ).

При этом Конституционный Суд РФ выделил деликтную ответственность, указав, что в правоотношениях между субъектами гражданского права снижение размера деликтной ответственности по общему правилу недопустимо, поскольку полное или частичное освобождение причинителя вреда от имущественной ответственности одновременно означало бы лишение потерпевшего возможности компенсации причиненного ему вреда и тем самым — лишение его имущества, что являлось бы нарушением гарантий, вытекающих из ч. 1 ст. 35 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) [1], согласно которой право частной собственности охраняется законом.

Далее Конституционный суд РФ в Постановлении № 39-П сформулировал правовые позиции по вопросам, связанным с применением мер ответственности, в том числе гражданско-правовой, указав, что «такие меры должны не только соответствовать характеру совершенного деяния, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к ответственности, тому вреду, который причинен в результате деликта, обеспечивая баланс основных прав гражданина и общего интереса, состоящего в защите общества и государства; иное противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации идеям справедливости и гуманизма и несовместимо с принципом индивидуализации ответственности за правонарушения».

Очевидно, что правовая позиция Конституционного суда РФ связана с внедоговорной ответственностью, но в силу самих формулировок связывает гражданско-правовую ответственность с применением мер, указывая на то обстоятельство, что в качестве общего принципа ответственности применяется правило о возмещении убытков, тем самым связывая гражданско-правовую ответственность со способом защиты гражданских прав в виде возмещения убытков, приведенном в ст. 12 ГК РФ [2] «Способы защиты гражданских прав» — способу защиты, который применим к любой гражданско-правовой ответственности, в том числе возникающей из договоров.

В силу того, что в России Конституция РФ имеет высшую юридическую силу и прямое действие, нормы гражданского законодательства не могут применяться без учета положений, закрепленных в Конституции РФ. Поэтому позитивное понимание гражданско-правовой ответственности не может пониматься и использоваться в юридической практике без учета положения Конституции РФ, предусматривающего в ч. 3 ст. 17 осуществление прав и свобод без нарушения прав и свобод других лиц. Поэтому принцип добросовестности действий при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей закреплен в той же первой статье ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства» [1] наряду с такими принципами, как равенство участников гражданских правоотношений, неприкосновенность собственности, свободы договора, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав и обеспечение восстановления нарушенных прав.

Также позитивное понимание гражданско-правовой ответственности не может пониматься и использоваться в юридической практике без учета других конституционных положений и гарантий, в том числе о том, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ), и о том, что каждый вправе владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ), и невозможно применение актов или их отдельных положений, признанных конституционными, в истолковании, отличном от данного Конституционным Судом РФ.

Также относительно классификации гражданско-правовой ответственности следует указать, что в силу норм статьи 8 ГК РФ [2] гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц. Причем далее в ст. 8 ГК РФ среди оснований перечислены (указаны) в качестве оснований

и договора (договорное основание) и иные сделки, и основание вследствие причинения вреда другому лицу (деликтное основание).

Но законодатель перечислил (выделил отдельными позициями) в ст. 8 ГК РФ девять отдельных оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, при этом законодатель использовал в конструкции нормы такую особенность, которая подчеркнула, что первым основанием возникновения гражданских прав и обязанностей являются договора и иные сделки (действия граждан и юридических лиц (ст. 153 ГК РФ)), так как сделки в соответствии с п. 1 ст. 154 ГК РФ [2] могут быть как многосторонними (договора), так и односторонними, как бы вторя последовательности, указанной о сделках в п. 1 ст. 154 ГК РФ.

Таким образом, конструкция нормы статьи 8 ГК РФ порождает предпосылку о том, что к договорной гражданско-правовой ответственности можно отнести и гражданско-правовую ответственность, которая может возникнуть вследствие односторонних действий, что еще более конкретизируется в п. 2 и п. 3 ст. 154 ГК РФ, в соответствии с которыми основным признаком деления сделок на договора (двусторонние и многосторонние сделки) и односторонние сделки является вид выражения воли субъектом гражданских правоотношений (согласованный для двух и более сторон или одной собственной воли).

Кроме того, в п. 2 ст. 154 ГК РФ указано, что односторонней считается и сделка, для совершения которой достаточно выражение воли одной стороны в соответствии с соглашением сторон. А в соответствии с п. 1 ст. 420 ГК РФ [2] соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей признается договором. То есть, при совершении односторонних действий (действий по одной своей собственной воле), направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, гражданами и юридическими лицами (совершении односторонней сделки) для случая, когда эти действия совершаются в соответствии с договором (соглашением сторон), такие действия будут нести гражданско-правовые последствия в виде установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей в соответствии с договором (соглашением достигнутом между сторонами заранее, а значит обусловлены договором (условие установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей предусмотрено в договоре) и, следовательно, ответственность по таким сделкам должна классифицироваться по основанию возникновения как договорная гражданско-правовая ответственность.

На основании приведенного выше анализа можно сделать обобщающий вывод о том, что мера ответственности, используя применяемую Конституционным судом РФ конструкцию, в виде возмещения ущерба применима и к ответственности, возникающей из оснований, установленных в договоре. При этом условие о возмещении ущерба может и не быть зафиксировано в тексте (документе), подписанном сторонами, но может являться (быть включенным) в содержание договора на основании действующих императивных норм гражданского законодательства или же на основании диспозитивных норм, когда стороны не установили в договоре иное (п. 4 ст. 421 ГК РФ, п. 1 ст. 422 ГК РФ) [2].

Таким образом, возмещение убытков является мерой гражданско-правовой ответственности, указанной в качестве способа защиты гражданских прав в ст. 12 ГК РФ [2].

Например, для договора мены в ст. 571 ГК РФ «Ответственность за изъятие товара, приобретенного по договору мены» [3] (императивная норма) преду-

смотрена ответственность, которая включает в том числе возмещение убытков при наличии оснований, предусмотренных в ст. 461 ГК РФ [2]. Но сторона, у которой третьим лицом изъят товар, вправе требовать возмещение убытков согласно ст. 571 ГК РФ, то есть в отличие от конструкции способа защиты гражданского права (путем возмещения убытков) в силу закона в качестве ответственности предусмотрено возникновение права (права требовать).

Такое же право требования полного возмещения причиненных лицу убытков предусмотрено и в ст. 15 ГК РФ «Возмещение убытков» [2] раздела I ГК РФ «Общие положения» [2], в которой раскрывается содержание способа защиты гражданских прав, если следовать логике расположения статей в главе 2 ГК РФ «Возникновение гражданских прав и обязанностей, осуществление и защита гражданских прав» [2]. А служит возмещение убытков мерой, в соответствии с тем, что убытки выражаются в денежном выражении (включают расходы и доходы), и поэтому убытки легко выразить в количественной форме, что, безусловно, способствует наиболее распространенному и понятному способу защиты гражданских прав и использованию убытков в качестве инструмента для восстановления нарушенного права, утраты или повреждения имущества и даже предполагаемого имущественного положения потерпевшего лица, если бы право его не было нарушено. То есть, полное возмещение убытков (реальный ущерб и упущенная выгода) обеспечивает восстановление нарушенных прав, позволяя реализовывать участникам гражданского оборота один из ключевых принципов гражданского права.

Но ответственность, предусмотренная нормами гражданского законодательства на примере ст. 571 ГК РФ [3] и общего правила, характеризующего относящийся к убыткам, способ защиты права указывает на возникновение права требования, что объединяет возникающую ответственность (право требовать) с понятием обязательства, которое дано в ст. 307 ГК РФ [2] о праве требования кредитора по отношению к должнику об исполнении им его обязанности.

Различия в сущности понятий «обязательство» и «ответственность» в гражданском законодательстве является отдельным объектом для исследования (например, односторонний отказ от исполнения обязательства), но взятая для анализа ст. 571 ГК РФ позволяет продемонстрировать, что понятие «ответственность» в гражданском законодательстве действительно связана с появлением у одной стороны права требования не только совершить действия по возмещению убытков, но и права требовать у другой стороны возврата товара (при этом совершить односторонний отказ эта другая сторона не может).

Так, в современной цивилистике поднимается проблема пересмотра взгляда на возмещение причиненного вреда как на гражданско-правовую ответственность в пользу ее обязательственной природы [8, с. 32]. Интересно, что в информационном письме Президиума ВАС РФ от 24.09.2002 № 69 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены» [5] (далее — Информационное письмо) указывается, что при неисполнении своих обязательств контрагентом, имеющим право выбора способа исполнения договора, другой стороне позволяется применить к нему по своему усмотрению ту меру ответственности, которая могла быть самостоятельно применена за нарушение каждого из альтернативных способов исполнения. И при этом приводится то обстоятельство, что поскольку у ответчика было право выбора исполнения своих обязательств, то у истца при неисполнении ответчиком своих обязательств возникает такое же право выбора в защите нарушенных прав.

Это обстоятельство, приведенное в Информационном письме, как раз свидетельствует о том, что гражданско-правовая ответственность возникает там и тогда, когда возникает право требования и возможность применения способа защиты права.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность является формой возникновения права на применение способа защиты гражданского права, для которой характерны следующие черты:

- возможность предъявления в суд гражданско-правового иска к лицу, которое нарушает права или создает угрозу нарушения прав другого лица (лиц);
- мера ответственности определяется на основании принципов законности, справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного и недобросовестного поведения;
- невозможность одностороннего отказа от ответственности за нарушение или угрозу нарушения прав других лиц;
- возможность добровольного выполнения требований лица, чьи права или законные интересы нарушены, лицом, нарушившим права или законные интересы;
- способ защиты права определяется в соответствии с гражданским законодательством, существом нарушенного права или законного интереса, а также, при наличии соглашений, в соответствии с условиями соглашений, и при этом у лица, чьи права или законные интересы нарушены, может быть альтернатива в выборе способа защиты права.

В заключении следует указать, что в качестве общего принципа гражданско-правовой ответственности применяется правило о возмещении убытков, которое наиболее полно раскрывает ее сущность, а виды гражданско-правовой ответственности могут быть классифицированы по избираемому способу защиты гражданского права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. — Текст: электронный // Официальный портал интернет-портала правовой информации: [сайт]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — №5. — Ст. 410.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 №39-П «По делу о проверке конституционных положений статей 15,1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева» // Вестник Конституционного Суда. — 2018. — № 2.

5. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.09.2002 № 69 «Обзор практики разрешения споров, связанных с договором мены» // Вестник ВАС РФ. — 2003. — № 1.

6. Белов В.А. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. В.А. Белов. — 2-е изд., стер. — М.: Юрайт, 2022. — 525 с.

7. Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности // Вестник гражданского права. — 2021. — № 4, 5, 6. — С. 212.

8. Цыганов В.И., Демин А.А. Причинение вреда и юридическая ответственность // Правовая парадигма. — 2018. — Т. 17. — № 1. — С. 31–38.

*А.Н. Довнар,
научный руководитель: С.А. Деханов*

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: ВОПРОСЫ ПРАВА

ACTUAL THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF PERSONS WITH DISABILITIES: LEGAL ISSUES

ДОВНАР Алексей Николаевич — студент 2 курса магистратуры факультета юриспруденции МГГЭУ (e-mail: dovnar.mggeu@mail.ru)

ДЕХАНОВ Сергей Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса МГГЭУ, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии (e-mail: daad95@mail.ru)

DOVNAR Aleksey Nikolaevich — 2st year Student of the Master's Degree of the Faculty of Law? MSUHE (e-mail: dovnar.mggeu@mail.ru)

DEKHANOV Sergey Alexandrovich — Doctor of the Juridical Science, Docent, Professor at the Department of the Civil Law and Procedure? MSUHE, Professor of the Civil Law Russian Customs Academy (e-mail: daad95@mail.ru)

Аннотация. Несмотря на активные усилия со стороны общества и государства, в Российской Федерации остаются нерешенными вопросы трудовой интеграции инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в трудовые коллективы. Проблема эта существует и требует скорейшего и комплексного решения.

В настоящей статье акцент сделан на анализе проблем правового регулирования статуса инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья и практики его применения.

По результатам исследования сформулированы предложения по внесению изменений в законодательные акты, которые позволят обеспечить эффективную реализацию прав и законных интересов данной социальной группы.

Ключевые слова: трудовое право, трудоустройство инвалидов, трудовая интеграция, права человека, права инвалидов, доступная среда, инклюзивное общество

Abstract. Despite active efforts on the part of society and the state, the issues of labor integration of disabled people and persons with disabilities into labor collectives remain unresolved in the Russian Federation. This problem exists and requires an early and comprehensive solution. In this paper, the emphasis is on the analysis of the problems of legal regulation of the status of persons with disabilities and persons with disabilities and the practice of its application. Based

on the results of the study, proposals were formulated for amending legislative acts that will ensure the effective implementation of the rights and legitimate interests of this social group.

Keywords: *labor law, employment of the disabled, labor integration, human rights, rights of persons with disabilities, accessible environment, inclusive society*

На январь 2022 года в Российской Федерации численность инвалидов составляла 11 331 000 человек, из них трудоспособными являются 3 330 000 человек, работают — 1 559 000 человек [13]. Приведенные статистические данные, с одной стороны, указывают на огромную разницу между трудоспособными инвалидами и фактически занятыми, а с другой — ставят перед исследователями вопрос поиска ответа на данную проблему.

В первую очередь, необходимо подчеркнуть, что проблематика трудоустройства не есть явление, возникающее в момент взаимодействия работника и работодателя при оформлении трудового договора (контракта), но обнаруживает себя гораздо раньше и проявляется, прежде всего, в слабой профориентационной работе с людьми, имеющими ограничения по здоровью.

После окончания вуза потенциальный соискатель рабочего места, выпускник, не может четко ответить на три главных вопроса в отношении своего интереса к конкретной профессии: могу? Хочу? Надо? Если на вопрос «надо» абитуриенты отвечают утвердительно (причем «надо» в этом случае воспринимается не как потребность рынка в специалистах конкретной специальности и квалификации, а как вынужденная реакция лица на давление ближайшего окружения и общества в целом), то с ответом «могу» и «хочу» возникают затруднения. В итоге обучение в вузе проходит по принципу «лишь бы было» и «для корочки».

В качестве одного из способов решения данной проблемы может стать расширение программы социального партнерства, когда закрепленное право и законный интерес ребенка в сфере профессиональной ориентации [4] на уровне школы будут осуществлять не социальные педагоги, а потенциальные работодатели, заинтересованные в формировании кадрового потенциала своих компаний и предприятий. Этого можно будет достичь посредством внедрения практики взаимодействия общеобразовательных школ (профильных гимназий или лицеев) с системой социально ориентированных предприятий, внедряющих в свою экономическую деятельность идеи социального предпринимательства [14, с. 110], гарантированные нормами федерального законодательства.

Вторым проблемным вопросом, также препятствующим трудоустройству лиц с инвалидностью, является отсутствие инфраструктурной доступности объектов, предназначенных для обучения лиц с инвалидностью. Несмотря на то, что Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (далее — Минобрнауки России) разработаны правила приема в вузы [8], возлагающие на образовательные организации высшего образования обязанность создавать специальные условия для прохождения вступительных испытаний инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья, во многих учебных заведениях комфортные условия для качественного обучения лиц с инвалидностью не созданы.

Учебным заведением, специализирующимся на обучении лиц с инвалидностью, является ФГБОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-эконо-

мический университет». В вузе созданы хорошие технические условия для обучающихся с нарушениями опорно-двигательного аппарата, тогда как для студентов с другими нозологиями (нарушениями речи, слуха и зрения) условий для полноценного и комфортного обучения пока нет. Другие вузы страны в этом аспекте с МГГЭУ сравниться не могут, хотя в Российской Федерации принята и действует государственная программа «Доступная среда» [7].

Одним из вариантов объяснения такого положения является то, что проблема инфраструктурной доступности высших учебных заведений для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья является сугубо практической, а потому не может быть решена только посредством совершенствования законодательного регулирования. В сложившейся ситуации необходим комплексный подход к разрешению проблемных аспектов и внедрению релевантных мер по минимизации и в последующем полному устранению наличествующих коллизий между теорией и практикой. В качестве рамочного можно выдвинуть предложение по разработке нормативно-правовой базы федерального и регионального уровней с целью создания механизма оценки эффективности формирования доступной среды [11, с. 120].

Третья проблема касается влияния наименований высших учебных заведений на практику трудоустройства лиц с инвалидностью. Это выражается в опасении работодателей принимать к себе на работу вчерашних студентов, которые окончили вуз, имеющий в наименовании мало кому понятные слова «инклюзивный» или «специальный» и производные от этих слов названия.

В качестве решения проблемы дискриминации лиц с инвалидностью по признаку их физического статуса предлагается внести изменения в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [6], исключив из части 6 статьи 23 норму, позволяющую образовательным организациям указывать в своем наименовании слова и (или) словосочетания, характеризующие особенности осуществления ими деятельности, которые в привязке к образовательному процессу в психологическом плане может служить дискриминирующим фактором.

После окончания учебного заведения выпускник идет устраиваться на работу и сталкивается с неудовлетворительным состоянием предлагаемых условий труда, за которыми кроется отсутствие социальной ориентированности рабочих мест, нежеланием работодателей исполнять предусмотренные законом обязанности по квотированию рабочих мест [3], чаще всего реализуемой в виде квотирования низкооплачиваемых рабочих мест, что подрывает у лиц с инвалидностью желание трудоустроиться и оборачивается постоянным поиском подходящей работы.

В этой связи считаем возможным и необходимым проработать с участием представителей работодателей и общественных организаций инвалидов перечень специальностей и предельную численность квотируемых мест по каждой из них таким образом, чтобы были учтены законные интересы всех участников трудовых правоотношений без злоупотребления правом каждой из сторон. Помимо этого на законодательном уровне можно было бы предусмотреть стимулирующие работодателей меры, скажем, по снижению налогового бремени, компенсации средств, расходуемых на адаптацию рабочего места для лица с инвалидностью [9, с. 97] и многие другие. Для тех работодателей, которые даже при наличии мер поддержки от государства не захотят соблюдать требования в части обеспечения права инвалидов на труд, следует предусмотреть ответ-

ственность в виде отчислений денежных средств на счет специально учрежденного фонда [12, с. 228], в мандат такого фонда будет входить восстановление нарушенных прав инвалидов посредством финансирования по созданию рабочих мест, отвечающих всем требованиям.

Надо сказать, что у проблемы неудовлетворительных условий труда для лиц с ограниченными возможностями здоровья есть и другая сторона медали, когда инвалиды без явных признаков физических ограничений не сообщают работодателю о наличии у них ограничений физического развития. В перечне документов, обязательных к предоставлению при трудоустройстве, не значатся ни справка об инвалидности, ни индивидуальная программа реабилитации инвалидов. Такая законодательная неучтенность порождает умышленное сокрытие сведений о состоянии своего здоровья со стороны работника и юридическое отсутствие у работодателя оснований требовать больше сведений, чем предписано трудовым законодательством Российской Федерации. Сюда же добавляется проблема представления сведений об инвалидности не только от впервые трудоустраивающегося работника, но и того, кто получил инвалидность в процессе осуществления своей трудовой деятельности у данного работодателя.

Преследуя цель выработки законодательной защиты прав работодателя и обеспечения наилучших интересов работника с инвалидностью (как имеющейся, так и приобретенной), мы предлагаем внести изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации, где в статье 65 [1] наряду с имеющимися документами необходимо указать на обязательность предоставления справки об инвалидности и индивидуальной программы реабилитации. Согласимся с коллегами, которые предлагают в этой части наладить взаимодействие с бюро МСЭ как органом, выдающим справки об инвалидности и программы реабилитации инвалидов [15]. Важно, чтобы механизм их взаимодействия был прозрачным, доступным для сведения лиц с инвалидностью как субъектов, по поводу которых такое взаимодействие необходимо.

Наконец, считаем важным акцентировать внимание на том, что никакие законодательные нововведения и контрольные меры не будут способствовать решению обозначенных в исследовании проблем и улучшению ситуации, если будет отсутствовать инклюзивная готовность работодателей к сотрудничеству с лицами, имеющими ограничения здоровья. Не вдаваясь в терминологическую характеристику употребленной категории «инклюзивная готовность», отметим, что ее практическое воплощение проявляется в первостепенном понимании работодателями в необходимости включения инвалидов в процесс осуществления ими трудовой функции и одновременном внедрении в пределах своих организаций практики конструктивного сотрудничества лиц с инвалидностью и без нее.

Как достичь высокого уровня инклюзивной готовности работодателей к взаимодействию с работниками, имеющими инвалидность или ограниченные возможности здоровья? Для этого необходимо на практике обеспечить реализацию уже предусмотренных на законодательном уровне мер поддержки инвалидов в сфере труда, одновременно с этим выстроить диалог между работниками с инвалидностью и работодателем, где каждая из сторон будет слушать и, что важнее, слышать друг друга.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — ст. 3.
2. Закон Российской Федерации от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 02.07.2021) «О занятости населения в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 22.04.1996. — № 17. — ст. 1915.
3. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 28.06.2021) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 27.11.1995. — № 48. — ст. 4563.
4. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 03.08.1998. — № 31. — ст. 3802.
5. Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 04.01.2010. — № 1. — ст. 5.
6. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 31.12.2012. — № 53 (ч. 1). — ст. 7598.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.03.2019 № 363 (ред. от 18.10.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Доступная среда”» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 15.04.2019. — № 15 (часть II). — ст. 1746 (начало), Собрание законодательства Российской Федерации. — 15.04.2019. — № 15 (часть III). — ст. 1746 (продолжение).
8. Приказ Минобрнауки России от 21.08.2020 г. № 1076 (ред. от 13.08.2021) «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.09.2020 № 59805) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. — 14.09.2020.
9. *Белокопытова Н.Ю., Бешикорева В.Ю.* Труд инвалидов: проблемы правового регулирования // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2018. — Т. 25. — № 1. — С. 94–98.
10. *Довнар А.Н.* Теоретико-правовые проблемы инклюзивного образования и трудовой интеграции инвалидов в общество (на примере ФГБОУИ ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет») // Проблемы экономики и юридической практики. — 2021. — Т. 17. — № 5. — С. 162–168.
11. *Магомедова А.Г.* Проблемы формирования доступной среды для инвалидов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2020. — Т. 36. — № 4. — С. 117–122.
12. *Маковецкая Т.О., Эртелева Д.И.* Проблемы реализации права инвалидов на труд // Закон и право. — 2021. — № 5. — С. 226–231.
13. Положение инвалидов / Федеральная служба государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 09.08.2022).
14. *Скудалова О.В.* Решение проблемы социализации выпускников детских домов посредством создания социально ориентированных предприятий:

российский опыт // Экономика. Управление. Инновации. — 2018. — № 1(3). — С. 109–111.

15. *Толбухина Н.* Неожиданные грабли, или куда нечаянно может «наступить» работодатель // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. — 2017. — № 6. — С. 36–40.

К.И. Косачёв

ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ ЛАБОРАТОРИЙ США НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

LEGAL AND POLITICAL ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF US BIOLOGICAL LABORATORIES ON THE TERRITORY OF UKRAINE

КОСАЧЁВ Константин Иосифович — кандидат юридических наук, заместитель Председателя Совета Федерации Российской Федерации

KOSACHEV Konstantin Iosifovich — Candidate of Law, Deputy Chairman of the Federation Council of the Russian Federation

---

Аннотация. Правовой основой для взаимодействия Украины и США в военно-биологической сфере является соглашение 2005 г. между Министерством обороны США и Минздравом Украины о сотрудничестве по предотвращению распространения технологий патогенов и сведений, которые могут быть использованы для разработки биологического оружия. В соответствии с этим соглашением военное ведомство США может «оказывать Минздраву Украины поддержку в области совместных биологических исследований, определения угроз от биологических агентов и выработки ответа на них применительно к опасным патогенам, размещенным на объектах на территории Украины». Всего в США и за их пределами по миру разбросано около 400 подконтрольных Пентагону лабораторий, в которых работает около 13 тысяч ученых.

При этом целый ряд документов самих США фактически ставит под запрет такую деятельность, поощряющую создание биооружия в других странах. В контексте военно-биологической деятельности стран Запада на Украине крайне важным становится анализ ее соответствия действующим нормам международного права.

Ключевые слова: биологическая лаборатория, биологическое оружие, опасные патогены, противодействие биологическим угрозам, Женевский протокол, международные соглашения в области ограничения биологического оружия КБТО, парламентское расследование.

Abstract. The legal basis for cooperation between Ukraine and the United States in the military-biological sphere is the 2005 agreement between the US Department of Defense and the Ministry of Health of Ukraine on cooperation to prevent the spread of pathogen technologies and information that can be used to develop biological weapons. In accordance with this agreement, the US military department can «provide support to the Ministry of Health of Ukraine in the field of joint biological research, identifying threats from biological agents and developing a response to them in relation to dangerous pathogens located at facilities on the ter-

ritory of Ukraine.» In total, about 400 Pentagon-controlled laboratories are scattered around the world in the United States and abroad, employing about 13 thousand scientists.

At the same time, a whole rad of documents from the United States itself actually prohibits such activities that encourage the creation of bioweapons in other countries. In the context of the military biological activities of Western countries in Ukraine, it becomes extremely important to analyze its compliance with the current norms of international law.

Keywords: *biolaboratory, biological weapons, dangerous pathogens, countering biological threats, Geneva Protocol, international agreements on limitation of biological weapons, BTWC, parliamentary investigation.*

В ходе проведения Россией специальной военной операции на Украине (СВО) в распоряжении Минобороны России оказались документы, которые подтверждают, что на территории Украины была создана сеть из не менее 30 биологических лабораторий, в которых проводились эксперименты, нацеленные на усиление патогенных свойств чумы, сибирской язвы, туляремии, холеры и других смертельных болезней, с использованием синтетической биологии. Эта работа велась при финансировании и непосредственном кураторстве Управления по снижению военной угрозы Министерства обороны США, в том числе в интересах Национального центра медицинской разведки Минобороны США. В его проекты по мониторингу биологической обстановки в предполагаемых районах размещения контингента государств — членов НАТО, по сбору и вывозу в США штаммов опасных микроорганизмов, а также в научно-исследовательскую работу по изучению потенциальных агентов биологического оружия, специфичных для данного региона, имеющих природные очаги и способных передаваться человеку, были вовлечены аффилированные с военным ведомством США частные компании, такие как Blac&Veatch, CH2M HILL, Metabiota. Всего за последние 10 лет на реализацию биопроектов на Украине было выделено более 1,5 млрд долларов.

Ключевую роль в осуществлении данных программ играла Центральная референс-лаборатория с уровнем биозащиты BSL-3 на базе украинского Научно-исследовательского противочумного института имени И.И. Мечникова в Одессе. Активное участие принимали исследовательские центры в других городах Украины: Киеве, Львове, Харькове, Днепре, Херсоне, Тернополе, Ужгороде, Виннице. Результаты исследований направлялись в военно-биологические центры США, в том числе в Научно-исследовательский медицинский институт инфекционных заболеваний, Научно-исследовательский институт им. Уолтера Рида, Центр медицинских исследований ВМС США, а также в военные лаборатории в Форте-Детрик, которые ранее являлись ключевыми объектами американской программы создания биологического оружия.

Стали, в частности, известны подробности проекта UP-4, осуществлявшегося в лабораториях Киева, Харькова и Одессы. В рамках проекта изучались возможности распространения особо опасных инфекций через мигрирующих птиц, в том числе высокопатогенного гриппа H5N1, летальность которого для людей достигает 50%, а также болезни Ньюкасла.

В рамках другого проекта в качестве переносчиков потенциальных агентов биологического оружия рассматриваются летучие мыши. Среди приоритетных направлений для изучения фигурируют бактериальные и вирусные патогены,

которые могут передаваться от летучих мышей к человеку: чума, лептоспироз, а также филловирусы и коронавирусы. Зафиксирован, в частности, факт передачи из биологической лаборатории в Харькове за рубеж более 140 контейнеров с эктопаразитами летучих мышей. Велись эксперименты по изучению переноса опасных заболеваний эктопаразитами — вшами и блохами.

В ходе спецоперации на территории Украины установлено, что в период с 2019 по 2021 гг. американские ученые из лаборатории в г. Мерефе (Харьковская область) проводили испытания потенциально опасных биологических препаратов на пациентах областной клинической психиатрической больницы № 3 города Харькова. В январе 2022 г. деятельность лаборатории в Мерефе была остановлена, все оборудование и препараты вывезены на запад Украины.

Украиной был направлен запрос турецкой компании-производителю о возможности оснащения беспилотных летательных аппаратов «Байрактар» навесным аэрозольным оборудованием. По имеющимся данным, в январе 2022 г. Украиной через посреднические организации было закуплено более 50 беспилотных летательных аппаратов, которые могут быть использованы для применения биологических рецептур и токсичных химикатов.

Одним из элементов схемы координации деятельности биологических лабораторий и научно-исследовательских институтов Украины со стороны США является Украинский научно-технологический центр (УНТЦ). Его правовой статус был определен Соглашением от 25 октября 1993 г. между правительствами Украины, Канады, США и Швеции, а также Протоколом о внесении поправок от 7 июля 1997 г.

УНТЦ выполнял роль распределительного центра грантов для проведения интересующих Пентагон исследований, в том числе в области биологического оружия. За последние годы на реализацию проектов УНТЦ Вашингтоном было израсходовано более 350 миллионов долларов по заказу и на средства, выделенные Госдепартаментом и Минобороны США. Полученные Министерством обороны России документы подтверждают связь УНТЦ с американским военным ведомством.

В период с 2014 по 2022 гг. Украинским научно-технологическим центром в странах постсоветского пространства (Украина, Грузия, Молдавия, Азербайджан) реализовано более 500 научно-исследовательских проектов.

Киевский режим после начала СВО предпринимал усиленные попытки зачистить все следы этой деятельности, чтобы к российской стороне не попали прямые свидетельства нарушения США и Украиной международного законодательства в сфере запрещения биологического оружия. Министерство здравоохранения Украины поставило задачу с 24 февраля полностью уничтожить биоагенты, находящиеся в лабораториях. Согласно инструкциям для сотрудников лабораторий, ликвидация коллекций, со всей очевидностью, направлена на их безвозвратное уничтожение. Есть данные, что только во Львове было уничтожено 232 емкости с возбудителем лептоспироза, 30 — с туляремией, 10 — с бруцеллезом, 5 — с чумой. Всего более 320 емкостей. Как считает Министерство обороны Российской Федерации, номенклатура и избыточное количество патогенов дают основания полагать, что работы проводились в рамках военно-биологических программ.

Деятельность биологических лабораторий осуществлялась на фоне реализуемой США программы так называемого «реформирования» украинской системы здравоохранения. Однако результатом этой «реформы» стал неуправляемый

рост заболеваемости на Украине особо опасными и экономически значимыми инфекциями. В частности, отмечался рост числа случаев краснухи, дифтерии, туберкулеза. Заболеваемость корью увеличилась более чем в 100 раз. Всемирная организация здравоохранения объявила Украину страной с высоким риском вспышки полиомиелита. Регулярными на Украине стали вспышки африканской чумы свиней. В 2019 г. была зафиксирована вспышка болезни, по симптомам схожей с чумой.

Тревогу по поводу происходящего забили и сами украинцы. 15 апреля 2020 г. депутаты Верховной рады Украины Виктор Медведчук и Ренат Кузьмин сделали заявление о возможной деятельности американских биологических лабораторий на территории Украины. Парламентарии утверждали, что лаборатории «угрожают жизни и здоровью украинских граждан», а их появление на Украине «совпало с несколькими вспышками серьезных инфекционных заболеваний в стране».

«В частности, в 2009 г. в Тернополе возник очаг вируса, который вызвал геморрагическую пневмонию. Ее жертвами стали 450 украинцев. В 2011 году на Украине произошла вспышка холеры — тогда госпитализировали 33 человека. А три года спустя холеру обнаружили уже у 800 человек. Еще годом позже только в Николаеве зафиксировали более 100 случаев холеры», — сообщалось на сайте «Оппозиционная платформа — За жизнь» (ОПЗЖ). Указывалось и на другие случаи: в январе 2016 г. в Харькове по меньшей мере 20 военнослужащих погибли от похожего на грипп вируса, еще более двухсот человек были госпитализированы, а «два месяца спустя на Украине было зафиксировано 364 погибших». «Причина — свиной грипп А (H1N1), то есть тот же штамм, который привел к мировой пандемии в 2009 г.» — отметил В. Медведчук. В 2017 г. в Николаеве, по его данным, произошла вспышка гепатита А, летом того же года — в Запорожье и Одессе, а осенью — в Харькове.

«Учитывая рост заболеваемости населения серьезными инфекционными болезнями, есть все основания полагать, что тайная и непрозрачная деятельность опасных иностранных биологических объектов на территории Украины имеет своей задачей скрытое тестирование действия вирусов и бактерий на гражданах Украины», — публично заявлял тогда политик.

7 августа 2020 г. Шевченковский районный суд Киева принял решение, которым обязал Службу безопасности Украины (СБУ) провести досудебное расследование сведений, изложенных в заявлении депутатом Верховной рады.

Понятно, что руководство Украины сделало все возможное, чтобы препятствовать такому расследованию. В мае 2020 г. Служба безопасности Украины опубликовала заявление, в котором отрицалось наличие на Украине иностранных биологических лабораторий, занимающихся разработкой технологий для создания биологического оружия, а также содержался призыв к политикам прекратить распространять «дезинформацию». Фактически никакого расследования не проводилось.

Правовой основой для взаимодействия Украины и США в военно-биологической сфере является соглашение 2005 г. между Департаментом обороны США и Минздравом Украины о сотрудничестве по предотвращению распространения технологий патогенов и сведений, которые могут быть использованы для разработки биологического оружия. В соответствии со статьей 3 соглашения, военное ведомство США может «оказывать Минздраву Украины поддержку в области совместных биологических исследований, определения угроз от биологических агентов и выработки ответа на них применительно

к опасным патогенам, размещенным на объектах на территории Украины». Согласно ст. 7 этого соглашения, результаты двустороннего сотрудничества относятся к категории закрытых.

С учетом вполне очевидных фактов, неоднократно вызывавших озабоченность многих политиков и общественных деятелей на Украине и за ее пределами, США не могли отрицать существования биологических лабораторий на территории Украины. На вопрос сенатора США Марка Рубио на слушаниях в американском сенате: «Владеет ли Украина химическим или биологическим оружием?» заместитель государственного секретаря США по политическим делам Виктория Нуланд признала, что на Украине есть биологические лаборатории, где проводятся исследования. При этом она прямо заявила, что американская сторона предпринимает все усилия, чтобы результаты деятельности этих лабораторий не попали в руки Вооружённых сил Российской Федерации.

Известная американская антивоенная активистка, член Палаты представителей Конгресса США в 2013–2021 гг. Тулси Габбард высказалась еще откровеннее: «Перед нами неоспоримые факты. На Украине есть от 25 до 30 биологических лабораторий, которые финансируют США. Как заявило американское правительство, в этих биологических лабораториях проводятся исследования опасных патогенов. На Украине сейчас проходят боевые действия, много где идут бомбардировки и обстрелы. И эти объекты даже в самых безопасных условиях могут запросто оказаться в уязвимом положении, из-за которого произойдет утечка патогенов»¹.

По нашим данным, задействованные в работах с опасными патогенами на Украине сотрудники являлись гражданами США и обладали дипломатическим иммунитетом. Среди них были эксперты по биологическому оружию, которые наладили контакты с украинскими специалистами, участвовавшими ранее в реализации советских военно-биологических программ.

Повышенное внимание Киева — при прямой поддержке Вашингтона — к разработке именно биологического оружия вполне понятно. Как отмечают эксперты, во-первых, программы таких разработок трудно отличимы или вовсе не отличимы от легитимных научных исследований. Во-вторых, используемые методы и техника не отклоняются от стандартных биотехнологических протоколов; фактически все современные методы молекулярной биологии, геномной инженерии и биотехнологии могут быть квалифицированы как «двойные технологии». В-третьих, необходимое оборудование, материалы и реактивы легкодоступны на рынке научного и биотехнологического оборудования².

При этом само биооружие представляет немалый интерес для использования его в военных целях государствами, не обладающими иными видами оружия массового поражения.

«Целый ряд особенностей биологического оружия нового поколения — молекулярного биологического оружия — имеет уникальный и беспрецедентный характер. Ниже следует список этих особенностей.

¹ ТВ-новости: [сайт]. — URL: <https://russian.rt.com/inotv/2022-03-17/Daily-Wire-sushhestvovanie-biolaboratorij-na>.

² *Спирин А.С.* (академик, зав. каф. молекулярной биологии МГУ, советник РАН). Фундаментальная наука и проблемы биологической безопасности: доклад на совместном Общем собрании Российской академии наук и Российской академии медицинских наук. — Текст: электронный // Вестник Российской академии наук. — 2004. — Т. 74. — № 11. — С. 963–972.

- Низкая стоимость разработок, возможность создания силами одной небольшой лаборатории с двумя-тремя высококвалифицированными специалистами-биотехнологами.
- Громадный эффект воздействия: один грамм вещества может содержать от одного до ста квинтиллионов (10¹⁸–10²⁰) активных молекул патогена, и если это молекулы амплифицирующихся РНК или ДНК, каждая молекула, попавшая в организм, будет размножаться и заражать окружающие особи (в последнем заключается принципиальное отличие от химического оружия).
- Обход иммунологических барьеров организма и специфических вакцинаций.
- Необычная клиническая картина, трудность диагностики.
- Бессилие традиционных лекарств и методов лечения.
- Отсутствие материальных разрушений.
- Возможность скрытых разработок.
- Возможность скрытого применения.
- Возможность отсроченного эффекта.
- Возможность избирательного воздействия на определенную популяцию (путем использования генетических, климатических и культурных особенностей рас, наций, народностей)¹.

Всего в США и за их пределами по миру разбросано около 400 лабораторий, подконтрольных Пентагону, в которых работает около 13 тысяч ученых, занятых созданием штаммов боевых патогенов-убийц (микробов и вирусов), устойчивых к вакцинам. Об этом сообщает, в частности, профессор международного права Иллинойского университета в Шампейне (США) Френсис Бойл, автор закона против биологического терроризма (Biological Weapons Anti-Terrorism Act of 1989, BWATA).

За последние двадцать лет, по данным Бойла, США потратили около 100 млрд долл. на разработку оружия биологической войны. «Фактически теперь у нас есть индустрия наступательного биологического оружия, которая нарушает Конвенцию о биологическом оружии и Закон в отношении биологического оружия 1989 года», — говорит американский учёный².

При этом целый ряд документов самих США фактически ставит под запрет такую деятельность, поощряющую создание биооружия в других странах. Так, Национальная стратегия противодействия биологическим угрозам США (National Strategy For Countering Biological Threats of November 2009) содержит следующее положение: «Мы будем продолжать выполнять наши обязательства по Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБО), а так же никоим образом не помогать, поощрять или побуждать какое-либо государство, группу государств или международные организации приобретать биологическое оружие. В соответствии с этим и другими обязательствами по внутреннему законодательству и международным соглашениям, мы будем стремиться проводить политику и действия, способствующие глобальной доступности открытий и технологий в области естественных наук в мирных целях»³.

¹ Там же.

² Катасонов В. Биологические лаборатории на Украине и военная операция. — Текст: электронный // Фонд стратегической культуры: [сайт]. — URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/02/25/biologicheskie-laboratorii-pentagona-i-specialnaja-voennaja-operacija-na-ukraine-55647.html>.

³ National Strategy For Countering Biological Threats. — Текст: электронный // Under Secretary of Defense for Policy U.S.: [сайт]. — URL: https://policy.defense.gov/portals/11/Documents/hdasa/National_Strategy_for_Countering_BioThreats.pdf.

В контексте военно-биологической деятельности стран Запада¹ на Украине крайне важным становится анализ ее соответствия действующим нормам международного права.

Первым многосторонним соглашением в этой сфере является Протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Женевский протокол 1925 г.).

Согласно этому документу, не допускается использование возбудителей инфекционных заболеваний в ходе военных действий между участниками. Однако этот договор не накладывал ограничений или запретов на разработку биологического оружия и касался лишь его неприменения на войне между государствами — участниками Протокола. Советский Союз присоединился к Женевскому протоколу в 1928 г. В 2001 г. Россия сняла все оговорки, сделанные в свое время СССР при присоединении к Протоколу.

Что касается США, то они ратификацию Женевского протокола 1925 года сопроводили рядом оговорок, одна из которых допускает ответное применение химического и токсинного оружия. В соответствии с Федеральным законом США «О единении и сплочении Америки в борьбе с терроризмом», исследования в области создания биологического оружия допускаются с санкции американского правительства, исходя прежде всего из принципа приоритетности внутреннего законодательства над международным.

В конце 60-х годов XX века ведущие державы мира начали работу над подготовкой нового документа в сфере запрета биологического оружия. Результатом этих усилий стало принятие Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО).

5 августа 1971 г. США, с одной стороны, и СССР с союзниками — с другой представили два идентичных текста будущей конвенции. С небольшими изменениями КБТО была открыта к подписанию 10 апреля 1972 г., и уже в том же году ее участниками стали 80 стран. Конвенция вступила в силу 26 марта 1975 г., а в качестве ее депозитариев выступили СССР, США и Великобритания.

Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО), как она называется полностью — документ по-своему уникальный и исторический.

Во-первых, Конвенция стала первым международным договором, запретившим целую категорию оружия массового уничтожения. Она предписывает не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать и не сохранять биооружие и средства его доставки, а также содержит обязательства по его уничтожению, запреты на его передачу и любое содействие по его разработке и приобретению.

Сам по себе запрет на вепонизацию, то есть на использование в военных целях биологических агентов, безусловно, важнейшее достижение человечества, что особенно актуально в условиях до сих пор не прекратившейся пандемии ко-

---

¹ МИД России приводил данные о том, что речь может идти и о деятельности других стран Запада в сфере разработок биологического оружия на территории Украины. В частности, «о реализации Германией на Украине собственной военно-биологической программы, цель которой — изучение в условиях Восточной Европы потенциала смертельно опасных заболеваний, таких как конго-крымская геморрагическая лихорадка». — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1808437.

ронавирусной инфекции COVID-19. Даже оставив в стороне спекуляции на тему происхождения этой инфекции, уже очевидно, что угроза от бесконтрольной разработки, применения или даже случайной утечки вируса имеет глобальный характер и любой инцидент может привести к огромным потерям для человечества, поменяв даже сам привычный уклад его жизни.

Во-вторых, Конвенция, принятая в самый разгар — холодной войны, стала обнадеживающим сигналом способности конфликтующих сторон договариваться друг с другом в интересах всего человечества. Сегодня ее участниками являются более 180 государств планеты, но у ее истоков были, прежде всего, две сверхдержавы — СССР и США.

Первые три статьи КБТО содержат ключевые запреты в сфере производства и распространения биооружия. В соответствии со ст. I государства обязуются не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять биооружие. Статья II обязывает участников уничтожать биооружие, оборудование и средства доставки. Статья III запрещает передачу биооружия и любое содействие по его разработке и приобретению.

К сожалению, нынешнее тысячелетие отмечено крайне неконструктивным настроением, в первую очередь США, которые все это время выходили из целого ряда фундаментальных соглашений в сфере контроля над вооружениями. Однако КБТО по-прежнему в числе действующих конвенций в сфере контроля над вооружениями, и Россия последовательно настаивает на необходимости укрепления ее эффективности в современных условиях, когда международный кризис приобрел перманентный и системный характер. Укрепление режима Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении в целях обеспечения полного запрета биологического оружия, а также расследование случаев предполагаемого применения биологического и токсинного оружия закреплены в России на законодательном уровне¹.

В свое время СССР и неприсоединившиеся страны пытались добиться того, чтобы Конвенция включала в себя и химическое оружие, однако США это не устроило, поэтому первым под запрет попало именно биологическое оружие.

Достаточно быстро после вступления в силу Конвенции стали понятными пределы возможностей ее применения, и это отразилось на ее реализации. В частности, она не содержала даже перечня биологических агентов, подлежащих запрету. И это также следствие позиции США и их союзников. Так, США в 2001 г. отказались подписать международный протокол о признании 33 микроорганизмов потенциальными агентами биологического оружия, поскольку, по мнению Государственного департамента США, в документе имелось 37 статей, «не соответствующих интересам национальной безопасности США».

С учетом развития технологий в сфере микробиологии и генной инженерии возникают все новые и новые риски, не в полной мере охватываемые КБТО: «Следует отметить, что последние научные достижения в области биологии, генной инженерии и биотехнологии сделали более доступными технологии культивирования возбудителей инфекционных болезней, получения опасных

¹ О биологической безопасности в Российской Федерации: Федеральный закон № 492-ФЗ: [принят 30 декабря 2020 года]. — Текст: электронный // Интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012300021>.

продуктов их жизнедеятельности (токсинов), а также технологии создания генно-модифицированных организмов (ГМО)»¹.

Статья 1 КБТО накладывает запрет лишь на разработку, производство накопление, приобретение и сохранение микробиологических или других биологических агентов или токсинов таких видов и в таких количествах, которые не предназначены для профилактических, защитных или других мирных целей, а также оружия, оборудования или средств доставки, предназначенных для использования таких агентов или таких токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах.

Именно поэтому положения Конвенции раз в пять лет с 1980 г. разъяснялись на специальных обзорных конференциях по рассмотрению ее действия. Скажем, в итоговом документе Обзорной конференции 1996 г. отмечается, что применение биологического или токсинного оружия также является нарушением Конвенции. А само понятие «биологическое и токсинное оружие», так и не получившее в тексте Конвенции точного определения, было разъяснено через концепцию «количества и цели»: «микробиологические или другие биологические агенты или токсины таких видов и в таких количествах, которые не имеют назначения для профилактических, защитных или других мирных целей», а также соответствующее оборудование и средства доставки.

Полученные, в частности, в ходе СВО сведения подтверждают обоснованность неоднократно озвученных Россией озабоченностей в контексте выполнения КБТО в связи с военно-биологической деятельностью США и их союзников на постсоветском пространстве. Номенклатура и избыточное количество патогенов, которые были уничтожены в украинских лабораториях, свидетельствуют о проведении военно-биологических работ в нарушение статьи 1 с учетом, в том числе, интерпретирующих решений обзорных конференций.

Более существенным ограничением применения Конвенции является отсутствие контрольного (верификационного) механизма ее применения. Советский Союз уже на Второй обзорной конференции КБТО в 1986 г. впервые поставил вопрос о разработке такого механизма, однако другие страны-участницы эту идею не поддержали, и с тех пор проблема так и не решена по причине открытого саботажа со стороны стран Запада.

При этом к рубежу тысячелетий мы были весьма близки к достижению цели: Россия еще в 90-е годы выступала за принятие специального документа, который бы обеспечивал эффективный контроль за соблюдением Конвенции. Проект дополнительного юридически обязывающего протокола к КБТО предполагалось одобрить на Пятой обзорной конференции в конце 2001 г. Но опять же по вине США 10-летние усилия многих стран мира, работавших над документом, в июле 2001 г. были фактически сорваны.

Тем не менее переговорный мандат по подготовке Протокола не отменен, и Россия продолжает настойчиво работать над тем, чтобы он был принят, что тем более важно в свете постоянно открывающихся обстоятельств о деятельности закрытых биологических лабораторий в различных странах мира.

С целью возобновить работу в этом направлении Россия вместе с Китаем, Белоруссией и Арменией в декабре 2015 г. выступила с инициативой о нача-

¹ Холиков И.В. Правовые аспекты химической и биологической безопасности Российской Федерации. — Текст: электронный // Научная сеть «Современное право»: [сайт]. — URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Правовые-аспекты-химической-и-биологической-безопасности-Российской-Федерации>.

ле переговоров по новому юридически обязывающему документу. Предлагаемый инициаторами компромиссный и сбалансированный переговорный мандат включает меры доверия, национальное осуществление, развитие международного сотрудничества в мирных целях, помощь и защиту от биологического оружия, расследование его предполагаемого применения, мониторинг научно-технических достижений.

В ходе первой сессии Подготовительного комитета VIII Обзорной конференции КБТО (Женева, 26–27 апреля 2016 г.) в развитие инициативы 2015 г. Россия внесла два новых предложения (рабочих документа), имеющих практическую направленность:

- о создании в формате КБТО мобильных медико-биологических отрядов для оказания помощи в случае применения биологического оружия, расследования такого применения, а также для борьбы с эпидемиями различного происхождения. Посредством таких отрядов предлагается обеспечить потенциал реализации в рамках КБТО положений ст. VII (помощь и защита от биологического оружия), ст. X (международное сотрудничество в предотвращении и борьбе с эпидемиями) и ст. VI (расследование предполагаемого применения биологического оружия);
- о создании в формате КБТО Научно-консультативного комитета для анализа научно-технических достижений, имеющих отношение к Конвенции, и предоставления государствам соответствующих рекомендаций. По нашему замыслу комитет должен быть основан на успешном международном опыте в рамках ОЗХО и обеспечивать справедливое географическое представительство.

Важно то обстоятельство, что позицию России разделяют многие государства, и прежде всего еще один постоянный член Совета Безопасности ООН — Китай. Отмечу, например, Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Китайской Народной Республики об укреплении Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, сделанное еще в октябре 2021 г., в котором, в частности, говорится: «Зарубежная военно-биологическая деятельность Соединенных Штатов и их союзников (более 200 американских биологических лабораторий, деятельность которых секретна и нетранспарентна, размещены за пределами национальной территории США) вызывает у международного сообщества серьезные опасения и вопросы на предмет соблюдения КБТО. Стороны разделяют мнение о том, что такая деятельность представляет серьезную угрозу для национальной безопасности Российской Федерации и Китая и наносит ущерб безопасности соответствующих регионов»¹.

Единство позиций можно констатировать и у всех партнеров России по евразийским интеграционным структурам, в том числе — по ОДКБ. В частности, в совместном заявлении министров иностранных дел государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности об укреплении Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия, принятом 19 мая 2021 г. по итогам заседания в Душанбе, в котором была подчеркнута необходимость соблюдения и укрепления КБТО, «в том числе путем институционализации

¹ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Китайской Народной Республики. — Текст: электронный // Министерство иностранных дел РФ: [сайт]. — URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/international_safety/1777310/?lang=ru.

и принятия юридически обязывающего Протокола к Конвенции, предусматривающего среди прочего эффективный механизм проверки соблюдения КБТО»¹.

Россия в свою очередь поддержала инициативы ряда других стран. В частности — предложение Китая по созданию в рамках КБТО инклюзивного и недискриминационного экспортно-контрольного механизма и выработке кодекса поведения для ученых-биологов; Швейцарии — по внедрению практических мер по обзору научно-технических достижений, ЮАР — по уточнению порядка обращения государства-участника за помощью в случае, если оно подверглось опасности из-за нарушения конвенции, Индии и Франции — по ведению базы данных с включением в нее видов помощи, которая может быть предоставлена пострадавшему государству².

Следует отметить и конструктивную позицию Международного Комитета Красного Креста, которая была представлена в официальном заявлении от имени организации, озвученном вице-президентом МККК Кристиной Берли на Восьмой конференции государств — участников КБТО по рассмотрению действия Конвенции 7–25 ноября 2016 г. в Женеве³.

В заявлении предлагалось сделать пять конкретных шагов для укрепления запрещения биологического оружия.

- 1) Разработать эффективные методы мониторинга и оценки соблюдения КБТО. В качестве первого шага МККК призвал создать рабочую группу, которая занялась бы этой темой с 2017 г.
- 2) Обеспечить готовность государств принять необходимые меры и помочь друг другу в случае применения биологического оружия. Предложено создать рабочую группу, чтобы согласовать способы расширения возможностей для реагирования там, где их не хватает, улучшения координации действий между участниками соответствующих операций, устранения имеющихся сейчас препятствий на пути эффективного оказания помощи и, в конечном счете, ограничения гуманитарных последствий любого применения биологического оружия.
- 3) Создать эффективный механизм оценки того, что научно-технический прогресс означает для КБТО. Государства-участники должны постоянно следить за стремительным развитием науки и техники и за связанными с ним потенциальными рисками, чтобы предотвращать разработку и применение биологического оружия, обеспечивая при этом беспрепятственное продолжение биологических исследований в мирных и благих целях.
- 4) Прилагать усилия к тому, чтобы содействовать всеобщей ратификации КБТО или присоединению к ней.
- 5) Осуществлять усилия по эффективной имплементации договора на национальном уровне, обеспечив отражение государствами своих международных обязательств во внутригосударственном законодательстве

¹ Совместное заявление министров иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности об укреплении Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия. — Текст: электронный // Министерство иностранных дел РФ: [сайт]. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1422637.

² Балаов А. Невооруженным глазом: о необходимости укреплять конвенцию, запрещающую бактериологическое оружие // Международная жизнь. — 2017. — №8. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1899>.

³ Конференция по биологическому оружию: заявление МККК. — Текст: электронный // МККК: [сайт]. — URL: <https://www.icrc.org/ru/document/biological-weapons-review-conference-icrc-statement>.

и наличие надлежащих мер в области биозащиты, биобезопасности, экспортного контроля и правоприменения.

Но, конечно же, проблема формирования эффективного международного механизма контроля за соблюдением КБТО становится центральным элементом усилий по совершенствованию системы противодействия разработке и распространению биологического оружия. И блокирующая позиция США по отношению к этим усилиям выглядит уже откровенной попыткой избежать международного контроля за деятельностью Вашингтона на территории фактически зависимых от него стран, в том числе и в первую очередь — на постсоветском пространстве.

В принципе, КБТО предполагает организацию консультаций в случае наличия подозрений у ее участников в нарушении ее положений другими участниками. Именно поэтому МИД России уже заявлял о возможности задействования механизмов статей V и VI КБТО, в соответствии с которыми государства-участники должны консультироваться друг с другом в решении любых вопросов в отношении цели Конвенции или в связи с выполнением ее положений, а также сотрудничать в проведении любых расследований возможных нарушений обязательств по КБТО.

Заместитель Генерального секретаря ООН, высокий представитель по вопросам разоружения Идзуми Накамицу заявляла: с учетом того, что в КБТО «нет многостороннего механизма проверки, который бы контролировался независимой организацией, такой как ОЗХО», КБТО содержит ряд мер, к которым государства-участники могут прибегнуть «для разрешения ситуаций, в которых у стран-участниц есть опасения или подозрения в отношении деятельности их коллег». Речь идет именно о статьях V и VI Конвенции, о которых говорит МИД России, и статья VI, в частности, предусматривает, что «любое государство-участник... конвенции, которое констатирует, что какое-либо другое государство-участник действует в нарушение обязательств, вытекающих из положений конвенции, может подать жалобу в СБ ООН».

Высокий представитель ООН подтвердила: «В случае согласия Совета Безопасности может быть инициировано расследование на основе полученной жалобы»¹.

Еще одно важнейшее направление работы — подробное и максимально широкое информирование мировой общественности обо всем, что удалось узнать в ходе российской спецоперации о деятельности секретных биологических лабораторий на территории Украины. По мере получения и обработки данных они будут выставляться на всеобщее обозрение и на суд общественности. Эксперты считают, что даже сама угроза применения биологического оружия может оказывать влияние на население, и не исключено, что она может быть задействована в ходе военных действий: «Помимо способности вызывать физические травмы и болезнь, биологические и химические агенты могут вполне использоваться при ведении психологической войны (военный термин, означающий подрыв морали, включая терроризирование) с учетом того ужаса и страха, которые они вызывают. Даже в том случае, когда указанные агенты не используются на самом деле, угроза их применения может вызвать нарушение нормальной жизни и даже панику»².

¹ Замгенсека ООН предложила проверить биологические лаборатории на Украине. — Текст: электронный. — URL: <https://eadaily-com.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2022/03/12/zam-genseka-oon-predlozila-proverit-biolaboratorii-na-ukraine>.

² Коновалов П.П., Арсентьев О.А., Буянов А.Л., Низовцева С.А., Масляков В.В. Применение биологического оружия: история и современность // Современные проблемы науки

В этих условиях для российского парламента было принципиальным создать собственный механизм изучения обстоятельств этого дела, которое представляет самую прямую угрозу жизни и здоровью наших граждан. В связи с этим Федеральное собрание Российской Федерации открыло парламентское расследование обстоятельств, связанных с созданием американскими специалистами биологических лабораторий на территории Украины, и создало соответствующую комиссию, в которой на паритетных началах представлены парламентарии от обеих палат парламента.

За Постановление о возбуждении такого расследования в соответствии с Федеральным законом «О парламентском расследовании Федерального собрания Российской Федерации» от 2005 г. сенаторы единогласно проголосовали на заседании 23 марта 2022 г. Автору этой статьи поручено возглавить соответствующую комиссию в качестве ее сопредседателя от Совета Федерации. Сопредседателем от Государственной думы является заместитель Председателя Государственной думы Ирина Яровая.

На середину июня 2022 года состоялось уже 6 заседаний Комиссии (первое прошло 31 марта 2022 г.), а также одно заседание научно-консультативного совета, в рамках которого парламентарии могут опираться на мнение ведущих российских экспертов в этой сфере. В рамках мероприятий мы заслушали представителей федеральных органов исполнительной власти, обладающих компетенцией в соответствующей сфере — Министерства обороны, МИД России, Роспотребнадзора и других.

Эту комиссию нельзя рассматривать, например, в качестве некоей судебной инстанции или альтернативы следствию: закон четко предусматривает, что предметом парламентского расследования не может быть установление виновности конкретных лиц в совершении преступления. Одна из ее задач, в соответствии с законодательством, — выявление причин и условий возникновения фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения парламентского расследования, информирование о них общества, а также оказание содействия в устранении таких причин и условий¹.

Срок самого парламентского расследования не может превышать одного года со дня создания комиссии, а по результатам расследования будет готовиться итоговый доклад. Этот доклад после утверждения палатами Федерального Собрания направляется Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации, а также, при необходимости, в иные федеральные органы государственной власти, Генеральному прокурору Российской Федерации и одновременно публикуется в установленном порядке.

Результатом расследования, как представляется, могут стать данные чрезвычайной важности, свидетельствующие об истинных целях деятельности Запада на постсоветском пространстве, представляющих угрозу гражданам России и соседних стран, международному миру и безопасности в целом.

и образования. — 2014. — № 6. — Текст: электронный. — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16621>.

¹ О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон № 196-ФЗ [принят 27 декабря 2005 г.] (в редакции федеральных законов № 277-ФЗ от 30.12.2006; № 404-ФЗ от 28.12.2010; № 88-ФЗ от 07.05.2013).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Экспертиза рукописей осуществляется на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей: 22.00.00 — социологические науки; 08.00.00 — экономические науки; 12.00.00 — юридические науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Принимаются статьи объемом от 8 до 24 страниц А4; для публикаций в рубрику «Исследования молодых ученых» — до 12 страниц. Страницы должны быть пронумерованы.

Материалы представляются в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, кегль 14, полуторный межстрочный интервал, отступ первой строки абзаца — 1,25 см, верхнее поле — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки и схемы в случае, если они подготовлены не в программе Word, следует высылать в виде отдельных файлов. Весь иллюстративный материал, включая таблицы, должен быть пронумерован и озаглавлен.

Статья должна содержать обязательные элементы: 1) *название* на русском и английском языках; 2) *сведения* об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 3) *аннотацию* (не более 15 строк) и список ключевых слов (не более 7) на русском и английском языках; 4) *список литературы* (в алфавитном порядке, сначала работы на русском, после них — на иностранных языках, затем — интернет-источники).

Список литературы не должен содержать указаний на работы, которые не упоминаются в тексте.

Более подробно с требованиями к рукописи можно ознакомиться на странице журнала в Интернете: <http://vestnik.mggeu.ru>.

Ссылки на источники даются в тексте в квадратных скобках: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]. Автор несет ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49, каб. 108а. или на электронную почту редакции: bobko@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. Решение об отказе от публикации может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин. При положительном решении *автор берет обязательство* не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

**Человек. Общество.
Инклюзия**

3(51) 2022

Ответственный за выпуск:	С.А. Бобко
Технический редактор:	К.А. Антонов
Редактор/корректоры:	Ю.Ф. Кравчинская А.А. Антонов
Компьютерная верстка:	К.А. Антонов

Подписано в печать 03.11.2022. Формат 70×108 ¹/₁₆.

Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.

Печ. лист 8. Тираж 500 экз. Заказ № 13.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)

107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.

Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии СтР.

ISSN 2412-8139

16001

9 772412 813004

